

Ответственный редактор

К. ЗВЕЛЕБИЛ

ТИРУКУРАЛ

Книга о добродетели, о политике и о любви

Утверждено к печати Редакционным советом
востоковедной литературы при Отделении исторических наук АН СССР

Редакторы издательства И. Л. Елевич и А. М. Пятигорский

Художник Л. С. Эрман

Художественный редактор И. Р. Бескин

Технический редактор С. В. Цосткова

Корректоры И. И. Исаева и А. С. Княпина

Сдано в набор 21/V 1963 г. Подписано к печати 14/VIII 1963 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4,875. Усл. п. л. 8. Уч.-изд. л. 7,9.

Тираж 11000 экз. Зак. 719. Цена 45 коп.

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы. Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тирукурал — одна из наиболее популярных книг Южной Индии. Автором ее считается пария Тируваллувар, почитаемый тамильским народом как истинный мудрец. История Южной Индии уходит в глубь тысячелетий и представляет особый интерес для исследователя культуры Юго-Восточной Азии. Южная Индия заселена народами, говорящими на дравидийских языках, родство которых с другими языковыми семьями до сих пор не удалось доказать. Главные из этих языков — тамильский, малайлам, каннада, телугу.

Общее число тамилос превышает тридцать миллионов; большинство из них (около двадцати шести миллионов) живет в Южной Индии в штате Тамилнад. Около трех миллионов тамилос заселяет северную часть Цейлона. Многие тысячи тамилос переселились в другие страны и стали постоянными жителями Бирмы и Малайи, Индонезии, Южной Африки и Мадагаскара.

Тамильская литература является наиболее древней и насчитывает два тысячелетия непрерывного развития. В начале нашей эры в Южной Индии существовали тамильские санги, или своего рода литературные академии, куда входили многие сотни поэтов. Согласно традиции, было три санги, первая из которых процветала при покровительстве и участии богов и мифических мудрецов в древней Мадуре (Madurai). Вторая санга находилась в Капатапуре (Karāṭarigaṁ). Если первая санга просуществовала, согласно преданию, 4400 лет и насчитывала 549 членов академии при участии 4499 авторов, то вторая существовала 3700 лет, включала 49 членов и оказывала покровительство 3700 поэтам. Третья санга процветала в первых веках нашей эры в северной Мадуре, и ее существование можно рассматривать как исторический факт. Большинство преданий, дошедших до нас через десятки поколений, имеет явно фантастический характер и может быть отнесено к области мифологии; внимательному исследователю приходится всякий относящийся к санге факт, сколь бы правдоподобно он ни

выглядел, скрупулезно анализировать. Можно предположить, что многие произведения древнейшего периода тамильской литературы оказались затерянными. До нас дошли от тех времен классическая грамматика *Толькаппиям* (*Tolkāppiyam*), которую можно поставить в один ряд с классической санскритской грамматикой Панини, «Восемь антологий» (*Eṭṭuttokai*) и «Десять поэм» (*Pattuppāṭṭu*), лиризм и задушевность которых не могут оставить равнодушными и современных ценителей поэзии. «Лаконичность выражения, глубина содержания, чистота формы, цельность мысли, а также утонченность вкуса наводят на благоприятное сравнение с поэзией древних греков,— писал известный индийский тамилвед Ваяпурн Пиллай.—Есть искусство, сдержанное и простое, но искусственности почти нет и следа»¹. До нас дошел цикл «Восемнадцать малых произведений» (*Paṭiṇeṭṭikīṭṭaṭṭakku*) и пять эпических поэм, лучшими из которых считаются «Сказание о браслете» (*Cilappatikāram*) и *Манимехалей* (*Maṇimekalai*). Особое место в средневековой тамильской литературе отведено шиваитской и вишнуитской гимновой литературе. Среди поэтов-шиваитов должны быть названы Маникавашагар (*Maṇikkavāṣaṅgar*), оставивший «Священные изречения» (*Tiruvāṣaṅgam*), равно как Аппар, Самбандар и Сундарар, авторы семи первых книг шиваитской антологии *Тирумурей* (*Tirumurai*). Из вишнуитских произведений особенно выделяется «Священное слово» (*Tirumōṟi*) Периялвара. Спустя несколько столетий Камбан написал *Рамаяну*, тысячелетие которой отмечалось в 1958 г. во многих странах мира.

Восемнадцатое столетие вошло в историю тамильской литературы как век Таюманавара, оставившего потомству 1453 строфы, одинаково высоко ценные как за свою поэтичность, так и за глубину философского содержания. В том же веке и Вирамамунни (*Viṛamamūṇi*) написал превосходную поэму *Тембавани* (*Tēmbāvaṇi*). Любопытно заметить, что под псевдонимом Вирамамунни, считающегося классиком тамильской поэзии, скрывался крупнейший знаток тамильского языка, итальянский ученый Констанцио Бесхи, проживший в Южной Индии 36 лет.

Среди особенностей тамильской литературы можно отметить широкую популярность светской литературы наряду с философско-религиозной; большую степень независимости от санскритской литературы в сравнении с другими литературами Южной Индии, использование собственных тем, употребление специфически дравидийской лексики и метрики в поэзии; высокую степень развития поэтического языка и пренебрежение в общем к прозе; некоторую

консервативность поэтического литературного языка *сентамиль*, своей грамматикой и лексикой существенно отличающегося от живого разговорного языка *кодунтамиль*. Исследователи подчеркивают живость поэтического воображения, чувство юмора и глубокий здравый смысл, присущие тамилам.

Наше краткое описание можно заключить, сказав, что во всей древней тамильской литературе крупнейшим по значению, хотя отнюдь не по объему, произведением безусловно является *Курал* Тируваллувар. Выдающееся философское и поэтическое произведение, *Курал* одновременно является незаменимым источником для изучения культуры и общественного устройства Южной Индии в первом тысячелетии нашей эры².

Представляется весьма важным установить хронологические границы *Курала*. Запутанность и неясность датировки в такой же степени характеризуют тамильскую литературу, как и санскритскую. По словам Макса Мюллера, исследователь сталкивается с тем, что история, в принятом значении этого слова, почти неизвестна в индийской литературе³. Мы уже приводили фантастические сведения о первых двух сангах. *Курал* также датируется различно многими его исследователями. Некоторые тамильские авторы и сейчас еще утверждают, что *Курал* был создан в конце второго тысячелетия до нашей эры, приблизительно в 1250 г. В пользу подобных утверждений нельзя привести, однако, ни одного сколько-нибудь убедительного довода. В тамиловедении создалось такое парадоксальное положение, при котором чуть ли не каждый исследователь устанавливает в области древней литературы свои собственные хронологические границы. Бросается в глаза типичный недостаток таких построений: авторы ссылаются на безусловно доказанные, по их мнению, выводы о времени написания отдельных произведений и устанавливают для них заведомо «удревненную» датировку. Так и в данном случае, за сложными рассуждениями настойчиво проявляется тенденция отнести время создания *Курала* как можно далее в глубь веков. Сто лет назад Карл Грауль писал: «Учитывая состояние тамильской филологии, представляется весьма затруднительным попытаться точно определить время, когда жил Тируваллувар; мы можем лишь сказать, что, по всей вероятности, его время лежит в широких пределах между 200 г. до н. э. и

² См. Nilakanta Sastri, *A history*, pp. 349—350; idem, *The Cholas*, pp. 66—70; idem, *Studies*, p. 76.

³ См. *Sacred books of the East*, ed. by M. Müller, Oxford, 1908, vol. VIII; *Introduction to Bhagavadgita*, p. 1; K. K. Pillay, *Historical ideas*, p. 66.

¹ Vaiyapuri Pillai, *A history*, pp. 36—37.

800 г. н. э.»⁴. С тех пор в этом направлении было проведено много исследований, причем большинство индийских ученых стремится доказать, что Тируваллувар жил во II—I вв. до н. э., в то время как западноевропейские ученые и лишь немногие тамильские (на пример, Ваяпури Пиллай) склонны рассматривать V—VIII вв. н. э. как наиболее вероятный период написания *Курала*. Рамачандра Дикшитар относит *Курал* ко II в. до н. э.⁵, А. Чакраварти — ко второй половине I в. до н. э.⁶, В. В. Субраманья Айяр делает предположение относительно I или II вв. н. э.⁷, Субраманья Шастри относит *Курал* к III в. н. э.⁸, Дж. Поуп — к VIII—X вв. н. э., В. Пиллай — к началу VII в., а П. Мейе и К. Звелебил — к V в. н. э.

Столь значительные расхождения в датировке пронтекают и из того факта, что *Курал* не содержит ни единого исторического или хронологического намёка. Исследователи единодушно считают, что *Курал* был написан позже грамматического труда *Толькаппиям*, поскольку в последнем при обилии выдержек нет ни единой ссылки на сразу же завоевавший признание *Курал*, но раньше двух великих поэм-близнецов *Шилаппадикарам* и *Манимехалей*, которые содержат по крайней мере три заимствования из рассматриваемого нами сочинения.

В каком веке был написан *Толькаппиям*? П. Т. Сринивас Айянгар в своей «Истории тамиллов» приводит ряд доводов в пользу того, что этот грамматический труд был написан в I в. н. э.⁹. К. А. Нилаканта Шастри датирует *Толькаппиям* III—IV вв. н. э.¹⁰... Свою систему аргументов приводит Ваяпури Пиллай, который устанавливает в данной грамматике неоспоримые следы влияния Панини, Патанджали, Каутильи, Ватсьяны и на основании целого ряда других данных делает вывод, на наш взгляд оптимальный, что упомянутая грамматика могла быть написана лишь на рубеже IV—V вв. н. э.¹¹

Шилаппадикарам содержит два места, которые можно рассматривать как заимствования из *Курала* (ср. Шил. 23: *veṇṇā* — Кур. 55; Шил. 21:3,4 — Кур. 319). И если здесь еще могут оставаться сомнения относительно заимствований, то написанная почти

в одно время с упоминаемым произведением поэма *Манимехалей* содержит выдержку из *Курала*, в отношении которой уже не остается никаких сомнений (см. Мани. 22: 59—61). Перевод этого стиха следующий: «Постигни вместилище слова поэта, чуждого лжи (*poṇṇiḷ pulavaṇ poṇṇiḷaitṭṛāy*) и сказавшего: «Стоит восставшей ото сна и склоняющейся ниц не перед богом, а мужем сказать: „Да прольется дождь“, и дождь прольется».

Здесь мы не будем говорить о прямом заимствовании известного двустишия из *Курала* (55), а укажем лишь на то, что эпитет *poṇṇiḷ pulavaṇ* (чуждый лжи поэт) закреплен за автором *Курала* и вошел в обиход, вероятно, еще до написания *Манимехалей*¹². С. Кришнасвами Айянгар и Р. Дикшитар относят эту поэму ко II в. н. э.¹³, П. Т. Сринивас Айянгар и Субраманья Шастри относят поэму к V в. н. э.¹⁴. В. Пиллай датирует поэму VII—VIII вв. н. э.

Явные заимствования из *Курала* представляют собой некоторые места из антологии стихов *Пуранануру*, которая относится П. Т. Сринивас Айянгаром ко второй половине первого тысячелетия и которую сдержанный в своих суждениях Г. А. Попли считает написанной не позднее VI в. н. э.¹⁵ Позже мы постараемся проследить конкретно факты влияния *Артхашастры* Каутильи на интересующий нас памятник, сейчас же лишь укажем на мнение В. И. Калянова, считающего первые века нашей эры вероятной датой создания *Артхашастры*¹⁶. Все даты носят в конечном счете предположительный характер, и датировка *Курала* продолжает зависеть от точности датировки многих других произведений древней тамильской литературы. Таким образом, поскольку *Тирукурал* был написан позднее *Артхашастры* и *Толькаппиям*, но раньше *Шилаппадикарам* и *Манимехалей*, о датировке которых речь шла выше, мы можем сделать приближающий нас к истине вывод, что *Курал* был написан в IV—V вв. н. э. Здесь уместно привести слова Г. А. Попли: «...я склонен отнести *Курал* не позднее чем к IV в. н. э., судя по его стилю и частоте цитирования в произведениях, принадлежащих к шестому столетию. Тем не менее, вероятно, это один из тех вопросов, которые никогда не будут разрешены удовлетворительно, и, к счастью, ценность этой работы вовсе не зависит от того, была ли она создана во втором или шестом веках.

⁴ См. Graul, *Kural*, p. VII.

⁵ См. Ramachandra Dikshitar, *Studies*, p. 136, см. также Пятигорский, стр. 188.

⁶ См. A. Chakravarti, p. LXVIII.

⁷ См. V. V. Subrahmanya Aiyar, p. XXIII.

⁸ См. Пятигорский, стр. 188.

⁹ См. Srinivas Iyengar, *History*, p. 216.

¹⁰ См. Nilakanta Sastri, *A history*, p. 111.

¹¹ См. Vayyapuri Pillai, *A history*, p. 65.

¹² См. Popley, p. 8.

¹³ S. Krishnaswami Aiyangar, *Ancient India*, London, 1911, pp. 373—384; Ramachandra Dikshitar, *Studies*, pp. 75—76.

¹⁴ См. Srinivas Iyengar, *History*, pp. 602—603; Subrahmanya Sastri, *Historical Tamil reader*, Annamalainagar, 1945, p. X.

¹⁵ См. Popley, p. 7.

¹⁶ «Proceedings of the 23d International congress of orientologists», London, 1955, pp. 223—225.

Кура́л будет всегда оставаться одним из литературных сокровищ тамильского народа»¹⁷.

Попытаемся теперь нарисовать картину общественной жизни Южной Индии во времена Тируваллуvara, так как без этого многие суждения и мысли Кура́ла останутся неясными.

Мы уже упоминали, что до нас дошла от того времени весьма обширная поэтическая литература, дающая незаменимые данные для воссоздания картины той эпохи.

В первых веках нашей эры Южная Индия была разделена на множество государств, наиболее значительными из которых являлись Чола, Пандья и Чера (Керала). Границы Чолы приблизительно совпадали с северной частью нынешнего штата Тамилнад. Пандья занимала самую южную часть полуострова, будучи отделена от государства Чера, расположенного на территории нынешней Кералы, Кардамоновыми горами. Если Чола была наиболее воинственным государством (ее правитель во II в. до н. э. покорил Цейлон), то Пандья славилась своими широкими торговыми связями и своими учеными и мудрецами. Здесь, в Мадуре, согласно преданию, находилась третья тамильская санга, и именно мадурский диалект лег в основу древнего классического языка *сентамил*.

Благодаря покровительству правителей Пандьи Мадурa играла в Южной Индии такую же выдающуюся роль в развитии культуры, как знаменитые Таксила или Паталипутра на севере Индии. Мадурa была богатейшим городом с величественными храмами; и много столетий спустя, в 1310 г., когда Южная Индия подверглась нашествию Малика Наиба, из Мадурy в Дели были вывезены несметные сокровища: бриллианты, изумруд, жемчуг и золото¹⁸.

Неопровержимые свидетельства древних авторов убеждают нас в том, что в Южной Индии были знакомы с греческой и римской культурой¹⁹. Греки принимались на службу правителями Южной Индии, из них состояла дворцовая стража, на них лежали обязанности по поддержанию порядка в Мадуре²⁰.

Подобно двум другим государствам Южной Индии, Чола, родина Тируваллуvara, представляла собой наследственную монархию. Власть правителя, возможно, была несколько ограничена царским советом (*avaí*). Цари Чолы непрерывно вели междоусобные войны, разоряя соседние земли и обрекая их население на бедствия и страдания. Однако нередко правители вынуждены были придерживаться законов и обычаев, действовавших на протяжении

многих веков. Правитель должен был поддерживать в своих подданных убеждения, что он, их раджа, является воплощением справедливости и добродетели. Многие произведения периода тамильских санг предписывают властителю обуздывать свои страсти и прихоти. Правитель стремился укрепить за собой лестную славу покровителя веры и изящных искусств. Высоко ценилось в повелителе непосредственное общение с подданными, и дошедшая до нас литература содержит в себе свидетельства того, что правители устраивали ежедневный прием (*pālavai*), на котором выслушивали жалобы своих подданных и выносили свое суждение²¹.

На основании исторических фактов можно утверждать, что многое в быту и культуре народов Южной Индии носило специфически местный характер. Документы подтверждают, что система каст и варн, существовавшая в этот период, не была развита и столь детально разработана, как в Северной Индии. Непрестанным тяжелым трудом добывали себе пропитание земледельцы (*veḷḷaṭṭar*) и охотники (*eṭṭaṭṭar*), испытывая всевозможные горести со стороны воинственных *мараваров*²², промышлявших грабежом, особенно в северной части теперешнего Тамилнада. Земля славилась плодородием, море — обилием рыбы. В Чоле, орошаемой водами Кавери, согласно преданию, клочок земли, на котором мог улежаться слон, приносил урожай, достаточный для того, чтобы прокормить семь человек, и один *вели*²³ земли давал около тысячи *калам*²⁴ риса. Земледельцы должны были вносить немалый налог в пользу правителя, насколько можно судить из обращений поэтов к властелину с просьбой об умеренном взимании налогов.

Мы располагаем многочисленными данными, почерпнутыми из римских источников и тамильских поэтических памятников, о том, что торговля в Южной Индии, как внутренняя, так и внешняя, приобрела широкий размах. О том же свидетельствуют и результаты археологических раскопок. Римляне и греки, называемые в древней тамильской литературе *явана*, входили в порты Южной Индии на кораблях, трюмы которых были полны золота, и возвращались груженные перцем, индийскими пряностями, жемчугом, бриллиантами и сапфирами. В Тамилнаде в сравнительно недавнее время обнаружено множество золотых и серебряных римских монет, что в сочетании со многими другими фактами убеждает, в какой степени южноиндийские торговцы опустошали казну Римской империи. В портах собирались выходцы из самых отдаленных стран.

¹⁷ См. Popley, p. 9.

¹⁸ Powell-Price, A history, p. 143.

¹⁹ Majumdar, pp. 142—143.

²⁰ Nilakanta Sastri, A history, p. 126.

²¹ Ibid., pp. 126—127.

²² Маравары — каста воинов в Чоле.

²³ Вели — мера земли, равная примерно 2,6 га.

²⁴ Калам — мера сыпучих тел, равная примерно 10 куб. дм.

Есть сведения о том, что правитель Панды в 20 г. н. э. направил посольство римскому императору Августу²⁵. После смерти Нерона (68 г. н. э.) торговля с Римом и Грецией затихает, но в IV в. н. э., с возвышением Константинополя, она вновь оживает, хотя и не достигает прежних масштабов.

У каждого правителя была своя армия, состоявшая из колесниц, боевых слонов, кавалерии и пеших воинов. Военская доблесть ценилась особенно высоко, в честь павших на поле битвы воздвигались каменные плиты, на которых наносились надписи, сообщавшие об именах и подвигах павших. Если верить поэтам тех времен, смерть на поле сражения была отрадна не только самому воину, но даже и его матери, ибо славная гибель даровала тотчас же счастье на небесах. Смерть в постели покрывала война несмысленным позором, и в семье военачальника тело родича, умершего не на поле битвы, разрубалось мечом, останки возлагались на траву *дарбха*, и над ним читались *мантры*²⁶, дабы обеспечить ему место в *вираварге* («рай воинов»). По-видимому, немногим воинам представлялась печальная возможность умереть у себя дома, если проследить историю бесчисленных войн, ведшихся государствами Южной Индии. *Курал* посвящает воинской доблести специальные главы, которые могут вызвать недоумение у читателя, незнакомого с подобными фактами.

В Южной Индии, в частности в Чоле, существовали всевозможные обычаи, как специфически местные, так и известные по санскритской литературе, например *саптапади* («семь шагов»), предписывающий хозяину провожать уходящего гостя на расстояние «семи шагов» от дома²⁷. Убийство коровы, умерщвление зародыша и покушение на жизнь брахмана рассматривались как самые злейшие преступления; впрочем, гораздо большим прегрешением, согласно существовавшему кодексу, считалась неблагодарность. Унизительному наказанию подвергались женщины за недостойное поведение: их заставляли нести на голове семь кирпичей вокруг арены (*арайку*)²⁸. Здесь весьма серьезно относились ко всякого рода приметам, предзнаменованиям и сообщениям астрологов. Предсказатели будущего успешно занимались своим ремеслом, в стране были широко распространены суеверия: женщина с распущенными волосами предвещала недоброе, дети носили амулеты для отвращения напастей. Банановые деревья считались обителью богов, а затмения — следствием действий демонов, пожирающих

солнце и луну. Верили, что карканье ворон возвещает о приходе гостей и особенно о возвращении после долгой разлуки мужа; ворон кормили перед дворцами и домами простых людей²⁹. Обычай *сати* (самосожжение женщины вместе с умершим мужем) довольно часто упоминается в поэзии, но, как убеждают нас некоторые факты, например речь пандийской царицы Пуды³⁰, было принято убеждать жен, лишившихся мужей, не совершать *сати*. Но преданность жены ценилась весьма высоко, и верная жена по смерти мужа должна была входить в пылающий костер, как если бы она входила в прохладную воду бассейна, чтобы совершить обряд омоновения³¹. *Курал* не содержит ни одного упоминания об этом жестоком обычае. *Сати* в те времена было, вероятно, больше исключением, нежели правилом, и мы не знаем ни одного случая насильственного принуждения к этому обряду.

В IV—VI вв. в Южной Индии одновременно существовало множество различных религий. Господствующее влияние приобрели буддизм и джайнизм. Несколько позднее большую роль стали играть вишнуизм и шиваизм³². Влияние ведического культа в этот период заметно уменьшилось, и брахманам, приверженцам вед, приходилось выдерживать бурный натиск со стороны последователей четырех вышеупомянутых религиозных направлений.

К середине первого тысячелетия влияние буддизма упало, и значительно усилилось влияние джайнизма, печать догматов которого лежит на многих произведениях позднего периода. Местные тамильские религии в большой степени были связаны с ритуальными танцами и пением в сопровождении музыкальных инструментов. Буддийские вихары и джайнские храмы возвышались рядом с храмами, возведенными для поклонения древнейшим дравидийским богам и богиням. Имеются основания утверждать, что в том самом Майлапуре, где жил Тируваллувар, была христианская община. До сих пор здесь находится храм апостола Фомы, который, согласно традиции, прибыв в Индию, обосновался в Майлапуре, где на месте его погребения позднее был выстроен храм³³.

²⁹ См. Nilakanta Sastri, *A history*, pp. 133—134; idem, *The Cholas*, pp. 90—91.

³⁰ См. Nilakanta Sastri, *A history*, p. 121; The S. Krishnaswami Aiyangar, *Self-immolation, which is not sati*, IA, 35 (1906), p. 129.

³¹ См. Nilakanta Sastri, *The Cholas*, pp. 91—92.

³² См. «The Age of Imperial Unity», Bombay, 1953, pp. 360—361.

³³ См. Popley, p. 14; R. Collins, *Manicheans on the Malabar coast*, — IA, 1875, pp. 151—153; A. C. Burnell, *Earlier christian Missions in South India*, — IA, 1875, pp. 181—183; T. K. Joseph, *A christian dynasty in Malabar*, — IA, 1923, p. 157; T. K. Joseph, *Was St. Thomas in South India?*, — IA, 1929, p. 113.

²⁵ См. Powell-Price, *A history*, p. 69; Majumdar, p. 116.

²⁶ *Мантра* — заклинание, произносимое вслух или про себя.

²⁷ См. Nilakanta Sastri, *The Cholas*, p. 90.

²⁸ Ibid., p. 91.

Если оставить в стороне христианство, для всех вышеуказанных религиозных направлений была характерна вера в перерождение душ, карму, как закон воздаяния за грехи в прошлых рождениях, ахимсу (ненасилие), неизбежность страданий, порожденных земным существованием и т. д. Характерной чертой религиозной жизни того времени является дух терпимости. Представители правящих династий, в частности Гуптов, будучи приверженцами какой-либо одной религии, оказывали покровительство всем другим и назначали своих сановников из различных религиозных сект³⁴. В то же время имеются и данные о том, что в области религии порою велась острая борьба. По преданию, Махендра Варман I (600—630 гг. н. э.), правитель династии Паллаво, сначала, будучи джайном, преследовал сторонников других сект, но, обращенный в шиваизм поэтом Аппаром, с тем же пылом направил свою энергию против своих бывших единоверцев.

Очевидно, что такой глубокий и гуманный мыслитель, каким представляется нам автор *Курала*, являясь свидетелем острого соперничества приверженцев многочисленных религий и будучи, по-видимому, знаком и с идеями христианства, поднимается над несущественными, по его мнению, различиями и создает свою собственную концепцию веры, устройства семейной жизни и государства, предварительно выбрав все яркое, с его точки зрения, разумное и здравое в учении своих предшественников³⁵.

Если сделанные выше предположения о времени жизни Тируваллуvara правильны, то он должен был жить в эпоху расцвета трех южноиндийских государств, когда многие прибрежные города этих государств превратились в оживленные порты, торговавшие с Римом и Карфагеном, когда Южная Индия, и в частности Чола, оказались местом скрещения оспаривающих или дополняющих друг друга философско-религиозных влияний. Мы не знаем об авторе *Тирукурала* ничего достоверного; нынешние историки Южной Индии не располагают никакими документально подтверждаемыми фактами из его жизни, и исследователь, пытающийся воссоздать облик Тируваллуvara, становится невольным пленником бесчисленных легенд и преданий³⁶.

По традиции считается, что Тируваллувар был ткачом в Майлапуре и принадлежал к касте *валлуваров* (это парин, первоначальным занятием которых было, сидя на слоне, возвещать об

указах и повелениях раджи ударами в барабан)³⁷. Тируваллувар означает «святой *валлувар*». Он был, согласно преданию, одним из семи детей брахмана Бхагавана, рожденных в незаконном союзе с Ади, происходившей из низшей касты. Все семеро детей, утверждает предание, обладали поэтическим даром, и среди них были известный поэт Капилар и поэтесса Аввайяр. В хвалебных стихах, посвященных Тируваллувару, содержится упоминание о том, что богатый торговец-мореход Элеласингам³⁸ воспитал будущего автора *Курала* и оказывал ему покровительство. Этот Элеласингам был якобы в шестом колене потомком правителя Чолы, который, согласно цейлонской хронике, вел успешную войну против Цейлона приблизительно в 2960 г. эры Кали³⁹. Таким образом, Элеласингам должен был жить в I в. н. э.⁴⁰ Но здесь мы, очевидно, имеем дело с малообоснованным отождествлением Элеласингама, друга Тируваллуvara, с Эларой цейлонских хроник⁴¹. Храмы в честь Тируваллуvara и его жены на протяжении многих веков украшают Майлапур, что в известной степени может служить косвенным подтверждением столь древней датировки поэта.

В двадцати милях южнее Майлапура находился Махабалипурам, крупнейший порт Чола в первых веках нашей эры. Дух всеобщности в *Курале* и отсутствие в нем малейшего намека на сектантскую замкнутость заставляют предполагать, что Тируваллувар, известный, согласно преданию, далеко за пределами Майлапура, имел большие возможности для бесед с людьми, прибывавшими из многих уголков земли и исповедовавшими разные религии.

Тируваллувар был женат на женщине *веллала*; ее звали Васуки, и предание наделяет ее исключительной, высшей женственностью: ей были свойственны безоговорочное повиновение мужу и естественная простота — качества, особенно ценимые в индийской женщине в древности. Слава об их семейном счастье распространилась далеко за пределы их родного города, и потомство сохранило многочисленные предания, порождающие сомнения в их достоверности, но полные изящества и свидетельствующие о глубокой любви последующих поколений ко всему, что связано с именем автора тамильской веды. Юношей он уже завоевал в народе славу ученого и святого, и богатый *веллала* по имени Маргасагайян, живший в

³⁷ См. V. V. Subrahmanya Aiyar, p. XXIV; Дж. Поуп считает, что *валлувар* (*valluvar*) означает священнослужителя париев, см. *Pore, Notes*, p. 220.

³⁸ Элеласингам — букв. «Лев среди правителей».

³⁹ Эра Кали началась в 3101(2) г. до н. э.

⁴⁰ См. V. V. Subrahmanya Aiyar, p. XXIII.

⁴¹ См. Vaiyapuri Pillai, *A history*, p. 79.

³⁴ См. R. C. Majumdar, *Religion and philosophy*, — «The Classical Age», Bombay, 1954, p. 368.

³⁵ См. V. V. Subrahmanya Aiyar, pp. XLIII—XLIV.

³⁶ См. Ramachandra Dikshitar, pp. 127—128.

Каверипакаме, посчитал для себя честью выдать за него свою единственную дочь. Знатные люди искали дружбы с ним⁴². Рассказывают, что Тируваллувар испытал преданность своей будущей жены тем, что попросил ее сварить горсть песку так, чтобы из него получился рис. Васуки не решилась ослушаться и сделала точно так, как ее просил будущий муж: боги помогли ей и превратили песок в рис⁴³. Поэт убедился на этом примере, что она будет ему достойной женой. Рассказывают также, что один далеко живший от Майлапура мудрец, наслышавшись о семейном счастье поэта, решил навестить его, чтобы не только убедиться в правдивости молвы, но заодно и спросить у него совета, стоит ли жениться ему самому. Приняв гостя, Тируваллувар решил не отвечать прямо на этот вопрос, но сделать так, чтобы мудрец сам пришел к выводу после нескольких дней пребывания в его доме. Однажды утром они сели завтракать; обоим был подан остывший рис; в ту минуту, когда Васуки доставала воду из колодца тут же во дворе, муж позвал ее и сказал, что рис горяч, обжигает язык и его нельзя есть. Не проронив ни слова изумления, жена тотчас же выпустила из рук кувшин, хотя почти уже достала его из колодца, и, бросившись к тому месту, где сидел муж, начала остужать рис. И тут свершилось чудо! От холодного риса, в то время как Васуки остужала его, начал подниматься пар, а кувшин, который она выпустила из рук, чтобы поспешить исполнить желание мужа, неподвижно застыл в воздухе в том же положении⁴⁴. На другой день, работая при ярком солнечном свете на ткацком станке, Тируваллувар уронил на пол челнок и попросил жену зажечь светильник, чтобы отыскать упавший предмет. Васуки зажгла лампу и без малейшего намека на нелепость этой просьбы принесла ее мужу. И мудрец понял, что хотел сказать всем этим Тируваллувар: для ученых и ищущих истины семейная жизнь является самой лучшей, если они могут найти такую жену, как Васуки, в противном случае им лучше вести одинокую жизнь вплоть до самой смерти.

Васуки умерла раньше поэта: после ее смерти Тируваллувар порвал с земными узами и стал отшельником. На могиле жены с его уст сорвались слова:

О несшая любовь моя супруга, сладкая, как яства,
Покорная любому слову, гревшая мне ноги к ночи.

⁴² См. Lazarus, p. 3.

⁴³ Pope, *Sacred Kurral*, pp. X—XI.

⁴⁴ См. Ibid., p. XI; K. Graul, *Der Kurral Tiruvalluvar's Lebensgeschichte*, Leipzig, 1856, S. 194—195; V. V. Subrahmanya Aiyar, pp. XXV—XXVI.

Ты позже всех ложилась, первой пробуждалась. О нежная,
Покинула меня, и как теперь ко сну мои сомкнутся очи?!

Красноречиво предание о том, как Тируваллувар представил *Курал* на суд высокомерных пандитов Мадурской санги. Рассказывают, что Тируваллувар написал *Курал* по просьбе своих соотечественников, мечтавших о собственных, тамильских ведах, которые бы играли на Юге ту же роль, что санскритские веда в Северной Индии. Члены санги, главой которой соизволил быть не кто иной, как сам бог Шива, располагались на волшебном плоту, плававшем в бассейне знаменитого мадурского храма Золотой Лилии. Этот плот обладал способностью уменьшаться и увеличиваться в размерах. Когда члены санги холодно отвергли творение низкорожденного *валлувара*, смиренный ткач из Майлапура испросил разрешение положить свою рукопись на край плота. И в ту же минуту волшебная доска настолько уменьшилась, что осталось место лишь для пачки пальмовых листьев, на которых был написан *Курал*, а гордые своей ученостью пандиты все до единого оказались в воде бассейна⁴⁵. Убедившись на своем несчастном опыте в божественной природе *Тирукурала* и явном покровительстве Шивы, каждый из потерпевших мудрецов написал хвалебное четверостишие, которые все вместе составили *Тируваллувамалай* («Гирлянду Тируваллувара»). С тех пор творение простого *валлувара* было признано священным.

Нам кажется небезынтересным привести некоторые из стихов «Гирлянды». Саттанару, поэту тех времен, приписываются следующие слова:

Непостижимо трудно решить,
Что выше: санскрит или тамиль⁴⁶.
Санскрит имеет книгу Вед, а тамиль
Обладает «Куралом» Тируваллувара⁴⁷.

Другой поэт, Идайккадар, писал:

Курал—это горчичное семя,
В которое втиснуты сокровища семи морей.

Укираперуважуди, царю Пандьи, в правление которого окончила свое существование третья санга, приписывается следующее четверостишие:

⁴⁵ Это предание находится в явном противоречии с другим, согласно которому главой санги был Капилар, брат Тируваллувара и пария по рождению, см. G. U. Pope, *Notes*, IA, 1878, p. 221.

⁴⁶ Тамиль — тамильский язык.

⁴⁷ См. Popley, p. 19.

Сам Брахма, пряча истинный свой облик, родился
Валлуваром, воспевающим триединую цель жизни⁴⁸
И давшим нам «Курал». Уста мои его пусть славят,
Пусть мысль погружена в раздумье будет, и ухо
 пусть внимлет музыке стихов.

И наконец Капилару, одному из наиболее выдающихся поэтов
поздней санги, предание приписывает такой стих:

О повелитель, правящий страной, где птицы засыпают
Под звуки молотбы! Вершины мысли заключены
В «куралах»⁴⁹ Валлувара, подобно капельке росы на
 стебельке цветка,
Что отражает величавый ствол высокой пальмы⁵⁰.

Эти стихи красноречиво свидетельствуют о великом уважении,
которое обрел Тируваллувар в поэтическом мире, написав *Курал*.

Беспристрастный исследователь *Курала*, пытающийся воссоздать облик древнего тамильского поэта и философа, не может не отнестись критически к преданиям, пронесенным через века и неизбежно потерявшим многое из своего реального содержания. И все же, перечитывая эти проникнутые мудростью и юмором легенды, исследователь ясно увидит глубокие симпатии тамилков ко всему, что связано с именем Тируваллувара. Последующие поколения были убеждены, что автор *Курала* был низкого происхождения, пария, что свою жизнь он построил в точном соответствии с мыслями, выраженными в его произведении, что *Курал* заставил даже надменных поэтов из высших каст признать превосходство Тируваллувара. Само содержание *Курала* помогает нам в какой-то мере воссоздать облик поэта. Он должен был много повидать в жизни, многое испытать и даже, быть может, ему не раз доводилось оступаться. Он безусловно должен был обладать всепроникающим воображением, насколько можно судить по многим главам *Курала*, толкующим о качествах правителя и его приближенных, о добродетелях *саньясина* (отшельника) и отваге воина, о тяжком пороке пьянства и бесстрастных объятиях продажных женщин. Некоторые советы правителю показывают его мудрецом, который понимает, что не каждый способен поступать в полном согласии со своей высокой моралью, а вся третья книга убеждает нас в том, что он был весьма далек от холодного аскетизма, равнодушного к

⁴⁸ Имсеется в виду триада, объединяющая дхарму — религиозный долг, артху — обязанности, связанные с жизнью в обществе, и каму — наслаждение, любовь. См. *Tiruvalluvamālai*, 4.

⁴⁹ Вообще *курал* — это разновидность тамильского двустушия.

⁵⁰ См. *Tiruvalluvamālai*, 5.

радостям жизни. Автор *Курала* является читателю человеком, высшим наслаждением для которого служат полет мысли и волшебная игра слова, человеком, понимающим переживания простых людей и наделенным тонким чутьем, безукоризненной честностью и мягкой лукавой насмешливостью. То обстоятельство, что Тируваллувар не стоял на позициях чистого смирения, квинтизма, иллюстрируется таким его двустушием: «Пусть мечется, подобно нищему, и погибнет сотворивший мир, если он только возжелает, чтобы живые люди существовали, испрашивая подаяние» (1062).

Можно сказать несколько слов о довольно интересной, хотя едва ли имеющей силу доказательности интерпретации С. Сомасундарам Бхарати, пытающегося представить автора *Курала* одним из высших сановников при дворе правителя Пандьи в Мадуре. В подкрепление своей мысли он приводит свидетельство о том, что слово *валлувар* служило в то время титулом, который давался некоторым из наиболее высокопоставленных сановников⁵¹.

Что же представляет собой сам *Курал*? Этот труд отнюдь не является религиозным трактатом, хотя ему и предпосылается начальная глава, воздающая хвалу высшему божеству. Если отвлечься от третьей книги, несколько выделяющейся по стилю и содержанию, *Курал* представляет собой этический памятник, своего рода кодекс морали, дающий предписания последовательно семейнику, отшельнику и правителю, а также приближенным и подданным последнего. Трактат объединяет в себе три книги: *арам* (дхарма, добродетель), *порул* (артха, политика) и *инбам* (кама, любовь) — и состоит из 133 глав, по десяти двустуший в каждой. Дхарма, артха и кама составляют первые три *падартхи*, или цели жизни. Четвертую *падартху*, которой является *мокша* (освобождение души), Тируваллувар не включает в *Курал*, и исследователями высказывалось немало догадок по этому вопросу. Мы склонны думать вслед за некоторыми тамиловедами⁵², что Тируваллувар, почти нигде не отрывавшийся от реальных и зримых фактов повседневной жизни, не стремился рассуждать об освобождении души, ибо это неизбежно привело бы его к мистицизму. Излагая концепцию об освобождении души, было бы необходимо примкнуть к одному из религиозных учений, а Тируваллувар был свободен от замыкающегося в свою сферу сектантства.

В рассуждениях о дхарме и артхе поэт как бы дает квинтэссенцию учений и трактатов, появившихся до него. Ряд совпадений

⁵¹ См. Vaiyapuri Pillai, p. 80; Popley, p. 17.

⁵² См. Lazarus, p. 1; Popley, p. 22.

заставляет думать, что Тируваллувар знал многие из древних санскритских источников. Очевидно, что кроме *Дхармашастры*, приписываемой легендарному Ману, и *Артхашастры* Каутильи, ему были знакомы *Рамаяна*, *Махабхарата*, *Панчатантра*, *Хитопадеша* и *Нитисара*.

Первая книга *Курала* состоит из трех частей: четыре главы вступления (*rāuṅam*), двадцать глав предписаний семьянину и четырнадцать глав, обращенных к *саньясину* — отрешившемуся от земных привязанностей мудрецу.

Первые десять двустуший посвящены восхвалению бога, к которому автор применяет восемь различных эпитетов. Некоторые тамилеведы полагают, что употребление *malarmicaluṭe Kīṇaṭ* («препьющий в лотосе сердца», 3), *aṅavāriyantaṇaṭ* («святий, являющий собой океан дхармы», 8) и *eṇkuṇṇaṭṭaṇ* («обладатель восьми *гун*⁵³», 9) не оставляет сомнений в принадлежности Тируваллуvara к джайнизму. Эти утверждения нельзя признать убедительными, и едва ли случайно, что вишнуиты, шиваиты, буддисты, а наравне с ними тамильские мусульмане и христиане одинаково часто произносят эти десять двустуший.

В *Курале* с достаточной ясностью изложены пять великих обетов: *ахимса* — воздержание от нанесения какого-либо вреда жизни, *сатья* — воздержание от лживости, *астея* — воздержание от воровства, *брахмачарья* — воздержание от прегрешений плоти, *апариграха* — воздержание от дурных привязанностей. Не трудно усмотреть тождество этих запретов с джайнскими *панчавратами*, пятью главными запретами, но приверженцы джайнизма должны считаться с тем, что эти обеты изложены не в прямой последовательности в последней части первой книги, а составляют лишь часть ее общих концепций, равно как и с тем важным фактом, что ценность этих пяти запретов признается как *упанишадами*, так и буддизмом. Определенное влияние джайнизма можно усмотреть в тех двустушиях первой главы, которые содержат идеи, весьма близкие джайнской концепции *архата*: Тируваллувар преклоняется перед авторитетом мудрых аскетов, близко стоящих к джайнским *тиртханкарам*. Однако джайнизм, признавая высший авторитет *тиртханкаров*, отвергает бытие бога, которому посвящена вся первая глава *Курала*. Весьма сомнительно, чтобы джайн мог написать стих 25, поскольку джайнский отшельник не может иметь жены, не должен испытывать злобы и не может обладать силой наказывать⁵⁴. С джайнским учением не согласуется

⁵³ *Гуна* — фундаментальное качество.

⁵⁴ См. Pore, Notes, p. 222.

преклонение Тируваллуvara перед авторитетом вед (543, 636), индустское деление на четыре группы: *грихастха* (семьянин), *брахмачарья* (начинающий), *ванапрастха* (отшельник) и *саньясин* (отрешившийся от земной жизни). Буддисты, притязавшие на *Курал*, должны объяснить, почему Тируваллувар постоянно говорит о том, что достигшие освобождения души оказываются в мире небожителей, тогда как проблемы потустороннего мира irrelevantны для раннего буддизма. С другой стороны, ни о Шиве, ни о Вишну, ни о каком-либо другом боге индустского пантеона не говорится как о высшем боге.

Первая глава может служить выражением *бхакти*, или любви к богу, хотя слово *бхакти* ни разу не употреблено в *Курале*.

Следующая глава содержит хвалу дождю, вернее, той животельной силе, какую представляет собой дождь в Индии. В те далекие времена, когда преобладали патриархальные крестьянские хозяйства, засуха приносила смерть от голода. В последних трех двустушиях этой главы подчеркивается еще и та мысль, что без дождя не только наступила бы смерть тела, но и душа в своем стремлении следовать стезей праведности оказалась бы в тяжелом положении.

В главе о величии аскетов Тируваллувар восхваляет жизнь отшельников, порвавших с земными узами и погрузившихся в ничем не нарушаемое, безмятежное созерцание. Автору *Курала* чужд религиозный фанатизм, но, будучи привязан ко всему доброму и высокому в земном существовании и понимая несравненную сладость любви и семейной жизни, он в то же время всякий раз превозносит мудрость мыслителей, победивших в себе земные привязанности, по его мнению мешающие подняться на высшие ступени совершенства.

Следующие двадцать глав освещают наиболее сильную сторону философии Тируваллуvara; в противовес многим книгам древней Индии, звавшим к отказу от земной жизни, от ее мимолетных и несущих страдания привязанностей, автор *Курала* прямо утверждает, что «жизнь добродетельного семейного человека выше всех стремящихся обрести дхарму» (47); «Какое высшее благо найдет ведущий добродетельную семейную жизнь, становясь на иную стезю?» (46). «Идеальный семьянин, — писал, обобщая мысли этих глав, Дж. Поуп, — ведет на земле осященную жизнь, чуждый небрежения к своему долгу перед живыми и ушедшими... Его дети — надежный клад. Привязанность — это сама жизнь его души, первая и величайшая среди всех добродетелей. Любовь — результат и источник всего. Его дом открыт для всякого гостя, которого он приглашает с улыбающимся лицом, приятным словом

и с которым он делится своей едой. Обходительный в речи, благодарный за малейшую доброту, справедливый во всех своих делах, хозяин над собой в смысле полного самообладания, неотступный в исполнении любой обязанности, бескорыстный, терпеливый и все переносящий, с сердцем, свободным от зависти, скромный в желании, воздерживающийся от злых и праздных слов, трепещущий от прикосновения зла, трудолюбивый, щедрый — он тот, кем все кругом восхищаются»⁵⁵.

Универсальность воззрений Тируваллуvara, чуждость какой бы то ни было кастовости или сектантства проявляются во многих идеях, содержащихся в *Курале*. Автор решительно противостоит закоснелым воззрениям и воспринимаемым на веру предубеждениям. Тируваллувар отвергает привилегии каст, притязания брахманов и вообще претензии каждого, кто присваивает себе неумеренно большие права, ссылаясь на свое высокое происхождение: «Лишь благородство поступков служит мерилom благородного рождения, а недостойное поведение опускает до уровня низких» (133); «Забывший веды брахман может снова их выучить, но целиком потерял свое рождение тот, кто хоть однажды сошел с пути добродетели» (134).

Заключительные четырнадцать глав книги о дхарме представляют особенную ценность не только потому, что дают максимально сжатый свод правил, предписываемых отшельнику. Пожалуй, именно в этих главах обнаруживается ошутимое влияние джайнизма и буддизма.

Последняя глава первой книги посвящена карме. Доктрина кармы, разработанная в *упанишадах*, является фундаментальным принципом буддизма, джайнизма и различных направлений индуизма. Карма буквально значит «деяние», а в широком смысле означает универсальный закон воздаяния за прошлое.

Карма определяет, в какое тело должна переселиться душа в следующем рождении: в зависимости от кармы складывается характер человека, его положение, счастье и неудачи. Каждый добрый поступок рано или поздно воздается добром, а любое дурное деяние приносит несчастье.

Доктрина кармы, разработанная в *упанишадах*, стала важнейшим компонентом буддистского, джайнистского и индуистских философско-религиозных учений с модификациями, определяемыми взаимоотношениями единиц каждой из этих новых систем. Закон кармы носит абсолютный характер и не зависит от чьей-либо воли. *Упанишад*ы учат, что в моральном мире нет ничего случайного

или неизвестного. Хорошие семена приносят хороший урожай, плохие — плохой. Закон кармы неотвратим, и попытка обойти его так же безуспешна, как и попытки перепрыгнуть через собственную тень. Доктрина кармы сводит к нулю ценность жертвоприношения, совершенного во искупление грехов, и провозглашает необходимость хороших дел, рождающих добрую дхарму. Плохая карма — расплата за дурные деяния в прошлом рождении; хорошие поступки в этом рождении создают основы благой дхармы в будущем. У буддиста, джайна, индуса карма порождает смиренную покорность прошлому и надежды на будущее. Трактовка кармы в *Тирукурале* носит на себе преимущественное влияние *упанишад*. Любый человек идет путем, предназначенным ему определением: избежать его нельзя (380), и даже нищий должен терпеливо сносить ниспосланные ему страдания (378), но благая карма рождает неукротимое рвение и решимость, тогда как иная карма порождает уносящую богатство леность (371), даже мудрость превращая в глупость (372).

К слову сказать, если джайнизм рассматривает карму как нечто соединяющее душу с телом, считая, что незнание, злоба, алчность, гордость и иллюзии притягивают к себе так называемые кармические частицы, то Тируваллувар вполне определенно, хотя и в другой главе, говорит, что тело с душой соединяется с помощью любви (73). Вместе с этим оптимистически, поддерживая в каждом дух мужества и решимости, звучат наполненные большим смыслом строки *Курала*, призывающие трудиться вопреки плохой судьбе и нерасположенности богов: «Даже если говорят, что нет удачи из-за нерасположенности богов, само постоянное усилие принесет тебе вознаграждение в меру напряжения твоих мышц» (619), «Пренеполненные непрестанного рвения, чуждые боязни судьбы увидят лишь спину богини злого рока» (620).

Тируваллувар весьма далек от проповеди пассивности и безропотной покорности судьбе. От лаконичных стихов *Курала* исходит дух непоколебимого жизнелюбия и твердости: «Не предающийся отчаянию перед лицом бедствия заставят само бедствие страдать от бедствия» (623); «Смейся, когда грянет беда. Нет силы, равной смеху, способной встретить бедствие и превозмочь его» (621).

Вторая книга *Курала* называется *raṭṭrāḥ* («часть о политике») и разделена на три части: первые 25 глав посвящены достоинствам правителя, последующие 32 главы — целому ряду сторон правления, заключительные 30 глав рассматривают различные вопросы общественной жизни⁵⁶. Объем второй книги *Курала* почти

⁵⁵ См. Pope, *Sacred Kurral*, p. X.

⁵⁶ Vaiyapuri Pillai, *A history*, p. 85.

■ два раза превышает размеры первой и в три раза — третьей. Можно согласиться с мнением В. В. С. Айяра, что сам этот факт указывает на то значение, которое древний тамильский философ придавал политике в своей схеме жизни⁵⁷.

Слово *rogi* не поддается точному переводу, оно полисеманлично и может означать в различных контекстах «суть, существо, значение, богатство, золото, состояние, достоинство, правда» и т. д. Перевод этого слова как «политика» является в значительной мере условным, и в данном случае его можно отождествить с санскритским *артха* — «политика», тем более что *Курал* в этой части очень близко примыкает к знаменитой *Артхашастре* Каутильи.

Во всем *Курале* можно насчитать всего лишь несколько десятков санскритских слов⁵⁸, и остается неясным, знал ли Тируваллувар санскрит или нет. Но с содержанием многих книг, первоначально написанных на санскрите, он был безусловно знаком, и в частности с *Артхашастрой*. То, что говорится в *Курале* о семи компонентах государства (правитель, советники, народ, крепости, богатство, войско и союзники — 381), по духу и букве вполне сходно с соответствующим местом в *Артхашастре*⁵⁹. Автор *Курала* занимает в ряде случаев не только мысли *Артхашастры* и *Нитишастры*, но и в расположении глав и двустийший придерживается системы, принятой в указанных санскритских трактатах о политике. Еще в XIV в. комментатор Паримелажагар высказывал суждение, что без знания *Артхашастры* нельзя правильно толковать *Курал*. Упоминания о доверии донесению, подтвержденному сразу тремя информаторами (589); «о четырех достоинствах», требуемых правителем от советников (513)⁶⁰, и многое другое подтверждает предположение о знакомстве автора *Курала* с *Артхашастрой*. Некоторые исследователи зашли настолько далеко, что объявили *Курал* тамильским вариантом *Артхашастры*⁶¹. Оставляя в стороне такой факт, как значительное различие в объеме книг, и останавливая свое внимание лишь на подходе данных трудов к поднимаемым проблемам, нельзя не увидеть, что Тируваллувар остается в вопросах политики верным своим высоким принципам и утверждает, что правитель никогда не должен сходить с пути дхармы и прибегать к не дозволенным высшей моралью средствам для достижения

пусть даже и возвышенной цели (546, 656, 1016); в то же время *Артхашастра* советует и оправдывает такие средства⁶². Второе существенное отличие *Курала* от *Артхашастры* состоит в том, что в первом нигде не говорится о божественном происхождении власти правителя, который рассматривается как простой смертный, обязанный следовать стезей дхармы. Единственное сравнение властелина с богом содержится в стихе 388, но и оно убеждает нас в правильности вышеприведенного вывода. Весьма показательна в этом отношении глава 56, в которой автор с беспристрастием мудреца говорит о деспотическом правлении и считает несправедливого и свирепого тирана недостойным сравнения даже с обыкновенным убийцей.

Тируваллувар полагает, что, даже если страна наделена всеми богатствами, необходимыми для благоденствия народа, они не принесут счастья, если ею не правит достойный правитель. Поэтому поэт так много говорит о достоинствах правителя. Правителю надлежит быть справедливым, ибо подданные страдают от отсутствия справедливости точно так же, как пересохшая земля от отсутствия оживительного дождя.

Некоторые места из глав об умении выбрать время и место могут служить неплохой иллюстрацией глубокой практической прозорливости Тируваллувара: «Уподобься цапле, что сжимает свои крылья в ожидании нужной минуты, но действуй с ее же решительностью, когда настало время» (490); «Всемогущ крокодил в глубокой воде, но стоит ему выйти из нее, и другие твари с легкостью одолеют его» (495); «Жизнь того, кто не оберегает себя перед грядущим злом, обречена на гибель в пороке, точно копна соломы в жарком огне» (435); «Жесткие речи и превышающие меру наказания — тот напильник, что подточит могущество всемогущего властителя» (567). Особенно подчеркивается необходимость в правителе благожелательности и гуманности (гл. 58).

Многие стихи *Курала* могут свидетельствовать о знании их автором и темных сторон искусства управления государством — в подтверждение можно указать на главу об использовании согладатаев (59), на главы о доверии к приближенным и об их использовании (51 и 52).

Раздел о советниках, посланниках, приближенных и воинах древней Индии, думается, не утратил интереса с точки зрения политической истории. На общем фоне глубоких, хотя иногда и несколько суховатых афоризмов выделяется ряд блестящих мест, сверкающих проникновенной мудростью, то благожелательной, то

⁵⁷ V. V. Subrahmanya Aiyar, p. XXXII.

⁵⁸ Vaidyapuri Pillai, *A history*, p. 26.

⁵⁹ Popley, p. 26; Meyer, S. LXV, 372.

⁶⁰ См. Krishnaswami Aiyangar, *Some contributions*, pp. 124—127; Ramachandra Dikshitar, *Studies*, p. 150.

⁶¹ См. Popley, p. 26.

⁶² См. Popley, p. 26; Meyer, S. LX.

резко насмешливой, и удивляющих игрою слов и образов: «Приближенные к особе вспыльчивого властелина пусть уподобятся тем, кто, желая согреться у огня, не приближается к нему чрезмерно близко и не отдаляется слишком далеко» (691); «Книжная мудрость, постигнутая боящимся сказать слово в высоком собрании,— то же самое, что сверкающий меч в руках женоподобного евнуха, оказавшегося в гуще врагов» (727); «Лишенного знаний невежду точно так же подмывает желание блеснуть своим красноречием в кругу ученых, как женщину, лишенную обеих грудей, обуревают жажда покорять своими прелестями» (402).

Три главы (92—94), посвященные увлечению недостойными женщинами, склонности к пьянству и азартным играм, представляют собой не просто цепь рассуждений непогрешимого йога относительно порочных наклонностей мирских людей,— это, скорее, проникновенные советы благожелательного мудреца, отчетливо понимающего, в какую бездну несчастий эти три страсти могут завлечь правителя, сановника и всякого человека вообще.

Рассуждения о нищих и выпрашивающих подающие показывают, до какой степени реалистическими были воззрения автора *Курала*. В те времена, когда многие мудрецы провозглашали нищету как вполне естественное состояние, Тируваллувар, который считает несправедливо нажитое богатство достойным того, чтобы его немедленно оставить, рассуждает о нищете так, словно он испытал ее муки: «Можно уснуть даже в окружении жаркого огня, но едва ли хоть на миг смежишь ты очи посреди нужды» (1049). Нищета, по его мнению, рождает лишь порочные и губительные желания (1043); неимущий из-за своих страданий и падений не знает счастья ни в теперешнем, ни в будущем рождении (1042); и далее следует естественный вывод, что горше и мучительней нищеты только сама нищета (1041). И тот же Тируваллувар так рассуждает о природе богатства: «Нет в мире ничего другого, кроме богатства, что заставляет считать значительными людей, лишенных значительности» (751).

Вторая книга *Курала* в такой степени богата мыслями, что мы в состоянии лишь мельком пробежать содержание глав. Остановимся на рассуждениях автора о земледелии (гл. 104), которому Тируваллувар отводит главную роль в жизни страны: «Чем бы ни занимались обитающие в этом мире, они не могут обойтись без плуга и идут за ним. И потому земледелие, хотя и многоотрудно,— высшее из всех занятий» (1031); «Земледелие — чека в колеснице для обитающих в этом мире. Оно поддерживает всех тех, что не могут идти за плугом и принимаются за другие дела» (1032). Земледелие, по мнению Тируваллувара, является благородней-

шим занятием, и все прочие члены общества, в том числе священнослужители, должны выстаивать у дома земледельца в ожидании риса.

Таким образом, можно сказать, что *roṇipāl Kurala* является своего рода сводом концепций государственного устройства, весьма важным для изучения развития индийской общественной мысли.

Изложив свои взгляды на различные аспекты общественной жизни, Тируваллувар приступает к описанию третьей из четырех целей жизни — любви (санскр. *kāma*, там. *iṇbam*). Автор *Тирукурала* имплицитно выражает мысль, что полнокровная жизнь человека, не избравшего пути аскетизма, возможна при гармоничном сочетании дхармы, артхи и камы.

Третья книга (*iṇrattipāl*) своим построением нарушает характерную для предшествующих двух книг систему более или менее отвлеченных рассуждений: эту книгу воспринимают обыкновенно как поэму о двух безымянных возлюбленных, рассказывающую о их любви с момента первой встречи вплоть до того дня, когда возлюбленные, ставшие уже супругами, после долгой и мучительной разлуки снова оказываются вместе.

Любопытно, что один из первых европейских переводчиков, англичанин Дру, превратно поняв содержание третьей книги, затрачивает множество усилий, дабы доказать, что многие великие умы допускали досадные промахи и разумным читателям следует смотреть на них сквозь пальцы, как в данном случае на третью книгу *Курала*, которую нельзя перевести ни на один европейский язык без того, чтобы переводчик не обесчестил свое доброе имя⁶³. И действительно, благочестивый Дру, давший превосходный перевод первых 63 глав, не переводил третьей книги вообще. Разумеется, позднейшие переводчики и исследователи с изумлением отвергли эту странную точку зрения и не нашли в третьей книге ничего предосудительного. Дж. Поуп, выпустивший полный перевод *Курала*, писал: «Я убежден, что она (третья книга.— Ю. Г.) безукоризненно чиста с точки зрения подхода и намерений ее мудрого и высоко нравственного творца»⁶⁴. Исследователь *Курала* Дж. С. М. Хупер писал: «Совершенно очевидно, что Тируваллувар был полностью свободен от показной стыдливости, и, вероятно, в равной мере будет правдивым сказать, что в третьей части «*Курала*» нет ничего такого, что нарушало бы впечатление высокой морали и врожденной деликатности, производимое древними частями»⁶⁵.

⁶³ См. Pope, *Sacred Kurral*, p. XII.

⁶⁴ Ibid., p. XII.

⁶⁵ Hooper, pp. 11—12.

В санокритской литературе *Камасутра* Ватस्याны в отношении «любви» является столь же авторитетной, как «Законы Ману» для трактовки личного и общественного долга, а *Артхашастра* — политики. Знакомство Тируваллуvara с *Камасутрой* подтверждается сопоставлением отдельных мест обоих произведений и представляется несомненным даже при весьма осторожном подходе ряда исследователей тамильской литературы⁶⁶. Но попытки отождествления «Книги о любви», *Курала* и *Камасутры* не имеют под собой никаких оснований. Если последняя представляет собой доведенный до совершенства скрупулезнейший анализ процесса возбуждения и удовлетворения половой страсти, включающий в себя описание непристойных с точки зрения общепринятой морали подробностей, то *Курал* почти свободен от налета чувственности (если не говорить о некоторых изречениях 129 и 133 глав). Мы вправе сказать, что на фоне весьма насыщенной эротикой древнеиндийской литературы третья книга *Курала* (о первых двух вообще не может идти речи) свидетельствует об удивительной сдержанности ее автора.

«Книга о любви» написана в точном соответствии с канонами *akam* — тамильского поэтического жанра описания личных, и прежде всего любовных, переживаний⁶⁷. В. В. Айяр делит двадцать пять глав этой книги на следующие пять частей по пяти глав в каждой: гл. 109—113 — «встреча», 114—118 — «разлука», 119—123 — «одиночество», 124—128 — «жалобы» и 129—133 — «наигранные обиды, любовные ссоры»⁶⁸.

Мы склонны дать более общее деление третьей книги на две части: первая посвящена *kaḷavi*, или тайной любви, вторая — *kaḡri*, или супружеской любви. *Kaḷavi* была исключительно распространенным явлением в древнем Тамилнаде: юноша и девушка, полюбив друг друга, встречались украдкой от родителей и, убедившись в невозможности жить друг без друга, равно как и продолжать тайно встречаться, договариваются открыть перед всеми свою любовь; юноша решает просить у родителей девушки согласия выдать ее замуж. В части *kaḡri* большинство афоризмов посвящено страданиям жены, терзаемой разлукой с мужем, а затем изображению любовных ссор, искренней ревности и притворных обид. Некоторые исследователи, стоящие на позициях христианства, как в частности Дж. Хупер, считают третью книгу в целом отзвуком ветхозаветной «Песни песней»⁶⁹.

⁶⁶ См. Vaiyapuri Pillai, p. 85.

⁶⁷ Popley, p. 28.

⁶⁸ См. Subrahmanya Aiyar, p. XXXVI.

⁶⁹ См. Hooper, pp. 11—12.

Третья книга представляет собой значительный интерес как для филолога, так и для историка. Если историк обнаружит здесь описание некоторых интересных обычаев, то филолог обнаружит в ней поэтичность и проницательность, проявляющуюся в исключительном умении описать бесконечно меняющиеся настроения влюбленной⁷⁰.

Тируваллуvara можно считать не только законодателем в области этики; поэтами последующих поколений язык *Курала* воспринимался как норма классического литературного тамильского языка *сентамил*. Язык *Курала* во многих случаях весьма труден для понимания: причиной этому служит древность памятника, архаичность языка, лапидарность изложения, обилие эллиптических форм. Многие слова столь многозначны и обладают настолько расплывчатым смыслом, что лишь один контекст помогает установить их семантические границы.

В качестве примера приведем стих 332:

Kuttāṭṭu avaik kuṛāṭṭu arṇē peruñcelvam, pōkkum atu viḷintāṭṭu.

«Большое богатство подобно толпе, стекающейся на танцевальные представления, и уходит оно точно так же, как рассеивается толпа по окончании танцев».

1. kuttāṭṭu — танцы; kuṛṭṭu — танец, представление, событие, трактат о танцах; āṭṭu — танец, игра;
2. avai — собрание, зал собрания, театр;
3. kuṛām — стадо, толпа, собрание;
4. arṇu + ē — частица уподобления, ē — эмфатическая частица;
5. peru(n) — большой;
6. celvam — богатство;
7. pōkkum — 3 л. ед. ч. буд. вр. глагола pōkku — уходить, посылать, платить, завершать, давать, извещать, проводить, уничтожать;
8. atu — оно;
9. viḷintu — дееспричастие прош. вр. от глагола vili — умирать, гибнуть, уменьшаться, прекращаться, сердиться, подвергаться бесчестию, страдать;
10. — см. 4.

Вместе с тем язык некоторых стихов отличается чрезвычайной простотой (см., например, стих 108):

nanṇi marappatu nanṇaṇṇu nanṇallatu arṇē marappatu nanṇu.

⁷⁰ У лингвиста третья часть рождает особый интерес богатством личных глагольных форм.

«Нехорошо забывать хорошее, но хорошо тотчас же забыть нехорошее».

1. nanri — хорошее, доброе, благо;
2. maṅgapatu — забывание;
3. nanṅanru (nanru + anru) — нехорошо;
4. nanṅallatu (nanru + allatu) — нехорошее;
5. anṅe (anru + ē) — тотчас же;
6. — см. 2;
7. nanru — хорошо.

Трудность понимания усугубляется размером, которым написан *Курал*, а также и тем, что в строке не всегда ясно видны границы между словами.

Само заглавие книги говорит тамильскому читателю о размере, которым написано это произведение, ибо слово *курал* означает краткое рифмованное двуступишие. Размер *курал*, *kural*, *kuṛal*, является одним из наиболее трудных в дравидийской метрике. Первая строка *курала* состоит из четырех стоп, вторая — из трех; причем последняя стопа всегда не закончена. Стопа может состоять из двух долгих слогов, одного долгого слога в соединении с двумя краткими, трех долгих слогов, четырех кратких слогов, двух кратких и двух долгих слогов, трех кратких и одного долгого слога. Правила соединения этих стоп отмечены большой строгостью, например: стопа из двух кратких слогов с последующим долгим слогом требует, чтобы следующая стопа начиналась с двух кратких слогов: например, *turaṇāṭṭar paṭivattar* (586).

Кроме того, первая стопа должна рифмоваться с четвертой или пятой стопой. Тамильская рифма не соответствует общепринятому понятию рифмы: здесь мы имеем дело с рифмовкой вторых слогов первой стопы с четвертой либо пятой, например: *aru* и *po* (247), *Kolai* и *pulai* (329), *iru* и *ni* (352), *vinai* и *tunai* (471), *akkam* и *pkkam* (524), *arumai* и *perumai* (611), *vaipol* и *keipol* (882) и т. д.

Курал породил богатую комментаторскую литературу. Только до Паримелажagara, тамильского филолога, жившего в Каичи в XIV в., девять тамильских ученых написали объемистые комментарии к *Куралу*. Среди них следует отметить Манакудавара, Паритиперумала, Кавираджа Пандитара и Калингаар Айяра. Их комментарии до сих пор представляют значительный интерес, и современные исследователи *Курала* неизбежно обращаются к ним. Но, по-видимому, комментаторская скрупулезность служила некоторым препятствием для проникновения в самую сердцевину мыслей Тируваллувара и вела древних комментаторов лишь путем традиционного понимания. Паримелажagar своим комментарием заново открыл *Курал*. Он решительно

отвергает комментарии девяти своих предшественников; его отрицательное отношение к ним проникнуто духом острой и резкой, но логичной, аргументированной и не вызывающей возражений критики. Ему первому было суждено сорвать те условные одежды, в которые радили Тируваллувару на протяжении нескольких веков, и показать мысли тамильского поэта-мудреца в строгой красоте и проникновенной глубине оригинала. Почти все позднейшие исследователи *Курала*, начиная с Бесхи, К. Грауля и кончая новейшими тамильскими издателями *Курала*, неизменно основываются на комментарии Паримелажагара. В предисловии к своему переводу *Курала* В. В. Айяр убедительно показывает на ряде примеров неоспоримые достоинства этого труда⁷¹. Комментарий Паримелажагара написан тем же лаконичным, упругим и выразительным языком, что и *Курал*.

Комментарий Манакудавара стал известен благодаря энергии тамильского ученого К. Пошусвами Наттара и был впервые опубликован лишь в 1925 г.⁷² Во многих случаях его текст отличается от текста Паримелажагара, сплошь и рядом он дает иной перевод в сравнении с Паримелажагаром. В комментарии Манакудавара дается особый порядок расположения двустийи в главах⁷³.

История изучения *Курала* европейцами может служить предметом отдельной статьи. Пальма первенства в открытии *Курала* принадлежит уже упомянутому выше Констанцию Бески, который около 1730 г. впервые перевел две книги *Курала* на латинский язык. Этот перевод был опубликован Дж. Поупом в приложении к его стихотворному переводу *Курала*⁷⁴.

Около двух веков назад обратили внимание на *Курал* французы. В Национальной библиотеке в Париже хранится уникальная рукопись — перевод части *Курала* на французский язык, выполненный в 1769 г.⁷⁵ Отдельные части из *Курала* были переведены П. Ж. де Дюма в 1854 г.⁷⁶

В 1848 г. Е. Ариэль помещает в „Journal Asiatique“ небольшое письмо о *Курале* Тируваллувар. «Это — шедевр тамильской литературы, одно из самых высших и чистых выражений человеческой мысли»⁷⁷.

⁷¹ CM. V. V. Subrahmanya Aiyar, pp. XIV, XLV—XLVII.

72 CM. Popley, p. 113.

⁷³ CM. M. S. Purnalingam Pillai, *The Kural*, pp. 10—12.

⁷⁴ CM. Pope, *Sacred Kurral*.

⁷⁵ CM. E. Ariel, *Lettre*, pp. 420—421.

⁷⁶ P. G. de Dumast, *Kural*, Nancy, 1854.

⁷⁷ CM. E. Ariel, *Lettre*, p. 418.

В 1867 г. М. Ламэрес опубликовал на французском языке перевод *Курала*, который, по-видимому, с большим правом может быть назван пересказом⁷⁸.

В 1889 г. в Париже выходит перевод третьей книги *Курала*, выполненный Б. де Фонтеней⁷⁹.

Основатель «Bibliotheca Tamulica» д-р Карл Грауль затратил несколько лет неустанныго труда, но ему так не суждено было увидеть при жизни свой перевод выплывшим в свет. Не осуществилось и его желание написать специальную работу об отношении *Курала* к санскритской литературе. Издание К. Грауля включает в себя оригинальный текст, перевод на современный тамильский, на немецкий и латинский языки⁸⁰. Исследователи *Курала* единодушно в высокой оценке перевода В. Г. Дру, к сожалению оставшегося наполовину незаконченным: им были переведены шестьдесят три главы⁸¹. Незаслуженно редко вспоминается Дж. Лазарус, опубликовавший в 1885 г. полный перевод *Курала* на английский язык с комментариями Паримелажагара⁸².

Рядом с книгой К. Грауля стоит не менее капитальный труд Дж. Поупа⁸³, чей вклад в тамиловедение не может быть переоценен. Дж. Поуп включил в качестве приложения к своему пока что единственному в Европе стихотворному переводу *Курала* перевод К. Бесхи и часть перевода Ф. В. Эллиса. К переводу Дж. Поупа можно предъявить определенные претензии с точки зрения точности и соответствия оригиналу, хотя, на наш взгляд, его следует рассматривать как художественный перевод, отступающий от буквы *Курала*, но в точности воспроизводящий самый дух подлинника.

Кроме того, *Курал* был переведен на английский Т. М. Скоттом и Э. Дж. Робинсоном.

Нельзя не отметить превосходную и, по-видимому, малоизвестную книгу Г. А. Поппи «Священный Курал, или тамильская веда Тируваллуара»⁸⁴, изданную в 1931 г.

⁷⁸ M. Lamairesse, *Kural*, Pondicherry, 1867; V. V. Subrahmanya Aiyar, p. XVIII.

⁷⁹ De Barrigue de Fontainieu, *Le livre de l'amour de Tirouvallouva*, Paris, 1889.

⁸⁰ *Der Kural des Tiruvalluvar, Ein gnomisches Gedicht über die drei Strebeziele des Menschen*. Übersetzung und Erklärung von K. Graul, Leipzig, 1856; Graul, *Kural*.

⁸¹ *Cural of Tiruvalluvar*, by W. H. Drew, Madras, 1840.

⁸² Lazarus.

⁸³ Pope, *Sacred Kurral*.

⁸⁴ Poppley.

В нашем веке появляется много переводов на английский язык, выполненных самими тамилами. В 1915 г. В. В. Субраманья Айяр перевел *Курал* на английский язык, предпослав переводу вступительную статью, демонстрирующую блестящие научные и литературные способности автора⁸⁵. В. В. С. Айяр намеренно архаизировал язык перевода, свободно и с большим пониманием духа оригинала раскрывая эллиптические формы, дал множество своих интерпретаций, отличных от Паримелажагара. Однако мы не можем не заметить, что его переводу свойственны весьма серьезные отступления от подлинника. По-видимому, наш упрек В. В. С. Айяру не вполне справедлив потому, что последний стремился не к точному научному переводу, а к воспроизведению на английском языке духа этого тамильского памятника. Перевод В. В. С. Айяра заслуживает весьма высокой оценки и неоднократно переиздавался в Индии.

Обращает на себя внимание перевод *Курала* с комментариями и предисловием, выполненный А. Чакраварти⁸⁶. Тамильский текст снабжен оригинальной транскрипцией автора, комментарии весьма обстоятельны, хотя и не всегда исчерпывающи. Известный своими симпатиями к джайнизму тамильский ученый стремится провести через всю книгу ту мысль, что Тируваллувар был джайн, и приводит большое число аргументов, не всегда убедительных. Сам перевод далек от совершенства и грешит некоторой вольностью, идущей вразрез с научным характером книги.

М. С. Пурналингам Пиллай, автор «Критических исследований по Куралу»⁸⁷ и многих других работ, издал свой перевод *Курала*⁸⁸, который более, чем другие, близок к оригиналу; его основные достоинства — точность и лаконичность. Перевод, однако, страдает неровностью; начиная с середины язык несколько модернизирован и встречаются досадные по своей небрежности места.

Многие другие крупные филологи Тамилнада дают собственные переводы *Курала*, например В. Рамачандра Дикшитар⁸⁹.

В XX в. на тамильском языке появляется множество комментариев к *Куралу*, число их непрерывно растет⁹⁰. Эти труды содержат богатый материал, множество оригинальных толкований,

⁸⁵ V. V. Subrahmanya Aiyar.

⁸⁶ См. A. Chakravarti.

⁸⁷ M. S. Purnalingam Pillai, *Critical studies in Kural*, Munnirpalam, 1929.

⁸⁸ *The Kural in English with foreword, footnotes and appendix*, by M. S. Purnalingam Pillai, Tirunelveli, 1942.

⁸⁹ *Tirukkural of Tiruvalluvar with English translation*, by V. R. Ramachandra Dikshitar, Madras, 1949.

⁹⁰ *Essay on Tiruvalluvar*, by T. Chelvakesavaraja Mudaliyar, Madras, 1904; *Tirukkural Vittiṇpal*, by J. M. Nallaswami Pillai.

хотя и не всегда выдержаны с точки зрения требований, предъявляемых современной филологией. Сейчас уже можно выделить в тамилеведении весьма крупную область, которую мы бы назвали кураловедением.

Курал является дидактической поэмой, а известно, до какой степени трудно быть дидактичным и поэтичным одновременно. И все же автор *Курала* сумел с неповторимым изяществом вместить в коротком двустиишии все богатство своей мудрости и жизненного опыта. «В рамках этих семи стоп наш поэт сжато излагает глубочайшие истины, которые когда-либо были произнесены человеком. И на этом ножном инструменте он играет как настоящий виртуоз! Сверкающее остроумие и юмор, отточенность суждения, фантазия, ирония, простодушный вопрос и яркое сравнение — нет ни одного из тысячи приемов врожденного художника, который бы наш автор не использовал в этом подлинном шедевре искусства...»⁹¹

Глубокий и всеохватывающий характер идей *Тирукурала* ставит его в один ряд с величайшими памятниками древней Индии. Говоря о культурном наследии Индии, С. Радхакришнан неоднократно упоминает в своих работах *Тирукурал*⁹². Высокую оценку этому памятнику дал крупный гуманист нашего времени Альберт Швейцер, сказавший: «Едва ли найдется во всей мировой литературе другое собрание изречений, в котором мы могли бы обнаружить такое обилие высокой мудрости»⁹³. П. Мей назвал *Тирукурал* «одной из великих книг Индии, кодексом морали и, быть может, наиболее совершенным выражением индийской мудрости»⁹⁴.

Автор *Тирукурала* весьма далек от материализма, хотя и по-звонит себе сомнения в существовании жизни на небесах и оказывает подчас предпочтение земным радостям перед иллюзорным гря-

дущим вознаграждением. С одной стороны, он идет в русле наиболее глубоких традиций индийской культуры, с другой стороны, как провозвестник наступающих изменений в социальной жизни страны он выступает против деления общества на высоко- и низкорожденных, показывает тягостные последствия деспотии правления, неоднократно выражает свое возмущение религиозным ханжеством. Как духовный наставник автор *Тирукурала* отличается непомерной требовательностью, как советник правителя он обнаруживает гораздо большую гибкость и снисходительность к человеческим слабостям. Взгляды на различные стороны государственной и общественной жизни поднимают автора *Курала* до уровня выдающихся гуманистов древности.

Влияние, которое эта книга оказала на тамильскую литературу — хотя мы вправе говорить о влиянии на весь образ жизни тамиллов, — действительно невозможно переоценить. До сих пор *Курал* является в стране тамиллов наиболее часто цитируемой книгой.

Такое особое положение книги в тамильской литературе, как мы проследили, объясняется редким даром ее автора, который соединил в себе красноречивую простоту истинного поэта и прорвавшуюся сквозь покровы сектантской замкнутости мудрость гуманиста, позволившую с одинаковой пронизательностью читать в душе простого семьянина, влюбленной красавицы и облеченного властью правителя.

Курал — сублимация индийской общественной мысли, одно из лучших выражений индийской мудрости, и он имеет полное право на то, чтобы его знали и в нашей стране.

Считаю долгом принести искреннюю признательность за консультации г-ну П. Сомасундараму, д-ру К. Звелебилу, а также А. М. Пятигорскому и С. Г. Рудину за критические замечания.

Ю. Глазов

Madras, 1923; *Tirukkural vilakkam*, by M. S. Subrahmanya Aiyar, Madras (A. s.); *Tirukkural Narakam*, by M. S. Govindarasanaar, Mylapore, 1923; *Tiruvalluvar Nayanar*, by N. Kapalamurti Pillai, 1926; *Tiruvalluvar Nalnayam*, by R. P. Sethu Pillai Tinnevely, 1927; *Valluvarum makalirum or Valluvar's conception of women*, by T. T. P. Minakshisundaram, Madras, 1930; *Tiruvalluvar Nayanar aruliceyta Tirukkural*, by M. R. Kantaswami Pillai, Madras, 1950; *Tirukkural putu urai*, by V. Iramalingam Pillai, Madras, 1954; *Kural, the great book of Tiruvalluvar* by C. Rajagopalachari, Madras, 1951.

⁹¹ V. V. Subrahmanya Aiyar, p. XLIV.

⁹² S. Radhakrishnan, *Occasional speeches and writings* (October 1952 — January 1956), Delhi, 1956, pp. 260—261, 404.

⁹³ См. A. Schweitzer, *Indian thought and its development*, Boston, 1957, p. 203.

⁹⁴ См. P. Meile, *Littératures Dravidiennes, histoire des littératures*, — «Encyclopédie de la Pléiade», Paris, 1956, vol. I, p. 1056.

КНИГА ПЕРВАЯ О ДОБРОДЕТЕЛИ

Глава 1. ХВАЛА БОГУ

*1. Подобно тому как «а» первая среди всех букв, так все в этом мире ведет свое начало от изначально сущего.

2. Какой же прок в приобретении знаний, если их обладатель не припадает к стопам того, кто являет собой олицетворение чистого знания?

*3. Прильнувшие к божественным ногам того, кто пребывает в лотосе их сердца, обретут на земле долголетие.

*4. Припавшие к ногам того, кому неведомы приязнь или неприязнь, нигде не познают страданий.

*5. Ни благие, ни дурные поступки, идущие от темноты неведения, не присущи тем, кто правдиво воздаёт хвалу Высшему богу.

*6. Те, кто идут незапятнанной стезей бога, на которой преодолены желания, происходящие от пяти органов чувств, те, кто отбросили ложь, — обретут долголетие.

7. Едва ли можно избежать страданий души, кроме как припав к стопам Несравненного.

*8. Едва ли кто сможет переплыть море рождений, кроме прильнувших к стопам бога, являющего собой океан добродетели.

*9. Голова, не склоняющаяся перед стопами Обладателя восьми совершенств, так же бесполезна, как орган чувств, утративший совершенство восприятия.

10. Никому не удастся переплыть безбрежного моря рождений, кроме припавших к ногам Высшего.

Глава 2. ХВАЛА ДОЖДЮ

11. Оттого что мир жизнью на нем изначально обязан дождю, дождь вполне достоин быть назван нектаром жизни.

12. Дождь возвращает все живым для поддержания жизни и служит сам для утоления жажды.

13. Когда бы дождь иссяк, разразился бы голод и стал бы терзать обширный мир, окруженный океаном.

14. Если иссохнет родник богатств, скрытый в облаках, то и земледелец не станет трудиться над плугом.

15. Дождь разрушает и вслед за тем своим же падением помогает пострадавшему землелазу возродить разрушенное.

16. Если и капля влаги не упадет с небес, то ни единой былинки не покажется из земли.

*17. Истощатся даже богатства необозримого океана, если облака, насыщающиеся его влагой, не прольют ее снова над ним.

*18. Не будет дождя — и на земле не станет празднеств и приношений небожителям.

*19. Иссякнет дождь — и обширный мир забудет и о подаянии, и о тапасе.

*20. Мир живых созданий увял бы без дождя; без воды никто не смог бы следовать стезей праведности.

Глава 3. О ВЕЛИЧИИ ОТРЕШИВШИХСЯ ОТ МИРА

21. Дух священных книг утверждает величие тех, кто, идя по пути праведности, отрешился от мира.

22. Оценить величие покинувших земную жизнь — все равно что силиться пересчитать ушедших из этого мира.

23. Все в мире застилает своим светом величие но-

сящих рубины праведности, постигших тайну жизни и освобождения.

24. Усмиряющий все пять чувств шестом воли — именно он является семенем вечного блаженства.

*25. Сам Индра, властелин необозримых небес, испытал на себе могущество покорившего пять чувств.

26. Исполненные величия способны совершать невероятное, низменным это не под силу.

27. Мир принадлежит познавшему истинную суть пяти чувств: вкуса, зрения, осязания, слуха и обоняния.

28. Величие наделенных пророческим словом на земле доказывается священными книгами.

*29. Невозможно противостоять и мгновения гневу взшедших на вершину добродетели.

30. Истинный брахман украшен рубином праведного поведения и мягкосердечия ко всем живым.

*Глава 4. СЛЕДОВАНИЕ ДХАРМЕ

*31. Разве есть в жизни большее благо, чем дхарма, которая приносит славу и богатство?

32. Нет блага выше дхармы, и нет большего зла, чем забыть о ней.

33. При всякой возможности неустанно следуй дхарме с полной силой души.

34. Да будешь ты чист в мыслях. Это и есть дхарма. Все другое — мишура и пустой звук.

35. Только тот образ жизни исполнен дхармы, который не запятнан завистью, вожделением, злобой и словом гнева.

*36. Соблюдай дхарму теперь же, не говоря, что это можно сделать потом. И в смертный час это окажет тебе бессмертную услугу.

*37. Нет нужды говорить о том, к чему приводит путь дхармы. Разница между избегающим дхармы и следующим ей такая же, как между несущим паланкин и сидящим в нем.

*38. Если ты изо дня в день без усталости идешь по благому пути, твои усилия станут глыбой, что закроет путь к будущим рождениям.

39. Одна лишь дхарма дарует радость. Все остальное доставляет боль и достойно порицания.

40. Дхарма — просто то, к чему стремишься; а чего бежишь — зло.

***Глава 5. О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ**

*41. Ведущий семейную жизнь служит верной опорой идущим тремя другими путями праведности.

*42. Добродетельный семьянин является поддержкой отрешившимся от мира, бедным и умершим.

43. Семейный человек свои главные заботы посвящает умершим, богу, гостям, родным и самому себе.

44. Никогда не вымрет и не пострадает потомство того, кто в страхе избегает зла и делится своей едой.

45. Любовь и поведение, полное добродетели, сами по себе придают прелесть семейной жизни и служат вознаграждением за нее.

46. Какое высшее благо найдет ведущий добродетельную семейную жизнь, становясь на иную стезю?

47. Жизнь добродетельного семейного человека выше всех среди стремящихся обрести дхарму.

48. Семьянин, наставляющий других на путь дхармы и следующий ей сам, совершает более суровый тапас, чем отрешившиеся от мира.

49. Что еще можно считать дхармой, как не семейную жизнь? Если другие не укоряют за нее, нет жизни выше этой.

50. Живущий на земле добродетельной семейной жизнью присоединится к богам, обитающим на небесах.

Глава 6. О СПУТНИЦЕ ЖИЗНИ

51. Истинная подруга жизни есть та, что обладает всеми достоинствами, нужными в семье, и ведет жизнь сообразно достатку мужа.

52. Если в жене отсутствуют необходимые для дома добродетели, семейная жизнь пуста, какой бы пышной ни казалась она с виду.

53. Если хозяйка дома наделена достоинствами, нужными в семье, то чего же еще может не доставать? Если же в ней нет их, то что же тогда есть?

54. Что может быть величественнее женщины, которая с твердостью ума и сердца хранит свою чистоту?

*55. Пусть та, что, восстав от сна, не возносит молитв богу, но поклоняется своему мужу, молвит «Да будет дождь!» — и дождь прольется.

56. Истинная жена та, что блюдет свою чистоту, заботится о своем избраннике и неослабно поддерживает добрую славу своей семьи.

57. Что пользы в верности жены, окруженной надзором? Чистота, идущая из сердца, — вот главный страж красoty.

*58. Если женщины с благоговением относились к своим мужьям, они обретут высшую славу в мире, где обитают боги.

*59. Тот, чья жена не ищет похвалы за чистоту, не пройдет величавым львиным шагом мимо своих оскорбителей.

60. Совершенства жены создают счастье в доме, и хорошие дети — рубин этого счастья.

Глава 7. О ДЕТЯХ

61. Нам неведома большая радость, чем дети, надежные ясным разумом.

*62. Во всех семи рожденьях не коснется зло того, кто взрастил детей, исполненных добродетели.

*63. Мудрые изрекли, что дети есть богатство человека, и это богатство — плод его добрых деяний.

64. Что сладость амброзии в сравнении с рисовой кашей, которой коснулась в шалости крохотная ручонка твоего дитяти?

65. Прикосновение детей приятно телу, а звук их голоса — небесная отрада слуху.

66. Те лишь и находят сладкими звуки лютни и вины, кто не слышал дивного лепета своих детей.

67. Лучшее отцовское наследство сыну — образование, благодаря которому сын сможет занять достойное место в ученом кругу.

68. Всем живым людям в этом обширном мире радостно сознавать, что их дети знают больше и самих.

69. Высшая похвала людей сыну наполняет мать большей радостью, чем та, которую испытывает она в момент его рождения.

70. Высшее вознаграждение отцу — слова восхищенных людей: «До чего же велики деяния отца, если ему дарован такой сын?»

*Глава 8. О ЛЮБВИ

71. Есть ли такие силы, которые могут скрыть любовь? Покров с нее сорвет одна печальная слеза любящего.

72. Неспособный любить живет лишь для самого себя, а любящий даже кости свои готов отдать другим.

73. Живая душа, изрекли мудрые, соединяется с телом благодаря любви.

74. Любовь порождает россыпи великой доброты к людям, а та приносит неоценимый дар, именуемый дружбой.

75. Обретенное на земле счастье мудрецы считают плодом праведной жизни, пронизанной любовью.

*76. Несведущие думают, что любовь помогает лишь на пути дхармы, но она толкает и на совершение дурных деяний.

*77. Существо, лишенное любви, добродетель испепелит точно так же, как солнце — бескостного червя.

78. Жизнь без любви подобна засохшему дереву, пустившему ростки на каменистой почве.

79. Какую радость могут ощущать все внешние части тела, если в нем нет любви, которая является сердцем его?

80. Полный жизни идет стезей любви, а тело лишенных способности любить — просто кости, обтянутые кожей.

Глава 9. О ГОСТЕПРИИМСТВЕ

81. Весь смысл семейной жизни и приобретения в том, чтобы щедро и радушно принимать нуждающихся в гостеприимстве.

82. Не должно вкушать одному, не приглашая в дом стоящего снаружи, даже если бы на столе был напиток, дарующий бессмертие.

83. Никогда не познает страданий и не впадет в бедность семья того, кто изо дня в день радушно встречает гостей.

*84. Возрадуется богиня процветания Лакшми и поселится в доме того, кто с приветливым лицом принимает добрых гостей.

85. Надобно ли засеивать свое поле тому, кто, щедро приняв гостей, сам ест остатки?

86. Тот, кто, накормив и проводив гостей, готов принять других, сам будет желанным гостем у обитателей небес.

87. Нельзя оценить пользу радушия по самому радушию. Мерой должны служить достоинства гостей.

88. Кто не был щедр к нуждающимся в гостеприимстве, скажет, умирая: «Всю жизнь мы трудились и копили, и все впустую».

89. Не оказывать радушия тем, кто в нем нуждается, — нищета посреди изобилия. Это богатство глупцов.

90. Поднеси к лицу цветок аниччам, вдыхая его аромат, — и он увянет; так один неласковый взгляд хозяина способен покоробить гостя.

Глава 10. О ЛАСКОВОМ СЛОВЕ

91. Задушевное слово сходит с уст истинно мудрого, чье сердце полно любви и чуждо хитрости.

92. Сердечные слова и приветливое лицо отрадней дара, преподносимого с добрыми намерениями.

93. Дхарма есть ласковое, задушевное слово, произносимое с приветливым лицом, добрым взглядом и сердцем, полным любви.

94. Горькие лишения бедности не грозят тем, кто находит для людей ласковое слово, облегчающее душу.

95. Скромность поведения и мягкость речи — единственные украшения человека, и других нет.

96. Доброе сердечное слово уменьшает зло и увеличивает добродетель.

97. Сердечное слово, что несет пользу другим и неизменно чуждо зла, дает счастье и блаженство.

98. Задушевное слово, свободное от низкого и мелкого, принесет счастье как в этом мире, так и в другом.

99. Разве скажет резкое слово тот, кто видит, какое добро приносит ласковое слово?

100. Говорить резкости вместо ласковых слов — то же самое, что есть незрелые плоды, когда под рукой — зрелые.

Глава 11. О БЛАГОДАРНОСТИ

101. Добру, оказанному без мысли о вознаграждении, ни земля, ни небо не в состоянии воздать должное.

102. Добро, свершенное в минуту нужды, хотя и ничтожно малое с виду, затмевает собой весь мир.

103. Благо доброго деяния, свершенного без мысли о воздаянии, неизмеримо больше океана.

104. Пусть доброе деяние мало, как крохотное зернышко проса, — в глазах постигших пользу его оно примет размеры величественной пальмы.

105. Польза содеянного добра определяется лишь достоинствами того, кому это добро оказывается.

106. Да не будет забыта дружба непорочных сердцем! Да не будет оставлена дружба тех, кто помог в беде!

107. Во всех семи рожденьях благодарные будут помнить дружбу утешивших их в минуту горя.

108. Нехорошо забывать хорошее, но хорошо тотчас же забыть нехорошее.

109. Даже смертельное зло будет прощено, стоит лишь вспомнить единственное благодеяние, оказанное тебе обидчиком.

110. Содеявшие любое зло еще могут обрести спасение, но не найдет его тот несчастный, который убил в себе благодарность за добро.

Глава 12. О БЕСПРИСТРАСТИИ

111. Подлинно хороша справедливость, когда поступки покоятся на беспристрастии к близким и чужим.

112. Богатство справедливого не ведает убыли и приносит счастье потомству.

113. Богатство, доставшееся несправедливыми путями, следует оставить, даже если оно и приносит одно лишь благо.

114. Справедлив или несправедлив был иной в жизни, можно судить по его же потомству.

115. Украшение мудрых — беспристрастие в сердце, возвращаемое невзирая на лишения или процветание.

116. Если твое сердце сворачивает с пути беспристрастия и погружается в запретное, — знай, ты близок к гибели.

117. Без тени унижения станет взирать мир на того, кто, даже впад в нужду, не сходит с пути справедливости.

118. Украшением истинно мудрых является беспристрастие и уравновешенность, подобная коромыслу весов при равнотяжелых чашах.

119. Справедливое слово есть добродетель беспристрастного сердца.

120. Торговля будет процветать, если станешь заботиться о товарах других, словно о своих собственных.

Глава 13. О САМООБЛАДАНИИ

121. Самообладание возносит тебя в круг небожителей, а необдуманная страсть ниспровергает в кромешную тьму.

122. Нет в жизни большего богатства, чем самообладание. Рассматривай его как сокровище.

123. Если мудрый достигнет самообладания на стезе добра, он обретет славу и блаженство.

124. Величие владеющего собой и не сворачивающего со своего пути возносит его выше гор.

125. Умение довольствоваться малым украшает всех. Но во всем блеске оно сияет в людях богатства.

126. Кто в этой жизни умеет, подобно черепахе, вобрать в себя и подавить пять чувств, обретет счастье и блаженство во всех семи рождениях.

127. Если уж ты не в силах подавить чувства, держи хотя бы в узде язык, ибо он, необузданный, извергает лишние благоразумия слова, в которых ты позднее будешь раскаиваться.

128. Если хоть однажды твое несдержанное слово породит боль в другом, все твои благие деяния исчезнут.

129. Заживает рана, причиненная огнем, но не проходит боль, нанесенная языком.

130. Сам бог дхармы совершает при первом же благоприятном случае паломничество к дому постигшего тайны самообладания и умеющего держать свой ум вдали от гнева.

Глава 14. О ДОБРОДЕТЕЛЬНОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

131. Добродетельный образ жизни приносит всеобщее уважение и потому должен цениться выше, чем сама жизнь.

132. С великим тщанием пекись о пристойности своих поступков, и это будет лучшей помощью в любом из твоих исканий.

133. Лишь благородство поступков служит мерилом благородного рождения, а недостойное поведение опускает до уровня низких.

134. Забывший веды брахман может снова их выучить, но целиком потерял свое рождение тот, кто хоть однажды сошел с пути добродетели.

135. Как снедаемого завистью обходит богатство, так лишаются достоинства и величия низкие своими поступками.

136. Могучие духом никогда не сойдут со стези добродетельного поведения, ибо хорошо знают, какие страдания духа причинят себе дурными поступками.

137. Люди добродетельного поведения окружены величием, удел же свершающих дурные деяния — позор и бесчестье.

138. Доброе поведение служит семенем процветания, а путь низости есть источник страданий и лишений.

139. Для человека добродетельного поведения даже в состоянии беспамятства немислимо исторгнуть злое слово.

140. Те, что многому учились, но не ведают, как жить в согласии с миром, суть ученые глупцы.

Глава 15. О НЕОБЛАДАНИИ ЖЕНОЙ ДРУГОГО

141. Глупое домогательство чужой жены не свойственно тому, кто постиг суть дхармы.

142. Среди всех сошедших со стези добра — глупейший тот, кто стоит у порога соседа, объятый жаждой обладания его женой.

143. Замышляющие интриги и вторгающиеся в дом другого являют собой просто-напросто живых мертвецов.

144. Разве может считаться великим тот, кто, обуяемый вожделением, крадется в чужой дом, не опасаясь бесчестья?

145. Неистребимым позором покрывает себя тот, кто, тайком переступив чужой порог, осквернит честь чужой семьи, считая то безделицей.

146. Четыре чувства неотступно преследуют посягающего на чужую жену: злоба, греховность, страх и стыд.

147. Тот может быть назван добродетельным семьянином, кого не соблазняют чары чужой жены.

148. Великая крепость духа, не позволяющая с вожделением взирать на жену другого, есть не только добродетель мудрых, но высший закон их поведения.

149. Если спросят, кто заслуживает процветания в этом мире, омываемом бурными морями, так знай: тот, кто не сжимает в своих объятиях женщину, принадлежащую другому.

150. Пусть ты свершил зло, преступив дхарму; уже то благо, если ты не обольщаешься прелестями чужой жены.

151. Подобно тому как земля держит тех, кто ко-
пает ее, так и ты прощай своих оскорбителей, почитая
это верхом добродетели.

152. С терпением и всегда переноси зло, причиняемое
тебе другими, но лучше вовсе забыть о нем.

153. Нет худшей нищеты, чем нерадушие к гостям, и
нет большего величия, чем терпение к глупцам.

154. Если желаешь сохранить свою силу и стойкость
терпеливо возвращай в себе всепрощение.

155. Мудрые, даже не замечая тех, кто мстит за
зло, на всепрощающего взирают как на золото.

156. Ликование отплатившего злом за зло длится
день, но радость всепрощающего не затихает до смерт-
ного часа.

157. Даже если другие причинили тебе зло, самое
лучшее — пожалеть их в сердце своем и отказаться от
возмездия.

158. Всепрощающим благородством победы того, кто
обуреваемый гордыней, нанесет тебе зло.

159. Те, что сносят оскорбительные слова из уст кле-
ветующих, обладают большей чистотой, чем отрешив-
шиеся от мира.

160. Велики своими подвигами аскеты, принимаю-
щие многотрудный обет лишений и поста, но затмева-
ют их те, что прощают злоречие.

Глава 17. О ЗАВИСТИ

161. Пусть ведает каждый, что украшением добродетельной
натуры служит отсутствие в сердце малейших
следов зависти.

162. Ничто не сравнится с высшим даром — полно-
свободой от всякой зависти.

163. Пылающий завистью к богатствам другого обна-
жает себя как человек, не заботящийся ни о добродетели,
ни о богатстве.

164. Зависть не заставит мудрых свершить недобро-
деяния, ибо ведомо им, что бесчестье есть плод грехо-
вых поступков.

165. Зависть — бич того, кем она овладела, ибо если
даже враги пощадят завистника, то его сгубит сама за-
висть.

166. Семья взирающего с завистью на щедроты, рас-
точаемые другим, будет нищенствовать, голодная, раз-
детая и обреченная на гибель.

*167. Богиня счастья Лакшми не терпит завистников
и вверяет их заботам своей старшей сестры.

168. Грех, именуемый завистью, рушит богатство и
вергает душу в пекло страданий.

169. Процветание завистливого сердцем и нужда ве-
ликодушного в равной мере порождают недоумение.

170. Зависть никогда не приводила к богатству, и
чуждый зависти никогда не лишался его.

Глава 18. ОБ ОТСУТСТВИИ ЖАДНОСТИ

171. Семья того, кто, забыв справедливость, домо-
гается чужого богатства, впадет в нищету и погрязнет
в грехах.

172. Тот, чье сердце содрогается при мысли о не-
справедливости, не обесчестит себя ради наживы.

173. Помышляющих о непреходящем счастье не обу-
ревают низменные страсти, и они не свершают недоб-
рых деяний.

174. Те, что овладели своими чувствами и обладают
незапятнанной чистотой мысли, даже в нужде не посяг-
нут на чужое богатство.

175. Что пользы в остром уме и широких познаниях,
если их обладателя терзает жадность, толкающая на
безрассудство?

176. Даже на твердо ступающего по пути добродетели
и жаждущего непогрешимой святости обрушится
гибель, если он, алкая богатства, замышляет непохваль-
ные средства к достижению его.

177. Пусть никто не жаждет богатства, добытого
алчностью, ибо созревший плод его не принесет ни доб-
ра, ни счастья.

178. Если желаешь знать секрет неуменьения бо-
гатства, принадлежащего тебе, знай, что нужно избе-

гать жадных помыслов о богатстве, лежащем в чужих руках.

179. Богиня процветания Лакшми разыщет и заключит в объятия того, кто, познав могущество добродетели, гонит прочь алчность.

180. Оказавшемуся во власти слепой, бездушной жадности уготована гибель, а гордость, лишенную желаний, вознаграждает успех.

Глава 19. О НЕЗЛОСЛОВИИ ЗА СПИНОЙ ДРУГОГО

181. Пусть даже человек не изрекает слов добродетели и творит греховные дела, — уже то отрадно, если говорят, что он не злословит за спиной другого.

182. Много хуже отступления от дхармы и свершения дурных деяний лживая улыбка в лицо и злословие за спиной другого.

183. Лучше умереть, чем существовать, кривя душой и возводя клевету за спиной другого, ибо смерть несет с собой богатство, состоящее из плодов дхармы.

184. Если ты говоришь резкости в лицо другому, не произноси за его спиной язвительных слов, дурных последствий которых ты не можешь предвосхитить.

185. Низость сердца обнаруживается глупостью злословия за спиной другого, хотя уста могут глаголить о дхарме.

186. Перед миром обнажаются самые тяжкие из пороков того, кто злоречив за спиной другого.

187. Кто не постиг искусства добрыми речами привлекать дружбу, своим злословием отгонит от себя и близких друзей.

188. Какими словами не оскорбит сторонних тот, кто по натуре своей склонен злословить за спиной близких друзей?

189. Не иначе, как следуя дхарме, выдерживает мир тяжесть глупца, возводящего клевету за спиной другого.

190. Разве осталась бы в мире хоть частица зла, если бы каждый узрел свои грехи в том свете, в каком он видит их в других?

Глава 20. О ВОЗДЕРЖАНИИ ОТ СУЕСЛОВИЯ

191. Пустословными речами разжигающий досаду многих окажется покрытым презрением все и вся.

192. Пустословить в присутствии многих есть больший грех, чем свершать несправедное деяние в отношении близких друзей.

193. Пристрастие к пустым, бездумным словам выдает в говорящем отсутствие достоинства и чести.

194. Празднословие перед лицом многих не принесет говорящему пользы, но отнимет у него добрые качества и честь.

195. Если окруженные уважением погружаются в празднословие, величие и благородство оставляют их.

196. Не называй человеком пустословного бахвала, но нареки его шелухой среди людей.

197. Пусть мудрецы, коль этому суждено быть, изрекают недобрые слова; уже то благо, если они не предаются суесловию.

198. Зрелые умом, что размышляют над тайнами непреходящей важности, не произнесут слов, в коих не было бы великого смысла.

199. Зрячие, лишённые бельма и свободные от глупых заблуждений, даже в забытии не исторгнут суесловных речей.

200. Если уж говоришь, так говори слова, приносящие пользу, но не произноси празднословных речей.

Глава 21. О БОЯЗНИ ГРЕХОВНЫХ ДЕЯНИЙ

201. Обремененного грехами не страшит безрассудство несправедного деяния, но мудрых оно заставляет трепетать.

202. Злонамеренных деяний надобно бояться больше, чем огня, потому как зло порождает зло.

203. Не платить мстостью недругу, причинившему тебе зло, — таков венец мудрости, изрекли святые.

204. Не замышляй зла другому даже в забытии. Если же замыслишь зло, то бог дхармы замыслит гибель замыслившему.

205. Пусть никто не замышляет злонамеренных деяний, обеляя себя своей бедностью. Если свершишь зло, то станешь еще беднее, чем был.

206. Не чини зла другому, если не хочешь, чтобы на тебя обрушились бедствия.

207. Освободившись от погони любого врага, не спасешься от безжалостной кармы, которая не оставляет сотворившего зло, пока не добьется его гибели.

208. Подобно тени, неотступно следующей по пятам, злые деяния преследуют сотворившего их вплоть до его гибели.

209. Пусть тот, кто любит себя, не допускает даже мысли о свершении зла, каким бы малым оно ни казалось.

210. Знайте, едва ли бедствия падут на того, кто не сворачивает с праведного пути и не совершает злых деяний.

Глава 22. О ЩЕДРОСТИ СЕРДЦА

211. Щедрость не помышляет о вознаграждении. Что дает земля облаку взамен той влаги, которую оно проливает?

212. Все богатство, скопленное многотрудными заботами, должно быть щедро отдано тем, кто заслужил того.

213. Ни в мире богов, ни на земле невозможно приобрести другого высшего блага, чем щедрость сердца.

214. Живой человек — тот, кому ведомы нужды других. Остальных должно поставить в один ряд с мертвыми.

215. Богатство в руках человека великой мудрости, жалящего блага миру, подобно обильному водой роднику, куда ходит все селение.

216. Богатство в руках щедрого мудреца подобно плодородному дереву, созревшему посреди селения.

217. Если богатство переходит в руки великодушно-го, оно становится подобным неувядаемому целебному дереву.

218. Тот, кто от рождения наделен великодушием, даже в дни нужды не перестанет проявлять свою щедрость.

219. Если щедрый упадет в бедность, это плод того, что не было сделано должное быть сделанным.

220. Пусть вследствие благотворительности приходит разорение; она стоит и того, чтобы продать в рабство самого себя.

Глава 23. О ДАЯНИИ

221. Лишь дар, преподносимый нуждающемуся, есть истинное даяние. Все другое по природе своей рассчитано на возмещение.

222. Принятие дара есть прех, хотя и говорят, что это путь, ведущий к добру, но само даяние есть благо, даже если на небесах нет высшего мира.

223. Лишь благородный рождением приносит даяние без жалких слов о том, как он беден.

224. Дающий страдает сердцем от просьб о даянии, пока не узрит сияющего лица просящего.

225. Подавление голода говорит о твоей великой власти, но ее затмевает самоотречение, утоляющее голод других.

226. Пусть богатый утоляет смертельный голод нищего. Так он сложит свое богатство в надежную сокровищницу.

227. Зло, называемое голодом, не коснется того, кто привык садиться за еду, поделившись с другими.

228. Ведом ли восторг щедрого даяния жестокосердому скареде, прячущему свое богатство и тем самым закапывающему его в землю?

229. Воистину мерзостней, нежели вымаливать подаяние, вкушать, не делясь с другими, в одиночестве, дабы скопить богатство.

230. Ничего нет печальнее кончины. Но даже она утешительнее бессилия помочь даянием страждущему.

Глава 24. О СЛАВЕ

231. Приносить даяние — значит жить достойно похвалы. В жизни нет высшего, чем это, достижения.

232. Все слова говорящих есть похвала тем великодушным, что протягивают подавание просящим.

233. Все в этом мире подвержено гибели, кроме несравненной высокой славы.

234. Мир небожителей, завидев того, кто сподобился широкой всесветной славы, не станет осыпать похвалами святых.

235. Разорение, подобное процветанию, и смерть, несущая славу, — удел мудрых.

236. Если ты явился в мир, то живи со славой. Тем же, кто не знает ее, лучше совсем не родиться, чем жить так.

237. Ведущие жизнь, недостойную славы, не хулят себя. Зачем же поносят они тех, кто осуждает их?

238. Позор всем живущим на земле, если они не снискали славы, переживающей смерть.

239. Земля, терпящая бремя тела, чуждого славы, лишится своего неизменного великого плодородия.

240. Лишь тот живет, кто живет без позора, и не живет тот, кто живет без славы.

Глава 25. О МИЛОСЕРДИИ

241. Высшее сокровище — это сердце, проникнутое любовью к людям. Обыкновенное богатство можно видеть в руках даже низких людей.

242. Стремись быть милосердным, шествуя по пути добра. И какие бы другие учения ты ни изучал, именно в этом твое освобождение.

243. Милосердные никогда не окажутся в мире, полном мрака и страданий.

244. Милосердный, с любовью вззирающий на все живое, может не страшиться деяний, терзающих душу, — так изрекли мудрые.

245. Милосердному не ведомы страдания души. Свидетельницей тому сама необозримая земля с ее всепроникающим ветром.

246. Те, что в поступках своих забывают о милосердии и причиняют зло живым, суть люди, лишенные истинного богатства и предавшие забвению свои страдания в прежних рождениях.

247. Подобно тому как этот мир не создан для лишенных богатства, так мир небес не уготован для лишенных милосердия.

248. Потерявший богатство еще может познать удачу, но утратившие милосердие теряют все, и их горькая судьба неотвратима.

249. Чуждый сострадания столь же способен к добродетели, как лишенный светлого разума — увидеть чистую истину.

250. В то мгновение, когда ты вознамеришься обидеть слабого, вообрази себя стоящим перед тем, кто сильнее тебя.

Глава 26. О НЕВКУШЕНИИ МЯСА

251. Как может испытывать сострадание пожирающий плоть других живых созданий ради наращивания своей собственной?

252. Как богатство не может удержаться у бездумного расточителя, так не может быть и сострадания у безжалостного плотоядца.

253. Душа отведывающего плоть так же отвращена от добра, как сердце схватившего рукою оружие.

254. Если спросят, что такое сострадание, так ведай: это неубиение. Убиение — отсутствие сострадания, и что другое прех, как не вкушение мяса.

255. Храм жизни поддерживается отвращением от мяса, и ад не выпустит из своих челюстей поедающего мясо.

256. Если люди не станут убивать живые создания ради еды, никто не дерзнет продавать мясо денег ради.

257. Если пожирающий мясо представит себе кровоточащую рану другого живого существа, то он не желает вкушать его.

258. Обладающий ясным взором и лишенный пороков не пожелает пожирать плоть другого создания, расставшегося с жизнью.

259. Лучше отказаться от убийства и не вкушать мяса, чем преподносить всемогущим богам тысячи даров на жертвенном огне.

260. Все живое возденет руки, приветствуя не убивающего живые создания и отвращающегося от мяса.

Глава 27. О ТАПАСЕ

261. Переносить страдания и не причинять боли живому — вот в чем величие тапаса.

262. Тапас под силу лишь тем, кто подготовил себя к тому предыдущими рожденьями; бесполезно принимать на себя обет лишенным этого.

263. Не забыли ли о собственном тапасе те, кто дает пропитание отречшимся от земной жизни?

264. Стоит лишь пожелать, и благодаря тапасу можно уничтожить врагов и осчастливить друзей.

265. К тапасу можно обратиться в этой жизни, ибо посредством его осуществляются желания в согласии с желаемым.

266. Принявшие обет аскетизма выполняют свой долг. Все другие, попав в сети желаний, совершают напрасные потуги во вред себе.

267. Подобно тому как золото, по мере нарастания огня, становится все более чистым и сверкающим, так лишения, по мере возрастания их суровости, все более возвышают способного переносить боль.

268. Люди благоговеют перед тем, кто добился высшей власти над собой.

269. Добившийся могущества путем самоотречения сумеет одолеть самого бога смерти.

270. Корни обилия бедных на этом свете в том, что несущих обет тапаса — мало, а избегающих его — тьма.

Глава 28. О ХАНЖЕСТВЕ

*271. Все пять элементов тела засмеются над ханжеством лживого ума.

272. Что пользы в высокой, как небо, важности, если сердце укоряет в ведомых ему грехах.

273. Тот, кто не чувствует силы обуздать себя, но принимает суровый вид, подобен корове, завернутой в тигровую шкуру и щиплющей траву.

274. Свершающие греховные дела и прикрывающиеся аскетизмом подобны охотнику, притаившемуся в кустах и заманивающему в западню птиц.

275. Лицемерные поступки бахвалящихся подавлением своих страстей навлекут на них множество несчастий, так что они будут причитать: «Ах, что мы содеяли?», «Ах, что мы содеяли?»

276. Нет более жестокосердых, чем те, что живут под личиной святых отшельников, но в душе своей не отреклись от мира.

*277. На земле живут люди, которые, хотя и прекрасны внешне, как орешек кундри, но внутри темны, как черное пятно кундри.

278. Есть множество людей, которые, страдая тайными пороками, омываются в священных водах и выдают себя за великих отшельников.

279. Стрела пряма, но жестока, лютня крива, но услаждает слух; так и о людях следует судить не по виду, но по их поступкам.

280. Излишне подобно отшельникам обривать голову или отращивать длинные спутанные космы, если ты ведешь себя, избегая порицаемого миром.

Глава 29. ОБ ИЗБЕЖАНИИ ОБМАНА

281. Кто не желает навлечь на себя презрение, пусть оберегает свое сердце от малейшего обмана.

282. Даже тайное помышление о том, чтобы обманом присвоить добро другого, есть грех.

283. Нажитое обманом богатство обречено на неотвратимую гибель, хотя оно и может казаться растущим вне всякой меры.

284. Необузданная жажда присвоения путем обмана принесет в качестве плода нестерпимые мучения.

285. Среди тех, кто дожидается оплошности других, чтобы присвоить их добро, не может быть любвеобильных людей, размышляющих о милосердии.

286. Те, что не в силах вести себя в пределах дозволенного, становятся жертвой неудержимой жажды присвоения чужого добра.

287. Величие темного искусства, именуемого воровством, чуждо постигшим могущество, называемое умеренностью.

288. Подобно тому как в сердце познавшего умеренность обитает дхарма, так в сердце узнавшего воровство царит мрак.

289. Не овладевшие иным искусством, кроме обмана, сойдут со стези умеренности и в скорости погибнут.

290. Идущему по пути обмана не принадлежит даже тело, обитель души; но мир небожителей непременно примет того, кто чужд обмана.

Глава 30. О ПРАВДИВОСТИ

291. Что называют правдивостью? Речь, лишенную мельчайшей частицы зла.

292. Ложь может быть поставлена вровень с правдой, если она порождает благо без примеси худого.

293. Пусть не исторгают уста твои тех слов, которые сердце твое почитает ложью, ибо, солгав, будешь испепелен собственным сердцем.

294. Не ведающий лжи в сердце своем будет пребывать в сердцах всех обитателей этого мира.

295. Те, кто изрекает правду с чистым сердцем, вышше принимающих обет отречения и свершающих добрые деяния.

296. Ничто не заслуживает большей похвалы, чем правдивость; все добродетели будут дарованы такому человеку без всяких усилий с его стороны.

297. Живущему в совершенной правдивости излишне строго соблюдать другие добродетели.

298. Внешняя чистота тела достигается с помощью воды, но внутренней чистоты добиваются лишь правдивостью.

299. Все светильники для истинно мудрых не являются светильниками. Их светильник — лишь светильник правдивости.

300. Среди виденного мною прекрасного я не нашел ничего такого, что было бы хоть сколько-нибудь лучше правды.

Глава 31. О НЕЗЛОБИВОСТИ

301. Истинно подавляет злобу тот, кто умеет смирить себя там, где он в силах причинить зло. Что пользы в том, что бессильный подавляет злобу или не подавляет ее?

302. Нехорошо проявлять злобу там, где ты бессилен нанести зло; но нет ничего хуже, чем давать волю гневу, когда ты в состоянии причинить зло.

303. Забудь свой гнев, кем бы он ни был вызван, ибо благодаря ему порождено будет много зла.

304. Существует ли на свете больший враг, чем злоба, убивающая улыбку лица и радость сердца?

305. Тот, кто желает сохранить себя, пусть обуздывает гнев. Но коль не сможет подавить его, злоба убьет его самого.

306. Пламя злобы, пожирающее того, в ком оно толпится, сожжет и спасительный челн с его близкими.

307. Погибель считающего злобу ценным достоинством так же неизбежна, как повреждение руки, которой бьешь наотмашь по земле.

308. Даже если боль, причиненная тебе, подобна мучениям среди языков пламени, — не поддавайся гневу, если то по силам тебе.

309. Незамедлительно сбудутся все сокровенные желания сердца у того, кто не держит на душе злобы.

310. Поддавшиеся неумеренной злобе подобны мертвым, а освободившиеся от гнева стоят рядом с бессмертными.

Глава 32. О НЕСОВЕРШЕНИИ ЗЛА

311. Наивысшее достоинство незапятнанных сердцем — не причинять зла другим, даже если бы оно доставляло богатство, приносящее славу.

312. Наивысшее достоинство незапятнанных сердцем — не причинять зла в отмщение, хотя бы тебе нанесли вред из лютой злобы.

313. Если ты нанес зло тому, кто причинил тебе боль.

без всякой твоей вины, на твою голову падут неотвратимые страдания.

314. Высшее отмщение причинившим тебе зло — отплатить им истинным добром, дабы устыдить их.

315. Какая польза от твоих премудростей, если ты не угрызаешься чужой болью, словно своей собственной.

316. Не причиняй другому того, что для себя ты считал бы болью.

317. Высшая добродетель — никому не причинять дурного даже в мыслях своих.

318. Неужели сознающий, что есть зло для его собственной души, будет причинять боль другой неумирающей душе?

319. Зло, нанесенное другому утром, возвратится к тебе вечером.

320. Все причиненное другим зло возвратится назад и покроет содеявших зло, и желающий быть свободным от боли не пожелает причинять боль.

Глава 33. О НЕСОВЕРШЕНИИ УБИЙСТВА

321. Если спросят, что есть поведение, предписываемое дхармой, — так ведай: это несовершенство убийства. Убийение приносит всякую дурную карму.

322. Вкушать, делаясь едой с другими, и оберегать жизнь многих — таков высший из всех заветов, оставленных творцами священных вед.

323. Несовершенство убийства есть высшая из добродетелей; прекрасна и нелживость, что стоит все же за несовершенством убийства.

324. Если спросят, что называется мудрецами стезей добродетели, так знай: это путь добра, внушающий, что нельзя убить даже ничтожнейшее из живых созданий.

325. Величайший из всех отрекшихся от мира, убоявшихся непостоянств земного существования есть тот, кто устранился убийства и стремится к несовершенному убийству.

*326. Жизнепожирающий Яма не будет вторгаться в дни жизни того, кто ставит превыше всего несовершенство убийства.

327. Даже если бы твоей душе грозило отделение от

тела, не совершай поступка, который бы отнимал сладкую жизнь у другого существа.

328. Каким бы большим ни было богатство, для мудрых богатство, приносимое убийством, есть мерзость.

329. Для постигших суть низости люди, отнимающие жизнь у живых созданий, суть свершители подлых поступков.

330. Мудрые изрекают, что ведущие страдальческую, нищую жизнь, больные неизлечимыми недугами тела суть те, что в прошлом рождении отделили у другого душу от тела.

Глава 34. О СУЕТНОСТИ ЗЕМНОГО

331. Верх глупости — принимать преходящее за непреходящее.

332. Большое богатство подобно толпе, стекающейся на танцевальные представления, и уходит оно точно так же, как рассеивается толпа по окончании танцев.

333. Преходяща природа богатства, и если уж ты завладел им, тотчас приступай к свершению деяний, природа коих непреходяща.

334. Нечто, называемое днем, представляется сущим пустяком, но для способных постичь истинный смысл — это меч, мало-помалу отсекающий жизнь.

335. Пока твой язык не лишился силы и к горлу не подступила старческая икота, спеши свершать благие деяния.

336. Этот мир славен великим чудом: вчера еще человек жил, а сегодня его уже нет.

337. Человеку не дано знать, проживет ли он хотя бы день, но суетных мыслей у него не миллион, а много больше.

338. Скорлупа остается брошенной, птица покидает ее и улетает прочь, — так же обрывается связь души и тела.

339. Смерть подобна отходу ко сну, а рождение — пробуждению от сна.

340. Неужели душа, стремящаяся найти убежище в теле, так и не обретет для себя надежного пристанища?

Глава 35. ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

341. Отрешившийся от земных привязанностей не испытывает боли, порождаемой ими.

342. Если хочешь жить без страданий, отрешись от земной жизни, пока еще можно начать другую; после отречения есть много отрадного в этом мире.

343. Следует подавить ощущения пяти чувств и оставить разом все свои желания.

344. Не владеть ничем — таково истинное условие отречения от земной жизни; обладание чем-либо вновь приведет к блужданиям ума.

345. Для жаждущих отрезать себя от перерождений — даже тело обуза. Какой же прок в других привязанностях?

346. Подавляющий гордыню, что изрекает «я», «мое», вступит в мир, возвышающийся над тем, где обитают боги.

347. Забота и скорбь неразлучны с теми, кто неотступно держится за свои привязанности.

348. Отрекшиеся от земной жизни оказались на стезе, ведущей к освобождению; все другие попадают в сети суетных блужданий.

349. Лишь расставшись с земными узами, ты избавишься от перерождений. На другом пути ты испытываешь суетность земного.

350. Привяжись привязанностью к лишенному привязанностей; держись этой привязанности, дабы отрешиться от других привязанностей.

Глава 36. О ПОСТИЖЕНИИ ИСТИННОГО

351. Благодаря восприятию разума, принимающего неистинное за истинное, душа снова окажется в низком рождении.

352. Ясноокие, свободные от бельма в глазу и чуждые суетных блужданий разума, обойдут тьму и обретут ликующее спасение.

353. К тем, что освободились от сомнений и постигли истинное, небо ближе, чем земля.

354. Даже если достигнуто знание посредством пяти чувств, в нем нет пользы для тех, кто не постиг истинного.

355. Какой бы ни была вещь и какой бы природой она ни обладала, мудрость означает умение отличать в этой вещи истинное от ложного.

356. Те, что глубоко познали и постигли истинную правду этой жизни, вступят на путь, который не приводит снова в этот мир.

357. Если разум, вникая, постигает истинное бытие, то ему безусловно не должно размышлять о грядущих перерождениях.

358. Сущая мудрость означает постижение подлинной истины, несущей спасение, дабы избежать неведения, именуемого рождением.

359. Если познавший истинно сущее, поддерживающее бытие, ведет себя так, чтобы освободиться от привязанностей, неотступные в этом мире страдания не приблизятся к нему снова.

360. Страдание умирает для человека, освободившегося от трех зол — вожеления, озлобленности и заблуждения ума.

Глава 37. ОБ ИСКОРЕНЕНИИ ЖЕЛАНИЯ

361. Мудрые изрекли, что желание есть семя, приносящее всем живым неизбежные страдания рождения.

362. Если стоит чего желать, так это прекращения рождений. И это придет к тебе, когда ты возжелаешь освобождения от желаний.

363. В этом мире нет большего богатства, нежели отсутствие желаний. И ни в каком другом мире нет сокровища, равного ему.

364. Чистота означает свободу от желаний, и это придет к тебе, если пожелаешь постичь истинное.

365. Победившие желания зовутся освободившимися от привязанностей, и все другие не свободны от пут.

366. Желание затягивает человека в сети обмана и разочарования, и дхарма есть боязнь и избегание желаний.

367. Если ты полностью отрешись от желаний,

спасение души придет к тебе тем путем, каким ты этого пожелаешь.

368. Скорбные горести не придут к отрешившимся от желаний, но если ты обуреваем ими, страдания одного за другим подступят к тебе.

369. Если отрешись от желания — горести среди горестей, радость твоя будет нескончаемой.

370. Убив желание с его ненасытным нутром, обретешь непреходящее блаженство.

*Глава 38. О КАРМЕ

371. Благодаря благой карме, сулящей богатство, рождается неуклонная решимость, а благодаря дурной карме, уносящей богатство, возникает лень.

372. Дурная карма, предрекающая падение, при появлении своем превращает мудрость в глупость, а благая карма, сулящая процветание, увеличивает мудрость.

373. Даже если ты прочитал тьму ученых книг, все равно берет верх истинное знание.

374. Несоединимо двойственна природа обитающих в мире: одно — обладатели богатства, другое — обладатели истинного знания.

375. Для создания богатства все доброе предопределением превращается в порочное и порочное — в доброе.

376. Как бы ревниво ты ни оберегал то, что не суждено тебе кармой, оно не останется в твоих руках; но то, что суждено кармой, не уйдет, даже если ты станешь его намеренно разбрасывать по сторонам.

377. Даже скопившим десятки миллионов не суждено ликовать, иначе как по жребию, брошенному Верховителем.

378. Лишенные радости нищие вступили бы на путь отречения от земной жизни, если бы, увы, не было им определено переносить неизбежное.

379. Отчего ликующие в минуты, когда выпадает доброе, предаются печали, когда суждено прийти злу?

380. Есть ли более мощная сила, чем карма? И какие бы замыслы ни плелись с целью избежать ее, она все равно выступит вперед.

КНИГА ВТОРАЯ О ПОЛИТИКЕ

*Глава 39. О ВЕЛИЧИИ ВЛАСТЕЛИНА

381. Тот есть лев среди повелителей, кто обладает шестью силами: войском, народом, богатством, советниками, друзьями и крепостями.

382. Бесстрашие, великодушие, мудрость и энергия — только все эти четыре качества без изъята составляют характер истинного правителя.

383. Неусыпность духа, глубина знаний и решительность — все эти три качества неотъемлемы от повелителя страны.

384. Истинно правитель тот, кто, неуклонно соблюдая дхарму и избегая недхармы, свято блюдет свое достоинство и не нарушает долга кшатрия.

385. Истинно повелитель тот, кому ведомо, как создавать богатства и как накапливать сокровища, как оберегать их и распределять сбереженное.

386. Мир вознесет высокую похвалу повелителю, если к нему легко найти доступ и если он не резок в речах своих.

387. Могучему правителю, расточающему милосердие и щедрость с ласковым словом, мир воздаст свою похвалу и станет таким, каким правитель пожелает его увидеть.

388. Повелитель, справедливо правящий страной и оберегающий своих подданных, почитается своим народом как бог.

*389. Мир спокойно пребывает под зонтом монарха, наделенного добродетелью терпеливо сносить слова, которые режут слух.

390. Тот светоч среди правителей, кто обладает всеми четырьмя добродетелями: великодушием, милосердием, справедливостью и заботой о подданных.

*Глава 40. ОБ УЧЕНИИ

391. Без упущений изучай должное быть изученным, а после изучения действуй в согласии с изученным.

*392. Мудрые изрекли, что у каждого живого человека два глаза: один из них называют цифрами, другой — буквами.

393. Лишь умудренные знанием могут быть названы наделенными глазами, а на лице невежд вместо глаз две язвы.

394. Обаяние умудренных знанием таково, что встреча с ними наполняет ликованием, а расставание с ними заставляет думать о новом свидании.

395. Подобно тому как нищий униженно склоняется перед богачом, вымаливая подавание, так и незнающий, словно последний человек, должен стоять перед обладателем знаний.

396. Чем глубже роют в песке колодец, тем обильнее и чище влага, что брызжет ввысь; точно так же, чем больше люди углубляются в знания, тем чище и обильнее струится мудрость из глубины знаний.

397. Для умудренного знаниями любой край, каждое селение — родина. Отчего же иные вплоть до самой смерти стоят на пути невежества?

398. Знания, что приобрел ты в одном рождении, принесут тебе радость и наслаждение во всех семи рождениях.

399. Когда умудренные знанием видят, что приводящее их в восхищение восторгает мир, они испытывают ликование.

400. Знание есть превосходное и неуничтожимое богатство человека. Все прочее лишено подлинной ценности.

Глава 41. О НЕУЧЕНОСТИ

401. Говорить с учеными, не обладая обширным знанием, все равно что играть в шахматы без поделенной на квадраты доски.

402. Лишенного знаний невежду так же подмывает желание блеснуть своим красноречием в кругу ученых, как женщину, лишенную обеих грудей, обуревают жажда покорить своими прелестями.

403. Даже невежды могут прослыть людьми весьма достойными, если они не разверзают уст перед лицом многомудрых.

404. Какой бы поражающе глубокой ни была мудрость необразованного, умудренные знанием не будут внимать его словам.

405. Стоит лишь презирающему знание начать свою надменную речь в собрании мудрых, как тотчас же рождается скука.

406. Лишенные знаний подобны бесплодному солончаку, и о них можно сказать лишь только то, что они существуют.

407. Приятная наружность чуждого знаний и не проникшего в тайны глубокого и величественного подобна красоте разукрашенной глиняной статуэтки.

408. Процветание, выпавшее на долю невежды, истине много горше нищеты, терзающей умудренного знанием человека добродетели.

409. Невежда, будь он и благородного рождения, не может сравниться достоинством с умудренным знанием, даже если тот и низкого рождения.

410. Как люди отличны от животных, так изучившие сверкающие священные книги отличны от прочих людей.

Глава 42. ОБ УМЕНИИ ВНИМАТЬ МУДРОСТИ

411. Богатство, которое мы получаем, внимая мудрым речам, есть сокровище среди сокровищ. Это богатство выше всех богатств.

412. Когда люди не в состоянии вкушать пищу мудрости, что радовала бы слух, то хоть нечто малое должно быть даровано желудку.

413. Наделенные даром внимать мудрости, служащей яством для слуха, подобны богам, живущим жертвенными приношениями.

414. Даже не обрета знаний, внимай совету мудрых. Это послужит тебе надежным посохом в бедствии.

415. Мудрый совет из уст наделенных добродетельным поведением служит верным посохом тем, кто идет по скользкому месту.

416. Склоняй свой слух к добрым, пусть даже и не многим словам мудрости, и это принесет тебе в той же мере величественное достоинство.

417. Способные вдумчиво внимать, глубоко постигающие мудрое не обронят нелепости, даже превратно поняв.

418. Ухо, непроницаемое для мудрых речей, хотя и слушает, но не способно услышать.

419. Не умеющие внимать проникновенным истинам мудрых едва ли будут почтительны и скромны в своих речах.

420. Что пользы в том, что умирают или живут те жалкие невежды, кому знакомо лишь ощущение языка, но не ведома прелесть слуха?

Глава 43. О МУДРОСТИ

421. Мудрость — оружие, оберегающее от любой опасности. Это крепость, куда не просочиться и которую не одолеть врагам.

422. Мудрость помогает избежать зла, не позволяя чувствам устремляться, куда те рвутся, и приводит прямо к добру.

423. Мудрость — умение постигнуть сущую истину во всем, что приходится слышать, из чьих бы уст то ни исходило.

424. Мудрость означает способность говорить так, чтобы смысл становился доступен, и распознавать сокровенный смысл сказанного другими.

425. Проницательный ум попадает в нежные объятия мира. Мудрость — это нечто, не ведающее ни цветения, ни увядания.

426. В каком бы состоянии ни пребывал мир, мудрость означает умение жить в согласии с миром.

427. Наделенные мудростью знают, чему суждено быть, но не знают этого лишенные разума.

428. Безрассудная глупость не боится того, чего должно бояться. Мудрость мудрейших — в боязни того, чего следует бояться.

429. Мудрейшие, способные восхитить грядущее зло и уберечься от него, не испытают несчастий, рождающих ужас.

430. Наделенные мудростью обладают всем, но лишенные мудрости суть нищие, даже если они обладают чем-то.

Глава 44. О ПОБЕЖДЕНИИ ПОРОКОВ

431. Наделено величием богатство чуждых гордыни, озлобленности и низости.

432. Скаредность, отсутствие благородства и склонность к недостойным наслаждениям суть пороки для повелителя.

433. Стыдящиеся и трепещущие позора даже прегрешение величиной в крохотное семя проса воспринимают так, словно оно размерами с громадную пальму.

434. Пусть всякий стремится уберечь себя от пороков, считая то главной заботой. Порок — тот недруг, что принесет тебе гибель.

435. Жизнь того, кто не оберегает себя перед грядущим злом, обречена на гибель в пороке, точно копна соломы в жарком огне.

436. Разве наделен правитель пороками, если он замечает прегрешения других, лишь победив свои собственные пороки?

437. Богатство скареды, не совершающего должного, быть свершенным, погибнет без всякой славы.

438. Алчность, идущая из сердца, привязанного к богатству, не может быть сравнима ни с чем. Это особый порок.

439. Пусть никто никогда не восторгается самим собой и не возжелает свершить деяния, не приносящего блага.

440. Если ты способен наслаждаться любовью к любимому тобой втайне от других, козни твоих недругов окажутся напрасны.

Глава 45. О СНИСКАНИИ ДРУЖБЫ ВЕЛИКИХ

441. Старайся снискать дружбу обладающих зрелой мудростью и познавших дхарму, взвесив их истинные достоинства.

442. С рвением стремись снискать дружбу способных избавить тебя от постигших страданий и заранее уберечь тебя от надвигающихся бедствий.

443. Труднейшее из трудного — обрести привязанность великого мира сего, дабы сблизиться с ним.

444. Высшая из всех способностей — вести себя так, чтобы сделать близким другом того, кто превосходит тебя.

445. Поскольку правитель действует по назиданию своих мудрых приближенных, пусть он в зрелом благоразумии приобретает себе много мудрых советников.

446. Бессильны что-либо учинить недруги против того, кто способен действовать как близкий друг высокодостойного человека.

447. Разве кто в силах одолеть и погубить правителя, умеющего ценить дружбу мудрых, способных бросить ему резкий укор в ошибках?

448. Властелин, лишенный мудрых приближенных, что способен упрекнуть его в ошибках, пребывает без телохранителей, и он гибнет, даже если и нет врагов, собирающихся погубить его.

449. Подобно тому как лишенные больших денег не имеют дохода, нет постоянного положения у лишенных дружбы и поддержки сильных.

450. Махать рукой на дружбу добродетельных мудрецов подлинно в десятки раз глупее, чем приобретать для себя множество врагов.

Глава 46. О ВОЗДЕРЖАНИИ ОТ ДРУЖБЫ С НИЗКИМИ

451. Подлинное величие страшится близости с низкими. Низкий окажется окруженным низкими, как своими близкими друзьями.

452. Качества воды определяются землей, по которой она течет; так и разумение в людях зависит от добродетельности их дружбы.

453. Понимание людей происходит от ума, а суждение о человеке происходит от знания его друзей.

454. Знание кажется идущим от разума, но оно есть плод той близости с друзьями, которую поддерживает человек.

455. И чистота ума, и непогрешимость поступков — то и другое имеет своей опорой чистоту твоей дружбы.

456. Добродетельно будет потомство незапятнанного сердцем, и не совершит недобрых деяний стремящийся к чистоте дружбы.

457. Чистота сердца — сокровище для жизни человека, и чистота дружбы принесет всяческую похвалу.

458. Хотя бы мудрецы и обладали полной мерой доброты, благо дружбы и для них служит опорой и щитом.

459. Освобождение души обязано чистоте разума, который обретает стойкость благодаря благу дружбы.

460. Нет выше поддержки и покровительства, чем чистосердечная дружба, и ничто не порождает больших страданий, нежели порочная близость.

Глава 47. О ПРОДУМАННОСТИ ДЕЯНИЙ

461. Глубоко проникни мыслью в то, что будет утрачено и что приобретено, какова польза, что принесет задуманное деяние, и лишь затем приступай к свершению.

462. Нет непостижимого для того, кто действует, держа совет с избранным кругом друзей и размышляя сам.

463. Обладающие подлинной мудростью не дерзнут свершить деяние, которое, имея целью наживу, может погубить все состояние.

464. Боящийся оплошности, порождающей укоризну и насмешку, не приступит к свершению деяния, лишеного для него ясности.

465. Приступать к свершению деяния, не продумав заранее и не проникнув в его тонкости, есть один из путей взращивания твоих врагов на плодородном поле.

466. Обречен на гибель свершающий поступки, что не следует свершать; обречен на гибель и не свершающий поступков, что надобно свершить.

467. Приступай к деянию по зрелом размышлении. Неразумно говорить: «Обдумаем после того, как начнем».

468. Усилия, затрачиваемые не на правильной стезе, пропадут зря, даже если сонм людей стоит рядом и помогает тебе.

469. Даже при свершении добрых деяний возможен изъяз, если к ним приступают, не взвешивая зрело достояний всех тех, ради кого свершается деяние.

470. Надлежит глубоко обдумать поступок, что не будет осужден людьми, а затем уже приступать к его свершению. Мир не одобряет тех поступков, которые не одобряются самим тобой.

Глава 48. О ПОЗНАНИИ СИЛЫ

471. Приступай к делу, взвесив трудности его, свою собственную силу, силу твоих врагов и силу друзей.

472. Не постигнет неудача того, кто, приступая к деянию, понимает, что осуществимо, и знает пути и средства к его осуществлению.

473. Многие из не знавших своей собственной силы и подстегиваемых жарким рвением потерпели крах в разгаре осуществления своих замыслов.

474. Скорая гибель ожидает чуждого спокойствия в своем поведении, не ведающего меры и восхищающегося самим собой.

475. Даже павлиньих перьев не выдержит повозка, если этот легкий груз наваливать чрезмерной массой.

476. Взорвавшийся на самую верхушку дерева рискует заплатить жизнью, если он, объятый жаром, не удержимо рвется ввысь.

477. Свершай даяние, следуя стезей добра и зная меру своему состоянию. Это путь, оберегающий богатство и позволяющий делиться им с другими.

478. Даже если приток твоих доходов мал, тебя не постигнет погибель, коль поток твоих расходов не слишком широк.

479. Жизнь не ведающего умеренности представляется то процветающей, то ничтожной, и в конце ее ожидает бесследная гибель.

480. Процветанию придет скорый конец благодаря отваге расточительности, не взвешивающей меры своих возможностей.

Глава 49. ОБ УМЕНИИ ВЫБРАТЬ ВРЕМЯ

481. Ворона одерживает победу над совой среди бела дня; подобно этому, и властителю нужно подходящее время, чтобы одолеть своих врагов.

482. Дела, свершаемые в согласии со временем, служат канатом, что накрепко привязывает к властелину богиню удачи.

483. Ежели ты приступаешь к свершению замысленного, выждав удобное время и привлекиши надлежащие средства, то существует ли для тебя в мире нечто такое, что может быть названо трудноосуществимым?

484. Если повелитель решается на действия в согласии с местом и временем, он добивается триумфа, даже замыслив покорить весь мир.

485. Повелитель, замысливший покорить мир, будет терпеливо ждать удобного времени, не растравляя ожиданием свой ум.

486. Наделенный огромной энергией пусть обладает тем же терпением, что и воинственный баран, отступающий назад с намерением рвануться вперед и сокрушить другого в броске.

487. Обладающий светлой мудростью не взорвется от ярости тотчас же, но будет взращивать свой гнев в глубине сердца, выжидая благоприятного времени.

488. Если ты встретился со своим врагом в неподходящую минуту, прояви самообладание и выкажи ему

уважение. Когда ты увидишь, что его смертный час настал, голова супостата сама скатится к твоим ногам.

489. Когда приходит удобный случай добиться труднодостижимого, тут же, не колеблясь, решайся на то, что кажется невозможным.

490. Уподобься цапле, что сжимает свои крылья в ожидании нужной минуты, но действуй с ее же решительностью, когда настало время.

Глава 50. ОБ УМЕНИИ ВЫБРАТЬ МЕСТО

491. Не приступай к каким-либо действиям и относись без всякого презрения к силам своего врага; если ты не выбрал места для сокрушения его.

492. Даже наделенным мощью, соединенной с воинственностью, многое даст обладание сильной крепостью.

493. Даже лишённые большой силы превратятся в обладателей мощи, если они умеют выбрать нужное место и осмотрительно действовать против врага, стоящего на страже.

494. Если, выбрав надежное место, начинаешь действовать с осторожностью, то замышлявшие победу твои недруги расстанутся с этими мыслями.

495. Всемогуш крокодил в глубокой воде, но стоит ему выйти из нее, и другие твари с легкостью одолеют его.

496. Громадная колесница с большими колесами не помчится по морю, и судно, стремительно плывущее по морю, не понесется по земле.

497. Если ты приступаешь к действиям, продумав все без упущения и выбрав надежное место, то не нужна никакая другая поддержка, кроме бесстрашия.

498. Если предводительствующий небольшим войском укрепится в надежном месте, он лишит уверенности врага, обладающего огромным войском.

499. Трудно одолеть народ на его собственной земле, даже если он лишен и мощных крепостей, и других преимуществ.

500. Над слоном, что бесстрашно, не моргнув глазом, способен отражать копыта, одержит верх лиса, если его ноги завязнут в болотной трясине.

Глава 51. О ДОВЕРИИ К ЛЮДЯМ ПО ИСПЫТАНИИ ИХ

501. Всякий достоин доверия лишь после испытания в нем четырех достоинств: приверженности к дхарме, устремления к богатству, пристрастия к наслаждениям и страха за свою жизнь.

502. Пусть твое доверие будет высказано обладателю скромности, родившемуся в добродетельной семье, лишённому пороков и страшящемуся падения.

503. Даже в постигших непостижимо трудное и чуждых пороков редко встретишь полное отсутствие незнания.

504. Оцени в другом достойные качества, познай в нем и плохое — и то, чего в нем больше, считай его сущностью.

505. Пробным камнем, определяющим либо величие людей, либо их низость, служат их собственные деяния.

506. Будь благоразумно осмотрителен в доверии к тем, кто лишен близких, ибо сердца их чужды привязанности и их не объемлет стыд за позор.

507. Доверчивость даже к познавшим мудрое, идущая от чувств внезапно вспыхнувшего благоговения, приведет тебя ко всякой глупости.

508. Проникшийся доверием к другому без испытания его достоинств обрушит на голову своего потомства бесчисленные горести.

509. Не проникайся доверием к человеку, не познав сначала его качеств, и после испытания доверяй ему дело в согласии с его достоинствами.

510. Как доверие без должного испытания, так и подозрительность к снискавшему твое доверие низвергнут на тебя неизлечимые страдания.

Глава 52. О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СЛУЖБЕ ПО ИСПЫТАНИИ

511. Тот достоин службы, в ком, изучив доброе и плохое, ты обнаружил характер, устремленный к свершению добра.

512. Пусть вершит делами правления способный увеличить доходы казны, взрастить богатства и предвосхитить угрозы.

513. Пусть выбор твой падет на наделенного в достатке вот этими четырьмя достоинствами: верностью правителю, глубоким знанием, светлым разумом и свободой от алчности.

514. Множество подданных стали иными под влиянием службы, даже после того как их достоинства были испытаны всеми возможными путями.

515. Службу не должно доверять почитающему тебя за совершенного и никому другому, кроме как познавшему суть дела и исполняющему его с терпением.

516. Изучи советника, коему надлежит нести службу, познай существо дела и в благоприятствующее время повели свершить деяние.

517. Глубоко убедив себя, что приближенный способен свершить это деяние должным образом, доверяй ту службу тому приближенному.

518. Уяснив пригодность подданного к свершению доверяемого дела, возвысь его в той мере, чтобы он оказался способен исполнить оное.

519. Богатство и удача покинут того правителя, что превратно толкует дружественную привязанность своего приближенного, обнаруживающего рачительность в служении.

520. Пусть владыка страны держит под неусыпным надзором службу приближенных. И коль не погрязнет в неправде свершающий службу сановник, то и миру не будет свойственна неправда.

Глава 53. О ПОДДЕРЖИВАНИИ БЛИЗКИХ

521. Проявление прежнего дружеского расположения даже и в дни утраты привязанности обнаруживает-ся лишь в близких.

522. Если тебе ниспосланы близкие с их неизменной любовью, то это богатство, крепость коего несокрушима, принесет тебе множество даров.

523. Жизнь лишенного дружественных общений с близкими подобна полноводному бассейну, лишенному берегов и потому теряющему воду.

524. Благо, приносимое богатством, означает жизнь в окружении близких.

525. Если ты щедр в даянии и речь твоя ласкова, то ты будешь во много раз больше окружен близкими.

526. Если властелин наделен щедростью и не возвращает в себе злобы, то не найдется в обширном мире никого, кто имел бы больше близких, чем он.

527. Не пряча добытое, ворона громким криком сзывает своих подруг и ест вместе с ними. И процветание также сопутствует лишь тем, кто наделен доброй натурой.

528. Если повелитель не взирает на подданных безразличным оком, но о каждом судит согласно его достоинствам, то многие, увидев сие, будут жить добрыми чувствами к властителю.

529. Некогда близкие тебе, но затем порвавшие узы дружбы вернутся вновь, как только исчезнет причина их недружелюбия.

530. Если приближенный отошел от правителя, а затем вернулся с тайным намерением, пусть властитель лишь по глубоком размышлении примет его.

Глава 54. О ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТИ

531. Беспечность, вызванная восторженным ликованием, много хуже, нежели прешедшая меру ярость.

532. Беспечность, погубивши добрую славу, точно так же, как непрерывное нищенство, убьет мудрость.

533. Добрая слава чужда беспечным — таково суждение мудрецов всех верований в этом мире.

534. Для исполненных страха нет надежной крепости, так лишены благой жизни обладающие беспечностью.

535. Потерпевший неудачу оттого, что не оберегался заранее, испытывает горькие терзания за свою оплошность.

536. Если ты умеешь быть предусмотрительным в отношении всего, в любое время и безо всякого упущения

ния, в мире не найдется ничего, что можно было бы сравнить с этим.

537. Если ты поступаешь осмотрительно и рачительно, для тебя не будет непостижимо трудных дел.

538. С благоразумием исполняй деяния, снискавшие похвалу святых мудрецов, и нерадивым, не свершившим этого, нет блага во всех семи рожденьях.

539. В мгновения, когда тебя обуревают безумство беспечного ликования, вспомни погубивших себя забвением дел.

540. Свершения задуманного легко добиться, удерживая непрестанно в памяти то, что ты замыслил.

Глава 55. О СПРАВЕДЛИВОМ ПРАВЛЕНИИ

541. Править справедливо — значит глубоко постигать суть дела, властвовать без лицемерия, свершать деяния, внимая совету мудрых.

542. Весь мир живет, возводя очи к небу в ожидании живительного дождя, так и народ ждет правосудия, взирая на скипетр правителя.

543. Скипетр справедливого правителя служит поддержкой священному учению брахманских вед и дхарме.

544. Мир падет ниц, лобзая стопы могущественного правителя, который поднимает скипетр справедливости с любовью к своим подданным.

545. Страна правителя, поднимающего скипетр справедливости и блага ради, славна и целительным дождем, и тучным урожаем.

546. Не копье приносит триумф правителю, но его справедливый скипетр, коль он не покривится.

547. Если властелин, повелевающий землею, неусыпно поддерживает справедливость, то само же правосудие охранит его.

548. Властитель, недоступный подданным, не держащий совета с приближенными и не поступающий в согласии со справедливостью, погрязнет в низости и погубит самого себя.

549. Немилосердно карать порок, оберегая подданных от врагов внутри и вне страны, — не преступление, но долг правителя.

550. Карать смертью жестоких преступников — то же, что выпалывать сорняки в зеленых посевах.

Глава 56. О ЖЕСТОКОМ ПРАВЛЕНИИ

551. Свирепый правитель, свершающий несправедливые деяния, много хуже избравших своим ремеслом убийство.

552. Просьба поднявшего скипетр властелина подобна окрику «давай» из уст грабителя, что замахнулся на свою жертву копьем.

553. Страна, властитель коей не проверяет ежедневно дел и не вершит правосудия, гибнет ото дня ко дню.

554. Властелин, кривящий скипетр справедливого правления и не обращающийся к мудрым за советом, лишится разом и богатства, и подданных.

555. Слезы, что проливают подданные, страдая от нестерпимых бедствий, идущих от деспота, — разве не та сила, что рушит его богатство?

556. Справедливое правление упрочивает величие повелителя, но, если власти чуждо правосудие, угасает непостоянный светильник владыки.

557. Души подданных страдают без правосудия, так же как пересохшая земля без влаги.

558. Горше нищеты удел богатого, что попадает под скипетр правителя, который не вершит правосудия.

559. Когда повелитель поступает вопреки правосудию, даже небо не ниспошлет ко времени дождя и на землю не прольется влага.

*560. Если властитель, оберегающий подданных, не станет их охранять правосудием, то сойдут на нет даяния коров и мудрецы забудут свои священные книги.

Глава 57. О НЕСОВЕРШЕНИИ ДЕЯНИЙ, НАВОДЯЩИХ СТРАХ

561. Властелин тот, кто должным образом вникает в совершенное беззаконие и карает преступившего за-

кон сообразно его вине так, чтобы он никогда не обратился на этот путь снова.

562. Пусть властелин, желающий повелевать долгие годы, грозно замахивается скипетром и мягко опускает его.

563. Если жестокосердый властелин правит, наводя на подданных ужас, его ждет верная и скорая гибель.

564. Злоречивая молва, идущая в народе и разглашающая свирепость властелина, уменьшит дни его жизни и низринет на него скорую гибель.

565. Громадные богатства властелина, двери которого закрыты для подданных и лик которого грозен, подобны сокровищам, охраняемым драконом.

566. Если уста властителя исторгают жестокие слова и взор его чужд милосердия, богатства, скопленные годами, найдут скорый конец.

567. Жестокие речи и превышающие меру наказания — тот напильник, что подточит могущество всемогущего властителя.

568. Бездумный повелитель, презирающий совет приближенных, лишится богатств и власти, если он, уступая злобе, свирепеет.

569. Жестокое правителя, не воздвигшего в должное время защитных крепостей, неожиданная война повергает в ужас и приводит к быстрой гибели.

570. Для земли нет большей тяжести, чем жестокосердая власть, склоняющая свое ухо к невеждам и глупцам.

Глава 58. О БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ

571. Этот мир существует благодаря величайшему благу, называемому благожелательностью правителя.

572. Прелести мира исходят от благорасположенности, и люди, лишенные ее, тягостны для земли.

573. Что пользы от мелодии, если она не годится для пения? Какой прок от глаз, если их взор лишен благожелательности?

574. Что пользы в глазах, хотя и расположенных на лице, но лишенных в должной мере благожелательности?

575. Благосклонность взора — алмаз, украшающий глаза, и если они лишены ее, то на них должно смотреть как на зияющую рану.

576. Обладающие глазами, но чуждые благосклонности взора подобны изваянию из дерева и глины.

577. Чуждые благожелательности во взоре лишены глаз, и у истинно обладающих зрением не может не быть благожелательности взгляда.

578. Этот мир принадлежит способным взирать с благожелательностью без нанесения ущерба доброму делу.

579. Высшая добродетель — с благожелательностью взирать даже на тех, кто достоин наказания.

580. Стремящиеся постичь высшую учтивость, достойную восхищения, будут спокойно восседать, даже выпив напиток, в который — они видели — подсыпан яд.

Глава 59. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОГЛЯДАТАЕВ

581. Пусть властитель ясно сознает, что великая книга законов и соглядатайство — два его глаза.

582. Обязанность правителя — мгновенно узнавать все, что случается с каждым подданным в любую минуту.

583. Повелитель, не осведомленный соглядатаями и не ведающий правды о происшедшем, лишен надлежащих условий для одержания побед.

584. Тайная служба властелина должна держать под своим оком всех сановников, вершащих дела, близких и родичей правителя, а равно и его соперников.

585. Истинный соглядатай не должен вызывать подозрений, страшиться чужого взгляда и выдавать себя.

586. Истинный соглядатай, являясь в облике отрешившегося от земной жизни, проникает в недоступные места, узнает нужное и не обнаруживает себя, что бы ни стряслось с ним.

587. Надежный соглядатай проявляет изворотливость в разведывании тайн и секретов и лишен сомнений в истинности того, что он узнал.

588. Донесение, представленное соглядатаем, надлежит проверить с помощью другого соглядатая.

589. Пусть властитель поступает так, чтобы один

соглядатай не знал другого; доверять же должно до-
несениям, представленным разом тремя лазутчиками.

590. Пусть повелитель не вознаграждает своих со-
глядатаев публично. И если он поступит так, то согля-
датай сам окажется тем человеком, что сорвет покров
с тайны.

Глава 60. О РВЕНИИ

591. Лишь наделенные рвением могут быть названы
богатыми. Но могут ли обладать чем-либо лишенные
его, даже если они и обладают чем-нибудь?

592. Истинное богатство — рвение, ибо обычным бо-
гатством обладают недолго и оно навечно исчезает.

593. Наделенные богатством неубывного рвения не
познают страданий отчаяния и не возопят: «Мы лиши-
лись своих богатств!»

594. Богиня удачи сама расспросит дорогу и придет
к наделенному неустойчивым рвением.

595. Высота стебля лотоса зависит от того, насколь-
ко глубока вода, поддерживающая на себе цветок; так
и люди поднимаются вровень со своим рвением.

596. Пусть мысль твоя, о чем бы ты ни думал, будет
обращена к возвышенному, и, даже если тебя постигает
неудача, природа возвышенных идеалов непреходяща.

597. Как боевой слон, пронзенный стрелой, продол-
жает упорно и недвижимо противостоять врагу, так мо-
гучие духом не ведают отчаяния даже в час поражения.

598. Лишенные рвения не добьются горделивой сла-
вы, называемой щедростью.

599. Даже громадного слона с его острыми бивнями
объемлет страх, если тигр ринется на него.

600. Непокколебимость духа — сущее богатство лю-
дей, и лишенные ее — просто дерево; разница лишь в
том, что они наделены обликом человека.

Глава 61. О НЕЗНАНИИ ЛЕНОСТИ

601. Нетленный светильник, называемый высоким
родом, угаснет, если покроется копотью лени.

602. Желаящие познать уважение к своему семей-
ству пусть различат тлетворность лени и обратятся к
делам.

603. Семья, породившая невежду, нежно ласкающего
губительную праздность, погибнет даже раньше, нежели
он сам.

604. Сгинет семья и разрастутся пороки оказавших-
ся в объятиях праздности и лишенных устремлений к
благим деяниям.

605. Привычка откладывать дела, забывчивость, ле-
ность и страсть ко сну — четыре этих качества послужат
восхитительным ковчегом для осужденных на гибель.

606. Наделенные любовью к праздности, даже сни-
скав благорасположенность властелина земли, едва ли
познают величавое процветание.

607. Полюбившие праздность и лишенные благород-
ного устремления к благим деяниям навлекут на себя
ужоризну и услышат унижающие их слова.

608. Семья, где нашло себе обитель празднолюбие,
ввергает себя в рабство к врагам.

609. Исчезнут страдания, что обрушились на твою
семью, если сможешь превозмочь могущество празд-
ности.

*610. Властелин, не знающий праздности, обретет
разом все, что измерил своим шагом Тривикрама.

Глава 62. О МУЖСКОЙ РЕШИМОСТИ

611. Не следует падать духом, говоря: «Это непости-
жимо трудно». Решительное усилие принесет тебе могу-
щество для свершения деяния.

612. Остерегайся расстаться с решимостью во время
свершения деяния. Мир оставляет без своего попечения
бросающих дело недовершенным.

613. Достоинству неустанного трудолюбия принад-
лежит гордость, именуемая щедростью.

614. Щедрость в лишенном мужской решимости по-
добна мечу в руках евнуха.

615. Жаждающий деяний и чуждый погони за наслаж-
дениями стоит, как твердая скала, уменьшая страдания
своих близких и друзей.

616. Твердая решимость дарует удачу и богатство, но отсутствие рвения ввергает в нищету.

617. Богиня несчастья находит себе обитель у склонного к праздности, но лотосорожденная Лакшми поселяется в ногах чуждого лени.

618. Ни для кого не постыдно отсутствие удачи; однако истинный позор познавшему мудрость, но чуждому мужской решимости.

619. Даже если говорят, что нет удачи из-за нерасположенности богов, само постоянное усилие принесет тебе вознаграждение в меру напряжения твоих мышц.

620. Преисполненные непрестанного рвения, чуждые боязни судьбы увидят лишь спину богини злого рока.

Глава 63. О БЕССТРАШИИ В БЕДЕ

621. Смейся, когда нагрянет беда. Нет силы, равной смеху, способной встретить бедствие и превозмочь его.

622. Несчастья, что набегают словно поток вод, исчезают, по мере того как обладатель мудрости размышляет о их природе в глубине своего сердца.

623. Не предающиеся отчаянию перед лицом бедствия заставят само бедствие страдать от бедствия.

624. Беда будет страдать сама, если подступит к человеку, подобному буйволу, что неослабно тянет повозку по трудному пути.

625. Бедствия, что обрушиваются на не ведающего отчаяния, даже если хлынут нарастающим потоком, пострададут от самого же бедствия.

626. Чуждые скарденности в удаче и не похваляющиеся богатством разве будут страдать перед лицом нищеты и причитать: «Ах, мы все потеряли!»?

627. Высшая мудрость знает, что мишенью для несчастий служит лишь тело, и потому не считает бедствие способным победить.

628. Не знает страданий души перед лицом несчастья чуждый жажды наслаждений и считающий страдание естественным для живущего.

629. Не испытывающий наслаждения среди наслаждений не испытывает страдания среди страданий.

630. Считаю боль наслаждением, и это величие будет восхваляемо твоими же врагами.

631. Истинный советник знает средства, время и образ действий, необходимые для свершения труднейшего деяния.

632. Истинный советник обладает величием пяти достоинств: бесстрашием, заботой о подданных, постижением истинной мудрости, решимостью в делах и выше-реченными качествами.

633. Советник тот, кто способен расколоть союз недругов, любовно пестовать друзей и соединить поправших узы дружбы.

634. Советник тот, кто способен постигать смысл деяний, свершать их наилучшим путем и высказывать свое суждение.

635. Лучший в должности советника тот, кто познал дхарму, дает зрелый совет и всегда знает добрый путь для свершения задуманного.

636. Что может заключать в себе большую мудрость для советника, обладающего тонким врожденным умом и знанием мудрых вед?

637. Даже если ты и превзошел книжную премудрость, познай на опыте истинную природу мира и поступай в согласии с этим знанием.

638. Даже если властелин невежда, пренебрегающий необходимым знанием, долг сидящего рядом с ним советника решительно высказывать правду.

639. Лучше иметь рядом с собой семьсот миллионов врагов, нежели одного советника, замышляющего губительные козни.

640. Советник, лишенный твердой решимости, не довершит деяния, даже если его замыслы совершенны.

Глава 65. О МОГУЩЕСТВЕ СЛОВА

641. Достоинство красноречия есть истинное богатство. И это достоинство отличается от блага, пребывающего в любой другой добродетели.

642. Остерегайся поскользнуться в слове, ибо от него исходят и богатство, и гибель.

643. Красноречие означает умение говорить так, что бы привлекать сердца слушающих и вызывать желание склонить свое ухо даже у невнимающих.

644. Изрекай слово, постигши силу его. И выше этого дара нет ни добродетели, ни богатства.

645. Произноси слово, зная, что не найдется у другого такого слова, которое было бы сильнее твоего.

646. Постоянное намерение незапятнанных в своем величии — говорить так, чтобы вызывать желание слушать опять, и находить пользу в речах другого.

647. Едва ли кто может одолеть в словесном соперничестве одаренного могуществом слова, умеющего не поскользнуться в речи и не ведающего страха.

648. Стоит появиться способному говорить красноречивые слова, стройно расположив их, как мир вскоре будет повиноваться его повелениям.

649. Неспособные говорить немногими лишенными изъяна словами безусловно поддадутся желанию говорить многословно.

650. Неумеющие красноречиво и понятно поведать познанное ими подобны цветку в букете, от коего, хоть он и распустился, не исходит благоухания.

Глава 66. О ЧИСТОТЕ ПОМЫСЛОВ В ДЕЙСТВИЯХ

651. Добрая поддержка дарует удачу, и чистота помыслов в действии принесет тебе все, что ты пожелаешь.

652. Во всякое время надлежит избегать деяний, что не рожают ни славы, ни добродетели.

653. Помышляющим о процветании в мире следует избегать свершения деяний, что затмевают добрую славу.

654. Видящие мир в истинном озарении и чуждые бесчестья не свершат деяний, приносящих позор, даже если и окажутся в тяжелой беде.

655. Не свершай деяний, что рожают терзания души и заставляют говорить: «Ах, что мы содеяли!» А свершив такой поступок, не свершай подобных ему впредь.

656. Не свершай поступков, вызывающих презрение мудрых, даже если ты видишь, что умирает с голоду твоя родная мать.

657. Злейшая нищета мудрого много лучше богатства, обретаемого взвалившим на себя бремя бесчестья.

658. Нарушающим запреты священных вед, пусть даже и преуспевшим в своих замыслах, недобрые деяния принесут страдания души.

659. Всё с рыданием обретаемое нами покидает нас с рыданием; но обретенное на стезе добра, даже если и теряется, порождает добро.

660. Желание сохранить богатство, обретенное путем обмана, подобно стремлению удержать воду, налитую в необожженный глиняный кувшин.

Глава 67. О СТОЙКОСТИ В ДЕЯНИЯХ

661. Называемое стойкостью в деяниях есть стойкость ума. Все остальное — мишура.

662. Избегать поступков, приносящих терзания, и не падать духом, повстречав препятствие, — эта мудрость почитается законом постигших тайны твердости в деяниях.

663. Истинная стойкость обнажает замыслы, что были достойны свершения, в самом конце деяния; но если ты обнажаешь свои замыслы в разгар их свершения, на твою голову будут ниспосланы непреодолимые бедствия.

664. Говорить легко каждому, но трудно поступать в согласии со сказанным.

665. Твердость в деяниях у обретших величие мудрости дойдет до самого повелителя и будет восхвалена всеми.

666. Если задумавшие деяние обнаруживают твердость духа, их замыслы свершатся в согласии с задуманным.

667. Узревши в другом наружность тщедушного, не следует испытывать к нему презрения. Ведь есть такие, что подобны осевой чеке в громадной колеснице, несущейся стремглав.

668. Без колебаний и забыв о сне, свершай задуманное, не ведая смущения ума.

669. Хотя бы бедствия в обилии низверглись на тебя, свершай, набравшись решимости, деяния, приносящие добро и радость.

670. Мир не пожелает благоволить к чуждым желаниям быть стойкими в своих свершениях, даже если они и обрели иную твердость.

Глава 68. О ПУТЯХ СВЕРШЕНИЯ ДЕЯНИЙ

671. Лишь по глубоком размышлении обретешь решимость. И несправедливо оставлять такое решение неосуществленным.

672. Медли с деяниями, что должны быть осуществлены на стезе медлительности. Но не медли с деяниями, что должны быть свершены без всякого промедления.

673. Исполнение деяния хорошо во всякое время, когда это возможно. Но если нет возможности, дождись благоприятного момента, и лишь тогда свершай свое деяние.

674. Не завершённые до конца деяния и затаенная ненависть, если размыслить, вызывают такое же губительное жжение, как и затухающий огонь.

675. Покончив с темными сомнениями, свершай деяние после глубокого размышления над пятью вещами: имеющиеся силы, средства свершения, удобное время, существо дела и благоприятное место.

676. Свершай деяние по глубоком размышлении о способах завершения его, о возможных препятствиях, а также о пользе, что будет принесена.

677. Тот, кому предстоит свершение деяния, пусть расспросит ведающего о путях свершения и сокрытых тайнах деяния.

678. С помощью одного деяния добивайся свершения другого, так же как при помощи слона с увлажненной при течке челюстью залавливают другого слона.

679. Следует мириться со своими врагами быстрее, нежели свершать добрые поступки в вознаграждение своих друзей.

680. Правитель небольшой страны, опасаясь внутренних распрей, пусть подчинится более могущественному повелителю и примет власть его.

Глава 69. О ПОСЛАНИКЕ

681. Преданность в любви, благородное происхождение, учтивость, пленяющая правителей,— вот достоинство того, кто может быть названным посланником.

682. Любвеобилие, мудрость, проникающее в сердце красноречие — таковы три неисключимых дара достойного быть названным посланником.

683. Быть учнейшим среди постигших знание — таково достоинство приближенного, что произносит перед лицом других копьеносящих правителей послание, приносящее триумф его повелителю.

684. Ясное разумение, пленяющая внешность, проникновенное знание,— пусть обладающий в полной мере этими дарами будет удостоен нести послание.

685. Истинный посланник тот, кто говорит сжато, избегает резкостей, умеет пошутить и тем самым добивается нужного блага.

686. Истинный посланник тот, кто постиг знание, не ведает страха перед взглядом врагов, умеет сказать вразумительное слово и сердцем узнаёт, чего требует минута.

687. Высший среди посланников — кто, сознавая свой долг, выждав нужное время и зная удобное место, по глубоком размышлении передает послание.

688. Чистота души, способность во всякую минуту прийти на помощь, решительность,— обладание в совершенстве этими тремя дарами составляет достоинства посланника.

689. Наделенный мужеством, чьи уста не обронят оскорбительных слов, достоин передать другим правителям послание своего владыки.

690. Подлинный посланник, даже если ему грозит смерть, не страшась стремится принести триумф своему повелителю.

691. Приближенные к особе вспылчивого властелина пусть уподобятся тем, кто, желая согреться у огня, не приближается к нему чрезмерно близко и не отдаляется слишком далеко.

692. Нежелание того, чего жаждут правители, дарует рукой самого правителя непреходящие сокровища.

693. Если приближенные желают уберечь себя, пусть остерегаются свершения тяжких прегрешений. Ибо, заронив сомнение, едва ли кто сможет обелить себя в глазах высшего.

694. Перед взором могучего повелителя надлежит держать себя так, чтобы не нашептывать на ухо соседу и не усмехаться в лицо повелителю.

695. Не стремись ни подслушивать каких-либо тайн правителя, ни доискиваться до них. Выслушивай секреты, лишь когда они поверяются тебе.

696. Зная сокровенные мысли правителя и считаясь со временем, надлежит в приятной манере говорить о том, что нравится властелину, и избегать рассуждений о вызывающем у него неприязнь.

697. Говори повелителю лишь приятное ему, но никогда не отвержай уст своих для слов, лишенных пользы деяний, даже если тебя понуждают к тому.

698. Надлежит держать себя в неослабном почитании правителя, не снисходя до слов: «Он молод в сравнении со мной», «Он мне кровный родич».

699. Наделенные непоколебимой ясностью взора и духа не свершат недостойных поступков, уповая на свою близость к властелину.

700. Показное великолепие того, кто свершает недостойные деяния, уповая на давнюю близость к правителю, навлечет на него гибель.

Глава 71. О ПОНИМАНИИ С ОДНОГО ВЗГЛЯДА

701. Умеющие понимать мысли другого с одного взгляда, без единого оброненного слова, во все времена будут украшением мира, окруженного неистощимыми водами.

702. Умеющего безошибочно с одного взгляда понять сокровенные мысли другого должно поставить вровень с бессмертными богами.

703. Пусть повелитель примет на службу умеющего с одного взгляда читать сокровенное в сердцах других, даже если бы ему пришлось заплатить за него любой частью своего тела.

704. Способные понимать намерения других, даже если они и не высказываются, лишь обликом своим схожи с другими людьми, но сутью совершенно отличны.

705. Каков прок от глаз среди прочих органов чувств, если их взгляд не умеет различать сокровенное в сердцах других?

706. Как зеркало отражает находящееся перед ним, так лицо отражает чувства, переполняющие сердце.

707. Что может выражать сокровенное полнее, чем лицо? Оно расскажет первое, ликованьем или гневом буруеваема душа.

708. Тому, кто способен проникать мыслью в сердце другого и угадывать сокровенное, достаточно взглянуть лишь в его лицо.

709. Если на службе у властелина состоят способные угадывать различные выражения взгляда, то глаза поданных расскажут, сокрыты ли в их сердцах злоба или дружелюбие.

710. Когда пытаешься понять, что отличает считающих себя способными угадывать сокровенное, знай: это не что другое, как ясновидящие глаза.

Глава 72. ОБ УМЕНИИ ДЕРЖАТЬ СЕБЯ В СОБРАНИИ

711. Пусть наделенные чистым разумением, познавшие могущество слова произносят речь, глубоко постигши достоинства слушателей.

712. Пусть обладающие добродетелями, многоопытные в искусстве владения словом начинают речь, выждав удобное время и хорошо узнав собрание.

713. Тот, кто дерзает начать речь, не познав слушающих его, не ведает могущества слова. И тот не горазд говорить речь.

714. Пусть просветленный разумением говорит слово перед излучающим свет мудрости, но перед обладателем бледного ума пусть обретет невинную простоту, подобную белизне извести.

715. Скромность, не позволяющая рваться со словом вперед других в собрании мудрых старцев, — высшее достоинство среди признанных добродетелей.

716. Молвить неуместное слово перед постигшими безбрежную мудрость — все равно что поскользнуться и сойти со стези дхармы.

717. Ученость мудрых и много познавших излучает свет в собрании умеющих без упущения постигать разумное слово.

718. Держать речь перед наделенными ясным разумением — то же, что орошать водой поля с зеленеющими всходами.

719. Умеющие говорить вразумляюще в собрании мудрых пусть не отверзают уст среди глупцов даже в забывчивости.

720. Изрекать слово в собрании чуждых способности понять тебя — то же, что лить амброзию в сточную канаву.

Глава 73. О БЕССТРАШИИ ПЕРЕД СЛУШАЮЩИМИ ТЕБЯ

721. Наделенные ясным разумом и постигшие богатство слова умеют познать склонности слушающих и не запнутся в речи перед высоким собранием.

722. Разумно толкующие о постигнутом ими перед наделенными ученостью почитаются учеными среди учений.

723. Многие, не ведая страха, готовы умереть в окружении врагов, но лишь редкие не робеют перед высоким собранием.

724. Вразумительно толкуй перед многомудрыми о постигнутом тобою и сколь можно больше заимствуй от мудрых, превзошедших тебя в познаниях.

725. Исполдволь постигай искусство убеждать, дабы, не ведая страха, дать умелый ответ в собрании многомудрых.

726. Чуждым бесстрашия какой прок от меча? Боящимся сказать слово в собрании глубокомудрых какая польза от ученых книг?

727. Книжная мудрость, постигнутая боящимся сказать слово в высоком собрании, — то же самое, что сверкающий меч в руках женоподобного евнуха, оказавшегося в гуще врагов.

728. Воистину нет пользы от тех, что не могут произнести слово красноречиво и вразумляюще в собрании многомудрых, пусть даже они и познали ученость.

729. Мудрые изрекли так: много познавшие, но страшась слова в собрании многомудрых — последние среди невежд.

730. Те, что в робости перед внимающими не могут вразумительным словом поведать о постигнутом, стоят вровень с мертвыми, даром их и называют живыми.

Глава 74. О СТРАНЕ

731. Истинная страна та, что дает неизменно обильный урожай, где живут наделенные добродетелями и обладающие неистощимыми богатствами.

732. Истинная страна пробуждает любовь своими несметными богатствами и приносит обильный урожай, не ведая губительных бедствий.

733. Истинная страна та, где народ с терпением переносит бедствия, даже если они и хлынут на него лавиной, и полностью платит подать справедливому властителю.

734. Достойная страна — что не знает сеющего смерть голода, повальных болезней и губительных набегов супостата.

735. Истинная страна чужда дроблению на сонм земель, не знает несущей опустошение междоусобной вражды и жестокости убийств, устрашающих самого правителя.

736. Мудрые изрекли: лучшая из стран та, что не знает разорения от врагов и где не иссякает плодородие земли, даже если обрушивается бедствие.

737. Стране надлежит обиловать родниками и добрыми дождями, горными водами, удобно расходящимися хребтами и могучими крепостями.

738. Подлинно великая страна, изрекли мудрые, наделена вот этими пятью дарами: богатством, плодородием земли, отсутствием болезней, благоденствием народа и надежной защитой от всяких разорений.

739. Истинная страна, изрекли мудрые, приносит обильные урожаи и без тяжких усилий, и не великая страна та, что дает урожай лишь после тяжкого труда.

740. Пусть даже и наделена страна всеми этими щедротами, они не принесут никаких благ, если она лишена царской власти.

Глава 75. О КРЕПОСТИ

741. Крепость нужна и совершающим нападение, и обороняющим себя от врагов.

742. Крепости надлежит иметь прозрачно чистую воду, открытую равнину, окружение гор и джунгли с исцеляющей тенью.

743. Ученая мудрость глаголет, что стены подлинной крепости должны иметь вот эти четыре преимущества: высота, толщина, прочность и неприступность.

•744. Крепость, хоть и является небольшим оплотом на большой территории, подрывает мужество могучего врага.

745. Сильная крепость — та, которую едва ли можно захватить и которая, сохраняя обильные запасы, облегчает положение находящихся в ней.

746. Истинная крепость, располагая всем нужным для защиты, должна иметь героев, готовых оборонить ее в трудный час.

747. Могучая крепость — та, которую невозможно взять ни осадой, ни внезапным нападением, ни тайным подкопом.

748. Крепость сильна обороняющимися в ней, что могут не только выдерживать осаду, но и разорвать цепкие объятия осаждающего врага.

749. Крепость величественна тем, что враги терпят поражение даже в самом бурном своем порыве и находящиеся в ней добиваются триумфа в усилиях защитить себя.

750. Даже если крепость обладает всеми вышереченными достоинствами, она не может принести никакой пользы своим защитникам, если они лишены величия мужества и воинственности.

Глава 76. О ПРИОБРЕТЕНИИ БОГАТСТВА

751. Нет в мире ничего другого, кроме богатства, что заставляет считать значительными людей, лишенных значительности.

752. Как все обливают презрением нищих, так все воздают хвалу богатым.

753. Неугасимый свет богатства проникает в любой уголок, куда пожелает его обладатель, и рассеивает любую тьму.

754. Богатство, обретенное на стезе праведности без сотворения зла, принесет достижение дхармы.

755. Не должно прикасаться к богатству, что пришло, не ведая ни милосердия, ни любви. Оставь его. Пусть оно катится само по себе.

756. Богатство властелина составляют выморочные владения, собираемые подати и то, что достается в победе над врагом.

757. Дитя, порожденное любовью и названное милосердием, взращивается щедрой нянькой, зовущейся богатством.

758. Свершающий деяния, имея в своих руках богатство, не ведает опасений — он подобен человеку, что взирает на битву слонов, взобравшись на высокий холм.

759. Накапливай богатство. В мире нет ничего острее этого меча, что подрезает спесь твоих недругов.

760. Тому, кто в обилии обретает лучезарное богатство, без труда достаются оба других сокровища: дхарма и любовь.

Глава 77. О ВЕЛИЧИИ ВОИНСТВА

761. Победоносное войско, сплоченное в рядах и не боящееся опасности, — это высшее богатство среди всех богатств властителя.

762. Мужество, отсутствие страха перед врагом, даже после поражения и потери силы, присущи только лишь потомственному войску.

763. Чем может угрожать враждебность полчищ крыс, сияющих уподобить свой писк реву моря? Стоит лишь кобре громко дохнуть, как воинственность крыс немедленно угасает.

764. Истинное войско то, что славно своим бесстрашием, прошедшим поколения, не ведает поражений и не знает малодушной убыли в своих рядах.

765. Истинное воинство — могучая сила, что, сомкнув ряды, будет биться против врага, даже если сам расвирипевший Яма двинет одну лавину смерти за другой.

766. Доблесть, высокая честь, славный ряд подвигов, идущих через поколения, непреклонность, на которую можно положиться, — только эти четыре достоинства составляют стражу воинства.

767. Подлинное воинство, уверенное в своей победе в сражении, рвется в первых рядах сразиться с напавшим врагом.

768. Даже если войску недостает мощи и порыва сокрушить врага, оно все равно одержит победу при слаженности и повиновении его рядов.

769. Войско побеждает, если оно не знает убыли в своих рядах, не ослаблено недостойной воинства неприязнью к властвующим и не терпит нужды.

770. Даже если войско состоит из множества старых отважных воинов, оно не знает побед, если во главе его не стоят многоопытные начальники.

Глава 78. О ГОРДОСТИ ВОИНА

771. О недруги! Не дерзайте вступать в единоборство с моим предводителем! Многие из дерзнувших противостоят ему стоят теперь окаменелые.

772. Отважно брошенный в слона дротик, даже и не попавший в цель, приносит больше славы, чем стрела, пронзившая лесного кролика.

773. Мудрые изрекли: высшая доблесть — мужественное упорство в битве, но еще сильнее сокрушает меч

благородного радушия к поверженному в сражении врагу.

774. Воин, метнувший копье в слона врагов, смеется, вырывая дротик, пронзивший его собственное тело, чтобы метнуть в другого.

775. Не поражение ли для храброго воина, если он всего лишь моргнет при виде дротика, брошенного прямо в бесстрашно раскрытые глаза?

776. День, когда не пришлось страдать от глубокой раны, полученной в пылу сражения, храбрый воин присоединит к числу прошедших без всякой пользы.

777. Воинам, что не жалеют жизни в желанье обрести славу, облетающую землю, истинную утеху приносят их ножные браслеты.

778. Отважные воины, что не страшатся за свою жизнь в пылу сражения, не ослабят своего могущественного рвения к славе, даже если повелитель выражает недовольство риском дерзновения.

779. Кто отважится упрекнуть в поражении тех, что пали в битве, не нарушив клятвы доблести?

780. Если воин погибает, исторгая слезы из глаз своего властелина, такую смерть стоит даже униженно вымаливать.

Глава 79. О ДРУЖБЕ

781. Что труднее обрести, чем дружбу? И что есть более надежный щит для добрых деяний в сравнении с дружбой?

782. Дружба наделенных добродетелью возрастает подобно народившейся луне, но дружба глупцов убывает подобно ущербной луне.

783. Дружба в общении с достойными растет с каждой встречей, как мудрость древних вед — с каждым чтением.

784. Не для улыбчивого веселья создана дружба, но для сурового предостережения друга, увлекшегося недозволенным.

785. Дружба не нуждается ни в совместном житии, ни в частом общении. Лишь согласное ощущение жизни приносит крепость узам, называемым дружбой.

786. Дружба — не взаимное общение с улыбочным лицом; истинная дружба — это прилив доброжелательности, ликующей в глубине сердца.

787. Уводя от всего гибельного и направляя на стезю добра, истинная дружба поровну делится страданиями во времена тяжких невзгод.

*788. Рука незаметно для себя подхватывает дхоти, вот-вот готовые упасть с бедер; так же дружба — едва нагрянет бедствие, тотчас поддерживает.

789. Если спросят, где восседает дружба, знай: в твердости доброжелательства, без всяких колебаний и любыми возможными путями приходящего на помощь.

790. Низкой наречется та дружба, что бахвалится словами: «Мы с ним сродни», «Он нам близок».

Глава 80. О ВЫБОРЕ ДРУЗЕЙ

791. Нет большего зла, чем вступать в дружбу без испытания достоинств другого, ибо умеющие дорожить дружбой уже не могут от него отмахнуться.

792. Дружба сближающегося без осмотрительности и испытания принесет душевные горести, которые в исходе явятся причиной его гибели.

793. Заводи дружбу, узнав наперед, добродетелен ли человек, достойной ли он семьи, какими наделен пороками и способен ли неослабно поддерживать дружбу.

794. Даже и жертвуя, должно принимать дружбу рожденного в достойной семье и рдеющего от стыда при мысли, что он заслуживает укора.

795. По испытании должно заводить дружбу с умеющим говорить словами, вызывающими слезы, со способным упрекнуть за свершение недозволенного и указать верные пути жизни.

796. Крепость дружбы, сохраняющаяся даже в дни, когда обрушивается на тебя бедствие, — вот мерило, которым надлежит оценивать твоих друзей.

797. Отступить и отойти от дружбы с глупцами есть истинное приобретение для каждого.

798. Выбрось из сердца причиняющее терзания душе и не заводи вновь дружбы с покинувшими тебя в трясине страданий.

799. Мысль о дружественной близости с оставившими тебя посреди горьких страданий будет жечь твое сердце огнем, даже если ты вспомнишь о том в твой смертный час.

800. Наслаждайся и радуйся дружбой людей непогрешных, но сторонись и беги близости с лишенными добродетели, даже если придется жертвовать многим.

Глава 81. О ДАВНЕЙ ПРИВЯЗАННОСТИ

801. Если спросят, что такое давняя привязанность, так знай: это дружба, которая ни на йоту не притесняет свободы друга.

802. Хребет дружбы — добрая воля и свобода привязанности, и святой долг мудрых доброжелательно взирать на такую привязанность.

803. Что пользы в старой привязанности, если она не позволяет другу поступать в согласии с его доброй волей?

804. Если свершают поступок, не испросив на то согласия друзей, они из чувства благожелательности будут с сочувствием взирать на свершенное.

805. Если друзья свершают поступки, вызывающие боль, надлежит понять, что это свершено не только по незнанию, но и из чувства большой близости к тебе.

806. Стойкие в самоограничении не отрекутся от связанных с ними узами старой дружбы, хотя бы это и угрожало им гибелью.

807. Верные старинной привязанности, что взошли на стезю любви, не отрешатся в сердце своем от любви, хотя бы друзья совершили деяния, несущие им гибель.

*808. Преданный старой дружбе не слышит слов о проступках своего друга, и тот день, когда друг совершает проступок, становится днем радости.

809. Мир не оставит, но возжелает близости со способными крепко держаться привязанности и идущими путем нерушимой дружбы.

810. Даже неблагожелательные враги воспылают любовью к тем, кто не расстанется со старыми друзьями.

Глава 82. О ДРУЖБЕ, ПРИНОСЯЩЕЙ ЗЛО

811. Дружба с чуждыми добродетели, пусть даже и готовыми поглотить тебя в избытке любви, приносит большую отраду, когда идет на убыль, нежели разрастается.

812. Есть ли разница, приобретаешь ли ты или теряешь дружбу тех несравненных людей, что в добрые времена сближаются с тобой, а в дни лишений оставляют тебя одного.

813. Друзья, взвешивающие сулимым дружбой прибыток, продажные блудницы и грабители — одно и то же.

814. Одиночество желаннее дружбы с теми, что подобны необъезженному коню, сбрасывающему всадника в гуще жестокой битвы.

815. Лучше лишиться жалкой дружбы тех малодушных, что, сблизившись с тобою во времена благоденствия, не поддерживают тебя в дни бедствий.

816. Враждебность обладающих мудростью в десять миллионов раз предпочтительнее неразлучной дружбы с глупцами.

817. В сотни миллионов раз ненависть врага предпочтительнее дружбы людей, улыбающихся тебе, но в глубине сердца равнодушных.

818. Пусть постепенно и без всяких слов оставлена будет дружба с теми, что притворяются неспособными свершить вполне посильное для них дело.

819. Дружба с людьми, у которых слово — одно, а дело — совсем другое, увы, вызывает горечь даже во сне.

820. Избегай малейшего общения с любезными с тобой наедине, но возводящими на тебя клевету перед собранием многих.

Глава 83. О ЛИЦЕМЕРНОЙ ДРУЖБЕ

821. Дружба с питающими неприязнь в сердце, но в обращении притворно любвеобильными служит наковальней для удара молотком по тебе, когда представится удобный случай.

822. Дружба чуждых любви, но притворяющихся полными любви непостоянна как сердце женщины.

823. Едва ли низкие и недостойные станут благородными душой, даже если познают сонм добрых истин.

824. Должно страшиться обманщика, питающего в сердце неприязнь, но лицом расплывающегося в сладкой улыбке.

825. Нельзя доверяться лживым друзьям, душа которых отвращена от любви к тебе, какие бы слова они и изрекали.

826. В малое время будут поняты речи врагов, даже если они говорят приятные слова, прикидываясь твоими друзьями.

827. Когда сгибают лук, он приносит несчастье, и поэтому не принимай на веру согбенную покорность твоих врагов, что видна лишь в их словах.

828. Слезы твоих врагов так же достойны веры, как руки, сложенные для приветствия, но скрывающие кинжал.

829. С приветливой шуткой задуши в объятиях дружки привязанность к тем лживым друзьям, чье лицо обильно любовью, но сердце ненавидит тебя.

830. Когда враги прикидываются твоими друзьями, пусть лицо твое выказывает расположение, но сердце избегает привязанности.

Глава 84. О ГЛУПОСТИ

831. Глупость — нечто необычное. Если спросят, что она такое, так ведай: она заключает в объятия несущее убыток и бросает на произвол приносящее пользу.

832. Величайшая глупость из всех глупостей — желать в ущерб самому себе свершения недостойных тебя поступков.

833. Глупость отличается незнанием стыда, отсутствием пытливости, чужда мягкосердечия и ни о чем на свете не печется.

834. Нет большего глупца в сравнении с прочитавшим древние веда, что, постигнув их смысл и уча мудрости других, не в силах обуздать своих дурных страстей.

835. Глупость своими деяниями в этом рождении творит ад, в котором пребудет во всех семи рождениях.

836. Если решается на деяние глупец, которому не ведомо умение свершать, разве он всего лишь терпит неудачу? Он надевает на себя оковы, мешающие ему двигаться.

837. Если глупцу достаются несметные богатства, те враги блистательно пиршествуют, а близкие умирают от голода.

*838. Если в руки глупца приходит богатство, он подобен поврежденному уму, который к тому же напился хмельного тодди.

839. Дружба с глупцами несет в себе великую отраду: ибо, расставшись с ними, ты не чувствуешь ничего такого, что приносило бы тебе страдания.

840. Глупцу появиться в собрании мудрых — то же самое, что лечь в постель с немытыми ногами.

Глава 85. О ДЕРЗОСТИ НЕВЕЖЕСТВА

841. Невежество — самая жуткая нищета из нищеты, и мир не считает истинной нищетой никакую другую.

842. Радость невежды, свершающего даяние, не что другое, как плод воздержания принимающего дар.

843. Едва ли даже враги горазды сотворить то зло, что причиняют себе глупцы, чуждые знаний.

844. Если спросят, что называется пустотою ума, ведай: то тщеславная гордыня, которая бахвалится: «Мы обладаем светлой мудростью».

845. Притворство стремящегося показать, что ему ведомо в самом деле неизвестное ему, заставит сомневаться даже в том знании, которое он постиг безупречно.

846. Если невежество глупости не может спрятать от других своего порока, то стоит ли ему прикрывать свою наготу?

847. Невежда, открывающий другим редкую тайну, навлекает на себя великие бедствия.

848. Кто не следует совету и не знает, где истинная

правда, будет страдать от мук, покуда его душа не покинет тело.

849. Пытающийся открыть глаза ничего не видящему невежде сам невежда, ибо невежда видит лишь так, как он увидел своими глазами.

850. Считающий ничем признаваемое существующим всеми людьми будет считаться злым духом на земле.

Глава 86. О ВРАЖДЕБНОСТИ

851. Мудрые изрекли, что дух враждебности есть язва, порождающая во всех живых созданиях порок разлада с другими.

852. Даже если другие, воспылав ненавистью, причинили тебе боль, высший закон мудрых — не замышлять враждебного и не чинить злой мести.

853. Тому, кто избавится от болезненного недуга, называемого духом враждебности, это принесет неистребимый и неугасимый светоч славы.

854. Если умрет величайшее несчастье среди несчастий, называемое духом враждебности, это породит величайшую радость среди всех радостей.

855. Можно ли победить того, кто способен подавить ошестинившуюся враждебность и не внимать ей?

856. Жизнь говорящего, что верх враждебности отраден, совсем неподалеку от неудач и гибели.

857. Наделенные порочным знанием, устремляющимся в лоно враждебности, не увидят сущей всеодолевающей истины.

858. Благоденствие приходит, когда покоришь враждебность и действуешь ей вопреки. Но если кто берется соперничать с враждебностью, тот приближает свою гибель.

859. Во времена благоденствия не питают духа враждебности; погружаются в ее лоно, дабы приблизить свою гибель.

860. Все страдания порождаются враждебностью, а гордая радость доброго расположения возникает благодаря приветливой доброжелательности.

Глава 87. О БЛАГЕ ВРАЖДЕБНОСТИ

861. Избегай противоборствовать сильному, но обрати ненависть к слабейшему врагу, не сумевшему избежать встречи с тобой.

862. Как чуждый любви к близким, лишенный твердой опоры дружества и не сознающий силы в себе может взять верх над мощью своих врагов?

863. Малодушный и лишенный знаний, живущий в разладе с людьми и чуждый щедрости легко обуреваем ненавистью.

864. Не стремящийся избавиться от злобы и неспособный хранить тайны станет легкой жертвой в любое время во всяком месте любому врагу.

865. Отраден для врага тот властитель, что не ищет праведной стези, не свершает должного быть сделанным, что не стыдится своих пороков и чужд истинного величия.

866. Ненависть пышно расцветает в том, кто обуреваем ничем не различающей злобой и одержим великим вождением.

867. Даже ценой многих жертв надлежит покорить ненависть и расположить к себе свершающего недостойные поступки.

868. Если правитель лишен достоинства, но обладает многими пороками, он остается без близких и радость охватит его врагов.

869. Бесконечное наслаждение испытывает враг, если в единоборство с ним вступают полные ненависти, чуждые знаний и малодушные.

870. Свет славы никогда не озарит того властелина, который не может одержать легкой победы над своим невежественным врагом, вызвав в нем злобу.

Глава 88. О ПОСТИЖЕНИИ ПРИРОДЫ НЕНАВИСТИ

871. Не возжелай и шутки ради недостойного чувства, нареченного ненавистью.

872. Ты можешь быть обуреваем ненавистью к

вспахивающим лемехом стрелометного лука, но не искушай враждою вспахивающих лемехом слова.

873. Одиноким и охваченным лютой враждою ко множеству людей гораздо более убог разумением, чем шальной безумец.

874. Мир почиет на лоне величия обладающего достоинством свершать деяния, превращая вражду во дружество.

875. Если ты лишен друзей и видишь против себя двух врагов, то одного из них сделай своим близким союзником.

876. Решил ли ты примириться с врагом или враждовать, оставь его в покое в трудные дни, не сближаясь с ним и не удаляясь от него.

877. Не изливай боли не познавшему страданий. Не обнажай твоих скрытых слабостей перед твоим открытым врагом.

878. Если ты знаешь свой путь, свершаешь должное быть свершенным и оберегаешь себя от зла, злобная радость врагов превратится в прах.

879. Подрубай дерево, усеянное терниями, пока оно молодо. Когда оно созреет и окрепнет, то само вырвет руку покусившегося срубить его.

880. Кто не в силах сокрушить спесь ненавидящих его врагов, хотя и дышит, вовсе не живет.

Глава 89. О ВРАГЕ ВНУТРИ СТАНА

881. Даже тень и влага, если вызывают боль, неприятны; так свои же близкие, учинившие злонамеренные козни, вызывают неприязнь.

882. Не страшись врагов, открытых как меч, но остерегайся тех врагов, что ходят в обличье твоих друзей.

883. Остерегайся супостата внутри стана. Он без сомнения зарежет тебя при роковом падении вернее, чем режет глину нож гончара.

884. Если в твоем стане обнаружится тайное предательство, мутящее рассудок, оно обрушит на твою голову тьму горьких бед, обрекши на гибель твоих друзей.

885. Если затаенная вражда поднимается в твоих близких, она обрушит на твою голову тьму горьких бед, став причиной твоей гибели.

886. Если скрытая вражда зарождается среди твоих приближенных, едва ли в такие времена можно спастись от гибели.

887. Семейство, где зародилась затаенная вражда, не знает сплоченности, хотя с виду оно и может казаться неразделимым, как шкатулка с крышкой.

888. Семейство, где зародилась затаенная вражда, теряет могущество и превращается в пыль, подобно железу, истачиваемому напильником.

889. Гибельный рок обитает в затаенной вражде, даже если она и мала, точно долька сезама.

890. Совместное житие с чуждым душевного расположения к тебе подобно обитанию в одной хижине с коброй.

Глава 90. О НЕОСКОРБЛЕНИИ ПОВЕЛИТЕЛЯ

891. Высшею из всех забот заботящегося о себе есть неоскорбление могущества всемогущего властелина.

892. Если ты поступаешь, не уважая могущественного повелителя, на тебя будут ниспосланы самим властелином неотвратимые горести.

893. Если ты желаешь собственной гибели, то не внимай наказу мудрых и прогневи своим оскорбительным неуважением властелина, что может сокрушать в согласии со своим желанием.

894. Если бессильный свершает оскорбительные для всемогущего властелина деяния, то он словно своею же рукою призывает бога смерти.

895. Прогневавшие наделенного грозным могуществом властелина, куда бы они ни пошли, нигде не смогут жить, наслаждаясь покоем.

896. Даже если ты обожжен пламенем огня, спасение придет к тебе, но не уцелеют те, что поступают, оскорбляя властного повелителя.

897. Что пользы в величественной жизни и несметном богатстве властелина, вызывающего гнев мудрых, удостоенных высокой святости?

898. На земле превратятся в прах вместе со всем своим родом кажущиеся обретшими прочность, если они непочтительны к властелину, могущественному, как гора.

899. Если следующий возвышенным законам впадет в ярость, то даже могучий властелин смертельно содрогнется в этот час и потеряет свой скипетр.

900. Если ярость охватывает обладающего благородством, обретшего величие добродетели, то не уцелеют даже имеющие безмерно великое покровительство.

Глава 91. О НЕПОТВОРСТВЕ ПРИХОТЯМ ЖЕНЫ

901. Обуреваемые вожделием к своим женам не обретут величия. Это та самая слабость, которой не пожелают жаждущие свершить великие деяния.

902. Благоденствие пылающего вожделием к жене и не пекущегося о своем долге станет постыдным в глазах мудрых и навлечет позор.

903. Незнание мужского величия, покорное прихотям жены, во все времена навлечет презрение добродетельных мудрецов.

904. Не помышляющий об освобождении души и трепещущий перед своей женой не обретет славы величием своих деяний.

905. Трепещущий перед своей женой поистине никогда не свершит добрых деяний на благо добродетельным мудрецам.

906. Недостойны величия, даже если и ведут жизнь небожителей, охватываемые восторженным трепетом при виде бамбуково-нежных рук своей жены.

907. Женщина, наделенная робкой стыдливостью, заслуживает большей славы, чем тот мужчина, который в поведении своем следует велениям жены.

908. Поступающие по прихоти красавицы жены не придут на помощь друзьям в тяжкий день и не свершат добрых деяний.

909. Те чужды и деяниям дхармы, и благам обретен-

ного богатства, и дарам возликовавшей любви, кто поступает по велению своих жен.

910. Глупое безрассудство потакания капризам жен никогда не отыскать в людях удачи, с добрым сердцем и устремленным ввысь умом.

Глава 92. О БЛУДНИЦАХ

911. Погибель несут сладкие речи блудниц, украшенных тонкими браслетами, не помышляющих о любви, но жаждущих корысти.

912. Познай и не прикасайся, постигши истинную их сущность, к женщинам, чуждым добродетели; но говорящим возвышенные слова в стремлении к наживе.

913. Лживые обаяния жадных до корысти продажных женщин подобны обаяниям трупа в темной комнате.

914. Обладающие мудростью и ищущие высшего блага не станут наслаждаться грязными обаяниями женщин, превыше всего почитающих корысть.

915. Обладающие знанием и возвысившиеся добродетелью мудрости не будут упиваться грязными обаяниями женщин, дарующих наслаждение всякому.

916. Мудрые, что стремятся одарить всех благом своей добродетели, не станут упиваться нежными округлостями рук тех женщин, что, напоказ выставляя свои чары, дарят каждому грязное наслаждение.

917. Чуждые полноты чувств с наслаждением обнимают тех низких женщин, что, даже будучи в объятиях, сердцем нежны с другим.

918. Мудрые изрекли, что объятия ветреных распутниц кажутся вершиной блаженства лишь чуждым про никновенной мудрости.

919. Нежные объятия продажной распутницы, разукрашенной жемчугом, — невыносимый ад, в котором погрязают ничтожные души, чуждые величия.

920. Развратницы с раздвоенным умом, вино и игральные кости — вот привязанности покинутых богинею удачи.

Глава 93. О НЕПРИСТРАСТИИ К ВИНУ

921. Живущие с постоянным пристрастием к вину не будут внушать страха своим врагам и растеряют прежде обретенную славу.

922. Пусть никто не пьет вина! И если уж желают пить, пусть пьют чуждые жажды быть восхваленными мудрыми.

923. Захмелевший внушает отвращение даже родившей его матери. Какие же чувства возбудит он, стоя перед лицом мудрого?

924. Прекрасная богиня, по имени Стыдливость, убежит прочь от обладающих презренным и величайшим пороком лянства.

925. Воистину не понимает своих поступков отдающий деньги и обретающий взамен бесчувственную окаменелость тела.

926. Пьющие хмельное вино беспрестанно пьют яд. Погруженные в бесчувственный сон, они ничем не разнятся от мертвецов.

927. Непрестанно украдкой пьющие вино и утопающие в хмеле бесчувственного оцепенения раскроют свои тайны и будут осмеяны в селении.

928. Пусть пьющий вино не говорит о том, что ему не ведом порок пьянства. Ибо тотчас же выйдет наружу сокрытое в его сердце.

929. Увещевать хмельного — все равно что пытаться отыскать под водою утопшего, держа в руке горящий факел.

930. Неужели не думает о глупости пристрастия к вину отрезвевший, что видит другого погруженным в безумие пьянства?

Глава 94. ОБ ИГРЕ В КОСТИ

931. Не желай играть в кости, хотя бы тебе и везло: ибо даже удача подобна железному крючку уды, который заглатывает рыба.

932. Любящим азарт, выигрывающим однажды и проигрывающим сотни раз разве возможен путь добра и благой жизни?

933. Если ты непрестанно занят бросанием костей, богатство и доходы покинут тебя и перейдут к другому.

934. Ничто не приносит большей нищеты, чем азартная игра, заставляющая свершать тьму низостей по отношению к друзьям и лишаящая доброго имени.

935. Ни с чем останутся пылавшие страстью к азартной игре, игорному дому и хвастающие умением бросать кости.

936. Прикрытые одеянием богини зла, которую зовут Азартною Игрою, не познают утоленья голода и будут терзаемы всеми страданиями.

937. Если ты с раннего утраходишь в игорный дом, погибнет твое потомственное богатство и доброе имя.

938. Азарт низвергнет богатство, навлечет ложные клятвы, погубит милосердие и истерзает множеством страданий.

939. Если ты отдаешься азарту игральных костей, то станут недоступны тебе все пять благ: доброе имя, знание мудрости, богатство, яства и одеяния.

940. Каждый раз, когда играющий терпит неудачу, он еще больше тянется к игре, точно так же как душа любит тело еще больше всякий раз, когда оно испытывает страдания.

Глава 95. О ВРАЧЕВАНИИ

*941. Три стихии тела, начиная с газов, описанные Аюрведой, вызывают недуг, появляются ли они в обилии или в скудости.

942. Телу не надобны никакие снадобья, если ты приступаешь к еде, убедившись, что прежде съеденное усвоено.

943. Вкушай, ведая меру, после того как прежде съеденное усвоено. Именно это есть надежный путь для обладающего телом пронести его долгое время.

944. Уверившись совершенно, что прежде съеденное тобою переварено, и почувствовав голод, кушай не вызывающее у тебя отвращения.

945. Если вкушать не вызывающую отвращения пищу, отвергая противную тебе, никакая напасть не коснется живого тела.

946. Подобно тому как чувство наслаждения испытывает вкушающий, ощутивший пустоту в животе, так боль постоянно присутствует в съедающем чрезмерно много.

947. Если не знаешь меру силы своего желудка и обильно ешь, то претерпишь боль без всякой меры.

948. Пусть лекарь лечит в согласии со своим искуством после определения недуга, выяснения истоков болезни и средств к уничтожению ее.

949. Пусть познавший древние трактаты об исцелении приступит к лечению, размыслив о состоянии подвергшегося болезни, о тягости недуга и об удобном для лечения времени.

950. Недужающий, врачующий, готовящий снадобья и подручный при врачевании — таковы четыре лица в болезни, и потому сама наука врачевания дает четыре ветви.

Глава 96. О ДОСТОЙНОМ РОЖДЕНИИ

951. Врожденная справедливость и чувство стыда не присущи никому другому, кроме как высокороденному.

952. Рожденные в благородной семье никогда не отступятся от трех достоинств: честного поведения, правдивости и стыдливости.

953. Происходящий из истинно благородной семьи, изрекши мудрые, наделен четырьмя достоинствами: открытой улыбкой, щедростью сердца, приятностью речи, неоскорбительной обходительностью.

954. Рожденные в благородной семье не свершат бесславных деяний, хотя бы им и даровали десять миллионов золотых монет, умноженные во много крат.

955. Хотя бы даже средства благотворительности оскудели, потомственный высокий род неразлучен с щедростью.

956. Желаящие жить в согласии с законом незапятнанного рода не приблизятся к порокам и не свершат деяний, чуждых благородства.

957. Порок рожденного в лоне благородной семьи по-

ражает взоры других, как темное пятно на лице яркой луны, взошедшей на небеса.

958. Если среди прекрасных достоинств человека отсутствует любовь к людям, то в истинности его высокого рождения будут сомневаться.

959. Сеянец указывает на плодородие земли, из которой он растет; точно так же о благородстве рода свидетельствует речь из уст рожденного в лоне благородной семьи.

960. Если ты жаждешь доброго имени, нужно обладать стыдливостью, и, если ты хочешь снискать похвалу за благородство семьи, желай быть обходительным со всяким.

Глава 97. О СОБСТВЕННОМ ДОСТОИНСТВЕ

961. Оставь мысль о поступках, наносящих ущерб твоему достоинству, даже если несвершение их грозит потерей жизни.

962. Жаждающие великого дара достоинства вместе со славой поистине не свершат бесславных деяний даже славы ради.

963. Учтивая обходительность надобна в дни процветания, и в дни уничижающих лишений надобно спокойное достоинство.

964. Если люди деяниями своими опускаются с высот своего достоинства, от них такая же польза, как от волоса, что падает с головы.

965. Даже величественные, словно гора, будут казаться крохотными, если они свершают низости, пусть даже и малые, как орешек кундри.

966. Раболепное житие за спиной оскорбляющих тебя не приносит славы и не возносит в мир небожителей. К чему же оно тогда?

967. О погибшем с достоинством молва говорит лучше, чем о живущем за спиной его оскорбителей.

968. Когда величавое достоинство души нисходит со своей высоты, то разве жизнь, оберегающая плоть, и вправду небесная амброзия?

969. Як не может жить, коль скоро он потеряет шерсть, подобно ему утрачивающие достоинство теряют жизнь.

970. Мир воздает хвалу и славу тем, что обладают достоинством и не могут жить в бесчестье.

Глава 98. О ВЕЛИЧИИ

971. Слава величия для всякого есть богатство, с которым он живет ради свершения больших деяний. Бесчестье для него возглашать: «Мы проживем и не имея славы».

972. Все люди одинаковы по своему рождению, но их величие разнится деяниями.

973. Лишены величия чуждые величия, будь они и высокого рождения. Лишены низости чуждые низости, будь они и низкого рождения.

974. Тот обладает величием, кто блюдет себя подобно женщине, хранящей чистоту.

975. Обладающий величием, стоя на стезе добра, свершает непостижимо трудные деяния, едва ли доступные другим.

976. В чувствах низких людей нельзя обнаружить желания, которое говорило бы: «Мы будем благоговеять и чтить обладающих величием».

977. Если само величие соизволит снизойти к чуждым достоинства, то их деяния превзойдут границы скромности.

978. Величие всегда бывает скромным, а низость, обольщаясь собою, превозносит самое себя.

979. Подлинное величие не ведает самообольщения, а низость взбирается и скачет верхом на коне тщеславного самомнения.

980. Благородное величие закрывает глаза на прегрешения других, тогда как низость с наслаждением возвещает о чужих пороках.

Глава 99. О МУДРОСТИ

981. Мудрые изрекли: для знающих свой долг и принимающих на себя обет стремления к совершенству — следовать всему хорошему есть долг.

982. Совершенство достоинств — истинное достоинство мудрых. Прочие совершенства, какими бы они ни были, не являются украшением мудрых.

983. Пять достоинств — любвеобилие, стыдливость, щедрость, благожелательность и правдивость — та твердая глыба, на которой покоится мудрость.

984. Отречение от жизни зиждется на добродетели несовершенства убийства, полнота мудрости — на добродетели неизречения слов о чужих пороках.

985. Смиренная почтительность — могущество обладающих могуществом. Это тот меч, которым мудрые превращают врагов в своих друзей.

986. Если спросят, что есть пробный камень святой мудрости, так ведай: это признавать свое уничтожение перед более низким в сравнении с тобой.

987. Какая польза от мудрости, если стремящийся обрести ее не свершает добрых деяний даже на благо причиняющих ему страдания?

988. Нищета не является бесчестьем для того, кто наделен даром мудрости.

*989. Называемые океаном мудрости не сменяют своей стези, даже если произойдет потрясение мира при смене юг.

990. Если уменьшится полнота добродетели в мудрых, то, увь, этот огромный мир не выдержит своего тяжкого бремени.

Глава 100. О ВЕЛИКОДУШИИ

991. Мудрые изрекли, что лишенный заносчивости без труда познает манеры благородной учтивости по отношению ко всем.

992. Любвеобилие и достойное происхождение — оба этих достоинства составляют добродетели благородной природы.

993. Телесное сходство еще не роднит людей; к подлинному родству приводит сходство разнообразных благородных достоинств.

994. Мир воздает хвалу благородству собирающих плоды своей врожденной склонности к добру и щедрости.

995. Презрение, выказанное даже шутки ради, приносит страдание. Для постигших величие души зримы лишь высокие достоинства даже в презирающих их врагах.

996. Мир существует лишь благодаря великодушным. Не будь их, увь, он исчез бы, превратившись в тлен.

997. Пусть ум их будет остр, как напильник, но они подобны лишь дереву, если чужды благородства обходительности.

998. Предел падения — быть невеликодушным даже к не знающим надлежащей цены дружбы и причиняющим тебе зло.

999. В глазах неспособных смеяться и ликовать посреди друзей необозримо громадный мир даже в яркий полдень погружен в зловещую тьму.

1000. Громадное богатство, доставшееся в руки чуждого великодушия, подвержено порче, подобно молоку, налитому в грязный горшок.

Глава 101. О БОГАТСТВЕ, ЧУЖДОМ ДОБРА

1001. Собравший огромное богатство, держащий его втуне и не наслаждающийся им — мертвец: нет пользы в суетном накоплении богатства.

1002. Думающий о том, что все приходит с богатством, и не дарующий щедрот получит низкое рождение вследствие слепого заблуждения скареды.

1003. Тягостное бремя для земли — рождение не жадущего славы скопидома.

1004. Что думает оставить после смерти скареда, нелюбимый ближними за жадность?

1005. Даже если богатство измеряется десятком миллионов, умноженным во много крат, его все-таки нет у нуждых щедрости и лишаящих себя наслаждений.

1006. Сплошную боль несет великое богатство, если его обладатель не наслаждается ничем и чужд великодушия к нуждающимся.

1007. Скрыга, обладающий богатством и не дарующий ничего бедным, подобен женщине, наделенной редкой красотой, но стареющей в одиночестве.

1008. Богатство скопидома, не любимого ближними за жадность, подобно дереву с ядовитыми плодами, что цветет посреди селения.

1009. В чужие руки перейдет великое богатство, что собиралось обладателем его без любви к соседу, в терзаниях и без размышлений о дхарме.

1010. Кратковременная нужда щедрого обладателя богатства, который стремится к славе, подобна безводности облака, что пролило дождь на землю и вскоре вновь насытит себя влагою.

Глава 102. О СКОМНОСТИ

1011. Истинная скромность стыдится деяний, недостойных мужчины. Все прочее — стыдливость добродетельных женщин с красивым лицом.

1012. Яства, одеяния, потомство не различны для всего людского рода — величие людей разнится по степени их скромности.

1013. Все живые души обитают во плоти, но истинное величие находит себе обитель в добродетели скромности.

1014. Разве богатство скромности не служит украшением мудрому? И если нет ее, то разве не тяжкий недуг надменность?

1015. Мир почитает себя пристанищем скромности тех людей добродетели, что стыдятся чужих пороков, точно своих собственных.

1016. Обретшие высокую душу, наверное, не пожелают жить в этом обширном мире без оберегающей их ограда скромности.

1017. Обладающие животворящей скромностью отрекутся от жизни ради сохранения достоинства скромности и не отрекутся от достоинства скромности даже ради сохранения жизни.

1018. Если ты не стыдишься вызывающего стыд у других, сама добродетель зардеется из-за тебя краскою стыда.

1019. Обречен на гибель твой род, если ты нерадив к своему долгу. Обречена на гибель твоя добродетельность, если тебе не споспешествует кроткая скромность.

1020. Движения лишенных в сердце стыда подобны ужимкам деревянных кукол, что оживают от подергивания нити.

Глава 103. О ДЕЯНИЯХ НА БЛАГО СЕМЬИ

1021. Нет большей чести для семьи того, кому величие не позволяет сидеть сложа руки.

1022. Благоденствует семья, где надолго и неразрывно соединены два достоинства: мужская решимость и зрелая мудрость.

1023. К тому, кто всеми помыслами стремится к благоденствию семьи, сам бог, запахнув одежды, приблизится и укажет путь.

1024. Исполненными сил не складывая рук трудиться ради благоденствия семьи процветание обретается без многотрудных размышлений.

1025. Весь мир окружит, как близкого родича, чуждого пороков и стремящегося облагодетельствовать семью.

1026. Отвага мужской добродетели — принять на себя заботу о благоденствии семьи, в которой ты рожден.

1027. Подобно тому как на поле битвы сильнейший удар принимает на себя самый бесстрашный воин, так и забота о благоденствии семьи падает на плечи самого выносливого.

1028. Заботящемуся о благоденствии семьи чуждо ожидание времени, удобного для деяний. Стоит ему поддаться лени или погрузиться в ложные мысли о собственном величии, семью ожидает гибель.

1029. Неужели поистине тело кормильца, оберегающего семью от пороков и напастей, есть вместилище для терзаний?

1030. Семья, лишенная добродетельного кормильца, с решимостью пекущегося о ее благоденствии, падет от губительного удара бедствий по самым ее корням.

Глава 104. О ЗЕМЛЕДЕЛИИ

1031. Чем бы ни занимались обитающие в этом мире, они не могут обойтись без плуга и идут за ним.

И потому земледелие, хотя и многотрудно, — высшее из всех занятий.

1032. Земледелие — чека в колеснице для обитающих в этом мире. Оно поддерживает всех тех, что не могут идти за плугом и принимаются за другие дела.

1033. Воистину живут лишь пашущие свое поле и питающиеся возвращенным ими. Все другие идут за их спиной и воздают им хвалу.

1034. Живущие трудом и милостью плуга увидят зонты других правителей под тенью зонта их собственного властелина.

1035. Живущим возвращенным своими же руками не суждено нищенствовать; они будут, не утаивая от других, щедро одаривать просящих.

1036. Если вспахивающие поле праздно сложат руки, то будут лишены опоры даже те, кто говорит: «Мы отреклись от мирской жизни».

1037. Если пригоршня пыли на вспахиваемом поле высохнет и станет в четверть прежнего, то не надобно уж и пригоршни коровьего помета.

1038. Класть в землю коровий навоз лучше, нежели вспахивать. И после прополки лучше оберегать посевы, нежели поливать их водой.

1039. Если хозяин поля сидит праздный дома и не выходит пахать, то земля помрачнеет и рассердится на него, словно жена, пребывающая у мужа в небрежении.

1040. Красавица, по имени Земля, осыплет насмешками праздно восседающего ленивца, что плачет: «Увы, я нищ».

Глава 105. О НУЖДЕ

1041. Если спросят, что горше нужды, так ведай: горше и мучительней нищеты только сама нужда.

1042. Несчастливая грешница, по имени Нужда, приходит, лишая благодати, как в нынешнем рождении, так и в будущем.

1043. Непреоборимые желания, идущие от нищеты, погубят разом и потомство, и славу.

1044. Даже потомков высокого рода нищета ставит в убогие условия, порождающие слова, приносящие позор.

1045. Под покровом несчастья, называемого нищетой, скрыта бездна бедствий и отречений.

1046. Не доходит до слуха людей смысл слов, идущих из уст нищих, даже если они изрекают проникновенную мудрость, постигнутую в самой жизни.

1047. На нищего, сошедшего со стези дхармы, сама родная мать будет взирать как на чужого.

1048. Неужели нищета, что едва не умертвила меня вчера, грянет и сегодня?

1049. Можно уснуть даже в окружении жаркого огня, но едва ли хоть на миг смежишь очи посреди нужды.

1050. Не знающий наслаждений нищий, что не отрывается совершенно от земной жизни, — не кто другой, как бог смерти для чужой соли и рисовой похлебки.

Глава 106. О ВЫМАЛИВАНИИ ПОДАЯНИЯ

1051. Проси, когда видишь способного подать милостыню. И если они притворяются неспособными к даянию, это уж их порок, а не твой.

1052. Просьба о подаении приносит просящему счастливую радость, если выпрашиваемое приходит, не причиняя страданий.

1053. На редкость приятное чувство — просить милостыню у знающих свой долг щедрости и обладающих сердцем, чуждым стремления утаить и не свершить даяния.

1054. Просить о подаении — это то же, что и давать, если просишь милостыню у не помышляющих об отказе даже во сне.

1055. Стоящие перед другими и упрашивающие о подаении потому принимают на себя такой обет, что в этом мире обитают люди, чуждые жестокосердия в даянии.

1056. Стоит увидеть чуждых терзаний жестокосердия при даянии, как гибнут разом все страдания нищеты.

1057. Стоит увидеть щедро дающего без унижений и укоризн, как в глубине сердца просящего рождается ликование.

*1058. Не будь выпрашивающих подаяние, этот не-обозримый мир, славный своей прохладой, стал бы подобен помосту с прыгающими деревянными куклами.

1059. Какая слава была бы присуща щедросердечным, если бы в мире не оказалось желающих просить подаяния?

1060. Просящего милостыню не должна обуревать злоба. Терзания нищеты сами по себе будут веским напоминанием щедрому.

Глава 107. О СТРАХЕ ПРОСИТЬ ПОДАЯНИЕ

1061. Неизмеримо лучше не упрашивать о подаянии, чем просить у человека, даже дорогого тебе, как око, и дающего без утаивания, щедро и радостно.

*1062. Пусть мечется, подобно нищему, и погибнет сотворивший мир, если он только возжелает, чтобы живые люди существовали, испрашивая подаяние.

1063. Нет более безрассудной наглости, чем дерзость, говорящая: «Покончим с терзаниями нищеты выпрашиванием милости».

1064. Достоинство, не позволяющее просить о подаянии, даже когда нищета не оставляет иного выхода, настолько величественно, что его не вместит мир.

1065. Нет ничего слаще пищи, дарованной тебе твоим же трудом, даже если это будет похлебка, сваренная из одной воды.

1066. Нет ничего постыднее для языка, чем выпрашивать подаяние, даже если ты просишь воду для коровы.

1067. Умоляю всех молящих о подаянии: если уж вы молитесь, то не вымаливайте у тех, что утаивают от вас богатство.

1068. Утлое суденышко, по имени Нищенствование, разлетится в щепы, наскочив на скалу, по имени Жадность.

1069. При мысли об участи нищего сердце тает от жалости, но стоит подумать о жестокости утаивающего — и сердце умирает.

1070. Жизненный дух нищего умирает, стоит ему разверзнуть уста со словами о подаянии. Так разве может

куда-нибудь спрятаться жизненный дух жестоко отказывающего в подаянии?

Глава 108. О НИЗОСТИ ПОМЫСЛОВ

1071. Как вылитые, похожи на людей низменные. Нам никогда не приходилось видеть людей, столь похожих на них.

1072. В сравнении с постигшими дхарму низменные наделены истинным счастьем: они чужды угрызений совести.

1073. Богам подобны низменные помыслами, ибо они поступают в согласии с сокровенным.

1074. Если низменный видит опустившегося до еще большей низости, то он старается превзойти его в подлости и гордится тем.

1075. Один лишь страх — закон для низменных. И если есть другое, так это вождение, — оно дает не-многое.

1076. Низменные подобны барабану, в который громко бьют, ибо полетят и станут известны другим тайны, подхваченные ими.

1077. Низменные посядут даже тряхнуть влажной от еды рукою и разве лишь уступят тем, кто сжат кулаком разможжит им челюсть.

1078. Мудрый уразумевает и сделает добро, стоит лишь сказать немного слов. От низменного добьешься пользы, как от сахарного тростника, — лишь перемолов его.

1079. Если низменный заметит добрую одежду и сытные яства у другого, он будет рад увидеть на другом шрамы от пороков.

1080. На что годятся низкие? На то лишь, чтобы продать себя как можно быстрее, когда приходит напасть.

КНИГА ТРЕТЬЯ

О ЛЮБВИ

Глава 109. ТЕРЗАНИЯ ПРИ ВИДЕ БОГИНИ КРАСОТЫ

1081. Сердце мое смущено при виде ее — неужели это богиня красоты? Или нежная пава, или просто девушка с золотыми серьгами?

1082. Ее взгляд, бросающий вызов моему, словно говорит, что красота привела за собою целое войско.

1083. Прежде я не видел, каков Яма. Теперь я знаю: он предстает в облике красавицы с огромными неустрашимыми глазами.

1084. Глаза ее соперничают с невинной простотой девичьего очарования, ибо готовы поглотить душу осмелившегося взглянуть на них.

1085. Глаза ли это, или смерть, или стремительная газель? Во взгляде этой красавицы слилось все воедино.

1086. Если бы изогнутые брови могли сокрыть взгляд красавицы, ее глаза не пробуждали бы во мне бедствий любовного трепета.

*1087. Повязь на упругой груди красавицы — словно повязка на глазах слона во время амока.

1088. Неужели моя мощь, что наводила трепет на врагов на поле брани, разбита чарами дивноликой?

1089. Разве есть хоть сколько-нибудь пользы в украшениях для красавицы, что обладает взглядом дивных, как у лани, юных глаз и стыдливой робостью?

1090. Страсть пьянит и вызывает радость у созерцающих свою возлюбленную в отличие от вина, которое хмелит лишь выпивших его.

Глава 110. ПОНИМАНИЕ СОКРОВЕННОГО В СЕРДЦЕ

1091. Двойственной силой обладает взгляд ее глаз, подведенных сурьюмою: он и рождает боль и утешает ее.

1092. Мимолетный взгляд, бросаемый украдкой и похищающий меня, приносит не половину сладости любовного объятия, а много больше.

1093. Она скользнула взглядом, но только я посмотрел, как она опустила голову. Так она собирает воду, чтобы полить и взрастить зазеленевший росток любви.

1094. Когда я вливаюсь взглядом в нее, она устремляет свой взгляд долу. Но стоит мне перестать смотреть, как она сама глядит на меня и тихонько смеется.

1095. Даже если она нарочито не глядит в мою сторону, все равно посмеивается, словно видит меня углом глаза.

1096. Хотя она и говорит, словно оскорбляет, в словах ее тотчас же слышится отсутствие ненависти.

1097. Отрывистая, чуждая неприязни речь и приторно недружелюбный взгляд — вот знак влюбленной, прикидывающейся равнодушной.

1098. Когда я на нее гляжу, она, познав любовь, смеется сердечным смехом, и это придает редкое очарование и грации ее, и манерам.

1099. Поистине лишь в глазах влюбленных в нас заметить можно равнодушный взгляд словно чужого для нас создания.

1100. Когда глаза разговаривают с глазами, в словах нет ни малейшей пользы.

*Глава 111. ЛИКОВАНИЕ В ЛЮБОВНЫХ ОБЪЯТИЯХ

1101. Видя красоту лица, слыша милый шепот, ощущая сладость губ, вдыхая аромат тела и осязая нежные плечи, в любовном объятии блаженствуют все пять чувств.

1102. Обычная болезнь исцеляется разными снадобьями, но украшенная браслетами красавица сама является лекарством против недуга, порождаемого ею.

1103. Разве небеса лотосоокого Вишну даруют такое же блаженство, как сладкий сон в объятиях нежных рук любимой тобою?

1104. Где обрела она этот диковинный огонь, который жжет при удалении от него и охлаждает при приближении?

1105. Объятия нежных рук красавицы, чьи локоны увиты цветами, словно даруют мне все, чего бы я ни возжелал.

1106. Плечи моей простодушной красавицы сотканы из самой амброзии: при каждом прикосновении к ним жизнь вновь возгорается во мне.

1107. Обнимать красавицу мне так же сладостно, как хозяину дома угощать яствами других, сидя у себя за столом.

1108. Обоим влюбленным сладко то слияние тел, которое не разъединяет даже воздух.

1109. Ссора, примирение и любовные объятия — все это благо буруеваемых страстью.

1110. Подобно тому как познавая, мы всякий раз чувствуем свое невежество, так при каждом объятии украшенной браслетами красавицы я испытываю новое наслаждение.

Глава 112. УПОЕНИЕ КРАСОТОЙ

1111. пышно цвети, аниччам, ты так нежен, но любимая еще нежнее.

1112. О мое сердце, ты зарделось от смущения, увидев цветы и подумав, что глаза ее похожи на цветы, созерцаемые многими.

1113. Плечи ее — нежный бамбук, тело точно молодой листок, зубы словно жемчужины, от нее исходит аромат, подобный сладкому меду, и подведенные сурьюю глаза ранят сильнее острого копья.

1114. Стоит лотосу увидеть ее лик, он поникнет и не поднимет свой взор, говоря себе, что не может сравниться с глазами украшенной жемчугом красавицы.

*1115. Барабаны станут печально бить, оплакивая сломанную талию красавицы, украсившей себя цветком аниччам и не отломившей стебля.

1116. Звезды сойдут со своих мест на небе, не различая, где луна и где лик красавицы.

1117. Разве на лице красавицы есть изъян, как на лике сверкающей луны, восполняющей свой недавний ущерб?

1118. Сверкай, луна, и стань моей возлюбленной, если ты только способна излучать свет, подобный сиянию лица красавицы.

1119. Не восходи, луна, на небе всем напоказ, если хочешь сравниться своим ликом с красавицей, украшенной глазами, превосходящими нежные цветы.

1120. Нежный цветок аниччам и мягкое лебединое перо в сравнении с ножками моей любимой будут казаться плодами терновника.

*Глава 113. ВОСХВАЛЕНИЕ ЧАР ЛЮБИМОЙ

1121. Слюна сладкозвучной красавицы, что проступает сквозь жемчужно-белые зубы, — словно молоко, смешанное с медом.

1122. Поистине любовь между красавицей и мною подобна привязанности между телом и душой.

1123. О, удались же прочь, зрачок моего глаза. Другого места нет, чтоб приютить у себя мою красивовобую возлюбленную.

1124. Когда любимая с прекрасными браслетами передо мною, она как жизнь душе. Но стоит ей уйти, и словно нависает надо мною смерть.

1125. Забыв, я вспомнил бы, наверное, чары любимой, чьи глаза такие блестящие и воинственные. Но, увы, я не могу забыть.

1126. Мой любимый так строен и тонок: когда он в моих глазах, то не уходит, и если я моргаю, то вовсе не причиняю ему боли.

*1127. Мой любимый стоит в моих глазах, и, зная, что он может исчезнуть, я не стану подводить сурьюю глаз.

1128. Мой любимый живет в моем сердце, и я боюсь пить что-нибудь горячее, чтобы не обжечь его.

1129. Я знаю, если сомкну глаза, то он исчезнет. Не ведая того, люди в селении говорят: она не спит, оттого что он ее не любит.

1130. Радуясь, он безвыходно живет в моем сердце. Но глупые соседи говорят, будто он покинул меня и живет, не любя меня.

*Глава 114. ПОТЕРЯ СТЫДЛИВОСТИ

*1131. Терзаемым страстью к возлюбленной. единственное спасение «пальмировый конь». Другого исхода нет.

1132. Тело мое и душа испытывают нестерпимые страдания. Потеряв стыдливость, но продолжая жить, они взбираются на «пальмирового коня».

1133. Прежде я ведал и стыд, и достоинство мужчины. Но теперь мне лишь ведом «пальмировый конь», несуший обезумевшего от страсти.

1134. Свирепый неистовый поток любовного отчаяния уносит прочь судно мужского достоинства и стыдливости.

1135. Украшенная гирляндой тонких браслетов подарила мне вместе с «пальмировым конем» терзания, нестерпимые по вечерам.

1136. И в глубокую полночь я буду сидеть на «пальмировом коне»! Мои очи не могут смежиться, тоскуя по любимой.

1137. Нет ничего выше достоинства красавицы, которая не сядет на «пальмирового коня», даже если ее терзает страсть любви, огромная как океан.

1138. Моя любовь, не признавая скромности и не ведая милосердия к себе, становится явной, разрывая плену тайны.

1139. Считаю, что никто обо мне не знает, моя любовь дерзнула выйти наружу и кружиться по улице.

1140. Невежды в селении посмеются надо мною, так что я увижу это воочию: ведь они не пострадали тех мук, что терзают меня.

*Глава 115. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МОЛВЫ

1141. Видя, что о моей любви идет молва, моя нем умирающая душа вновь оживает. К счастью, многие в селении не ведают того.

1142. В селении из уст в уста передается молва, не понимающая дивной прелести моей любимой, глаза которой точь-в-точь похожи на цветы.

1143. И разве не отрадна мне молва, известная всему селению? Отрадна, словно бы обрел я ту, которую не получил.

1144. Молвою возвращается моя любовь. Не будь ее, страсть моя потеряла бы свой жар и угасла.

1145. И всякий раз, когда молва о моей любви передается из уст в уста, во мне растет радость любви.

*1146. Нас видели вдвоем всего лишь день, но молва идет такая, как если бы демон поглотил луну.

1147. Мои муки растут: молва в селении для них как бы удобрение, а нареканья матери — вода.

1148. Думать, что они загасят страсть слухами о ней, — походит на желанье загасить пламя маслом.

1149. Если покинул меня, осрамив перед всеми, любимый, что говорил: «Не страшись, я не оставлю тебя», то неужели я могу стыдиться молвы?

1150. Селенье разнесло молву, которую я пожелала. И мой любимый подарит мне любовь, если пожелает.

*Глава 116. НЕСТЕРПИМЫЕ ТЕРЗАНИЯ РАЗЛУКИ

1151. Утешь меня словами, что ты не покидаешь меня. Но если оставишь, то о своем скором возвращении возвести уж тем, кто переживет разлуку.

1152. Один лишь взгляд его, бывало, наполнял меня блаженством, а ныне даже жаркие объятия вызывают во мне боль — так пугает меня близкая разлука.

1153. Можно ли верить клятвам возлюбленного? Ведь уже гнездится в его сердце мысль о разлуке!

1154. Если любимый, говоривший мне прежде в утешение: «Не пугайся, я не оставлю тебя», теперь покинул меня, то чем же виновата я, поверившая его уверениям?

*1155. Если ты хочешь спасти меня, устрой так, чтобы дарованный мне судьбою муж не покидал меня. Если он все-таки уедет, едва ли я перенесу разлуку и доживу до встречи с ним.

1156. Если он так жесток, что убивает меня словами о разлуке, как я могу питать надежду на его милосердие и возвращение?

1157. И разве браслеты, что спали с запястий моих похудевших рук, не предвещают скорой разлуки с владыкой моего сердца?

1158. Горько жить в селении без близких, но много горше расставаться с любимым.

1159. Разве огонь, что сжигает лишь прикосновением, способен жечь, подобно любовной страсти, когда возлюбленный вдали?

1160. Я поистине дивлюсь, как много живет людей, превозмогши с великой мукой боль любовной страсти и перенеся разлуку! Я ж не в силах.

*Глава 117. НАДРЫВНЫЙ ПЛАЧ В РАЗЛУКЕ

1161. Я силюсь скрыть от глаз других мою нестерпимую боль. Но от этого она становится лишь обильнее, подобно тому как бьет ключом вода на тех, кто очищает родник.

1162. Я не в силах скрыть своих мук, но меня охватывает стыд при одной мысли открыть свои страдания любимому, что причинил их.

*1163. В глубине моего тела, которое не может перенести разлуку, уравнивают кавади моей жизни страсть и стыдливость.

1164. Предо мною разлито море страсти к любимому, но, увы, не найти мне надежного судна, чтобы переплыть это море.

1165. О, на что он горазд в ненависти, если способен принести такие страдания в любви!

1166. Любовь приносит безбрежный и бездонный океан счастья, но когда тебя сжигает разлука с любимым, то муки много больше и глубже.

1167. Меня закружил бурный поток любовного же-

ланья, я не вижу берега. И даже в полночь я совсем одна.

1168. Глубокая ночь, лаская, убаюкивает все живые души. Лишь со мной нет рядом любимого, который бы утешил меня.

1169. Ночи во времена разлуки тянутся так долго! Они куда более жестоки, чем жестокость моего жестокого возлюбленного.

1170. Если бы мои глаза могли, подобно сердцу, последовать туда, где сейчас мой любимый, им не пришлось бы, право, переплывать этот поток слез.

*Глава 118. ТЕРЗАНИЯ ГЛАЗ В ТОМЛЕНИИ

1171. Ведь любимого, эту нестерпимую боль, увидела я, когда мои очи взглянули на него. И отчего те же самые глаза теперь льют слезы?

1172. О глаза мои с темным отливом, что впились тогда в любимого, страстно порываясь к нему и не разгадав, как жесток он! Что пользы, если теперь вы так страдаете от боли, не чувствуя истинно моей любви?

1173. Мои очи, что впились в тот день в любимого, ныне сами же плачут. В этом есть что-то достойное печальной усмешки.

1174. Мои темные, подведенные сурью глаза, что больше не в силах плакать, высохли от слез, не могут долее жить, взвалив на меня неутолимую боль.

1175. Терзаются невыносимым страданием и не смежаются мои очи, что принесли мне боль любовной тоски, глубина которой несравнима с глубиной моря.

1176. О диво! Воистину отрадно, что глаза, мне причинившие такую боль, теперь же сами погружены в нее и ею же терзаются.

1177. О, пусть теперь страдают, пусть страдают те очи, что узрели его и воспылали желанием любви, горя нетерпением и заполнив нежностью сердце! О, пусть иссохнут слезы внутри глаз!

1178. Увы, прежде любивший меня теперь живет, не проявляя обо мне заботы. А моим глазам, не видящим его, неведом покой.

1179. Любимый не возвратится — они не сомкнутся,

вернется он — они тоже не сомкнутся, эти глаза, что испытывают глубокое потрясение.

1180. Соседям в селении едва ли трудно разгадать тайну людей с глазами, как у меня, что разглашают боем барабана переживания любви.

***Глава 119. ТЕРЗАНИЯ ПРИ ВИДЕ ЖЕЛТИЗНЫ, ПОРОЖДЕННОЙ РАЗЛУКОЙ**

1181. Я сама согласилась, чтобы любимый уехал. Кому же другому пожалуюсь я на то, что пожелтела в разлуке?

1182. Рожденная разлукой желтизна, гордясь, что дарована мне самим супругом, взошла на мое тело и покрыла его сплошь.

1183. Любимый мой забрал у меня красоту и стыдливость, вернув взамен страдания любви и эту желтизну, рожденную разлукой.

1184. Я только и думаю о нем! И говорю лишь о его достоинствах! И не обман ли эта желтизна, рожденная разлукой? А может, это что-нибудь другое?

1185. Смотри, подруга, только что уехал мой любимый — и по телу моему уж скачет желтизна разлуки.

1186. Точно так же как тьма ожидает помрачения света, мертвенная желтизна ждет не дожидется, когда мой любимый супруг выпустит меня из своих объятий.

1187. Я лежу в его объятиях, и стоит лишь мне чуть повернуться на бок, как в то же мгновение мертвенная желтизна разлуки словно набрасывается на меня.

1188. Другие укоряют меня, что я поддалась желтизне отчаяния, но никто не говорит, что ведь это он прежде покинул меня.

*1189. Если мой любимый, вырвавший у меня согласие на разлуку, прекрасно чувствует себя благодаря моим страданиям, о, пусть тогда иссохнет мое тело в мертвенной желтизне, страдая, как сейчас!

*1190. Если соседи не упрекнут в жестокости оставившего меня любимого, что вырвал у меня согласие на разлуку, то, право, сладостна молва о моей смертельной желтизне.

***Глава 120. НЕСТЕРПИМЫЕ СТРАДАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА**

*1191. Лишь любимым любимыми ими суждено вкушать сладкий, не ведающий косточек плод любви.

1192. Подобно тому как облака ниспосылают влагу живущим в чаянии дождя, так благодать любви даруема любящими любящим их.

1193. Торжествующая гордость, возглашающая о своей счастливой жизни, к лицу лишь наслаждающимся любовью любимых ими.

1194. Не любимые любимыми ими, даже пусть и любимые другими, чужды расположения счастливой судьбы.

1195. Какое благо дарует нам забирающий нашу любовь, если сам он не знает любви?

1196. Любовь приносит горечь, если люблю я одна. Любовь дарует блаженство, когда она уравновешена, подобно кавади, чувствами обоих возлюбленных.

1197. Неужели Кама, что нашел себе обитель во мне одной, не видит ни мук моих, ни стенаний?

1198. Нет в мире более отважных сердцем, нежели влюбленные женщины, что продолжают жить, не слыша сладких слов от любимых ими.

1199. Даже если любимый не дарует мне любви, слуху моему отрадна каждая весть от него!

1200. О, уцелей, живи, мое сердце! Ты поведаешь испытанные тобою муки не знающему таких страданий. Ты сможешь скорее вычерпать бушующее море.

Глава 121. РЫДАНИЯ ВСПОМИНАЮЩЕЙ ПРОШЛОЕ

1201. Любовь сладостнее вина. Ибо даже вспоминая прежние объятия, я чувствую безбрежное великое наслаждение.

1202. Любовный жар, как мал бы ни был он, поистине так сладок! Мне стоит вспомнить моего любимого, как боль моя внезапно угасает.

*1203. Он, кажется, собрался подумать обо мне, но не подумал. У меня появилось желание чихнуть и вот пропало.

1204. Он неотступно каждый миг живет в моем сердце. Неужели я живу в его душе? Нет.

1205. Он взял меня узницей его сердца и не выпускает. Но неужели же ему не стыдно, что он вторгся в мое сердце и не выходит?

1206. Я живу лишь воспоминанием о тех днях, что была неразлучна с моим любимым. Увы, разве могла бы я жить иначе?

1207. Я не могу забыть любимого на миг, и даже воспоминание жжет огнем мое сердце. Горе мне! Чем стала бы я, забыв его?

1208. Хотя я столько думаю о нем, он вовсе не злится. Разве это само по себе не милость, что дарует мне мой супруг?

1209. Когда я погружаюсь в мысли о скупости любви в моем супруге, что утешал меня словами «Мы неразлучны с тобой», то сладкая моя душа исторгает предсмертный стон.

1210. О луна, не заходи! Свети, чтоб видела я воочию покинувшего меня, но не ушедшего из моего сердца.

Глава 122. РАССКАЗ О ВИДЕННОМ ВО СНЕ

1211. С каким радушием приму я у себя в гостях тот сон, что пришел ко мне вместе с посланием от моего любимого?

1212. О, если смежатся веки, внимая моей мольбе, во сне я поведаю любимому, в чьих объятиях я познала блаженство, как я смогла выжить в разлуке.

1213. Моя душа живет созерцанием во сне любимого, что не удостаивает меня любви наяву.

1214. Во сне мне страсть приносит утolenье, даруя после исканий возлюбленного, что неласков со мной среди бела дня.

1215. О, так сладки минуты, когда я вижу любимого во сне, словно видишь его воочию и въявь.

1216. Увы, когда бы не было горести, называемой пробуждением, мой любимый, что ласкает меня во сне, не покидал бы меня.

1217. Зачем терзать меня во сне жестокому люби-

мому, что не удостаивает меня любви, когда я бодрствую?

1218. Когда приходит сон, он сжимает меня в своих объятиях, но стоит мне открыть глаза, как он тут же прячется в моем сердце.

1219. Женщины, которым не выпадает счастья видеть своих возлюбленных во сне, осыпают их упреками за то, что они не одаривают любовью наяву.

1220. В селении идет молва, что мой любимый покинул меня на глазах у всех. Но разве могут они видеть его во сне?

*Глава 123. СЛЕЗЫ С ПРИБЛИЖЕНИЕМ ВЕЧЕРА

1221. Да сойдет на вас благодать, сумерки! Кто называл вас вечером? Нет, вы те часы, что поглощают жизнь разлученных супругов.

1222. О сумрачная ночь, ты подавлена грустью. Разве твой милый так же жесток, как и мой любимый?

1223. Роняя росу, приходит полный грусти вечер, внушая отвращение к жизни и взращивая терзания разлуки.

1224. Когда со мною нет любимого, то вечер подступает словно палач, идущий к месту казни.

*1225. Какое благо даровала я утренним часам? И какую обиду нанесла я вечеру?

1226. В те вечера, когда мой возлюбленный супруг был рядом и не покидал меня, я вовсе и не ведала, что сумерки рождают такие страдания.

1227. Боль по любимому распускает бутоны по утрам, раскрывает лепестки днем и пышно цветет по вечерам.

1228. Свирель возвращающегося пастуха — вестник огнедышащего вечера — вонзается в меня, словно смертельный кинжал.

1229. Когда тьма расстилает свое покрывало, затуманивая мой разум, все селение, подобно мне, погружается в сумерки и неистовствуют терзания разлуки.

1230. В этот вечер, обволакивающий тьмой, моя нетленная душа превращается в прах, думая о любимом, что покинул меня, возжелав искать богатств.

*Глава 124. УПРАТА КРАСОТЫ ТЕЛА

*1231. В думах о любимом, что отправился вдаль, оставив мне терзания печали, мои глаза стыдятся взглянуть на благоухающий лотос.

1232. Поблекнув в разлуке, мои глаза льют слезы, словно жалуясь, что мой любимый не одарил меня любовью.

1233. Мои исхудалые руки, полные в день нашей свадьбы, как будто громко возвещают всем о нашей разлуке.

1234. Мои руки, прежняя красота которых высохла в разлуке с любимым, теряют полноту и роняют свои прекрасные браслеты.

1235. Мои плечи, прежняя красота которых поблекла, вместе с падающими браслетами как будто возвещают о жестокости моего любимого.

1236. Слова других, что упрекают моего любимого в жестокости, несут мне боль, и я страдаю, браня свои худеющие руки вместе с падающими браслетами.

1237. О мое сердце! Обретишь ли ты славу, возвестив моему жестокому супругу громкую молву о моих иссохших руках?

1238. Мне стоило разжать лишь руки, которыми я обнимал ее, как покрывался бледностью лоб моей простодушной красавицы, украшенной дивными браслетами.

1239. Достаточно свежему ветру разъединить на миг наши тела, слившиеся в объятии, как большие и полные прохлады глаза моей возлюбленной заволакиваются печалью в предчувствии разлуки.

1240. Неужели и глаза, померкнув, повергнуты в отчаяние при виде желтизны некогда сиявшего лба?

*Глава 125. БЕСЕДА С СЕРДЦЕМ

1241. О сердце, погрузись в думы и поведай мне любое лекарство, спасающее от нестерпимой боли отчаяния.

1242. Да будет благо тебе, мое сердце! Твои страда-

ния по нему — безрассудная глупость, ведь он не знает любви к нам.

1243. Что пользы, сердце, сидеть со мною, думать о нем и страдать? Ни страданий, ни воспоминаний нет в любимом, что нанес нам разлукой такую боль.

1244. О мое сердце, ты уходишь к нему, так возьми и глаза. В жажде увидеть его они пожирают меня.

1245. Пусть даже он не желает любить нас, когда мы жаждем любви, разве мы можем, о сердце, махнуть рукой на нашего любимого, считая, что он ненавидит нас?

1246. Если ты зришь, о сердце, моего любимого, что умеет своими объятиями рассеять обиды, то не чувствуешь досады. Зачем ты напускаешь на себя притворное негодование?

1247. Либо оставь любовные терзания, о сердце, либо отбрось стыд. Я, право, более не в силах сносить оба эти чувства вместе.

1248. О мое сердце, ты глупо! Вздыхая в тоске, что он, полный любви, не дал нам того, что мы просили, ты тянешься вслед за жестоко покинувшим нас.

1249. Сердце, если ты знаешь, что наш любимый живет в самом тебе, к кому же ты идешь, ища его?

1250. Хотя мы и храним в сердце любимого, что покинул нас и теперь так далеко, мы все больше теряем свою красоту.

*Глава 126. ПОТЕРЯ СДЕРЖАННОСТИ

1251. Топор любовной страсти крушит дверь величавой сдержанности, на которую навешен засов стыдливости.

1252. То, что мир называет любовным желанием, лишено глаз и безжалостно давит на мое сердце даже в глухую полночь.

1253. Ведь я тшусь подавить и скрыть любовную страсть, но, увы, она прорывается, подобно чиху, даже не предостерегиши меня.

1254. Я хвалюсь перед собой, что сдержанность возьмет верх во мне, но, увы, страсть, преодолев мои уловки, вырывается наружу.

1255. Величавое достоинство, не позволяющее устремляться вслед за любимым, презиравшим тебя, есть нечто неведомое подверженным недугу любовной страсти.

1256. О я, несчастная, что за печаль меня обуревают от желания идти вслед за презиравшим меня.

1257. Если любимый, дававший мне блаженство своею страстью, поступит, как того желаю я, я позабуду то, что называется стыдом и сдержанностью.

1258. Разве кроткие слова любимого мною плута, знающего тьму ухищрений, — это не меч, что уничтожает женскую стыдливость?

1259. Я бросилась к нему, желая показать свою не любовь, но, оказывается, я прильнула к нему, увидев, как слились в объятии наши сердца.

1260. Есть женщины, сердце которых тает перед любимым, подобно салу в огне. Разве в состоянии они сказать: «Я встану пред ним во гневе»?

***Глава 127. НЕСТЕРПИМАЯ ТОСКА ПО ЛЮБИМОМУ**

1261. В ожидании любимого глаза мои потеряли блеск и зовутся теперь пустыней. И пальцы мои стерлись, считая на стене дни, что прошли с его отъезда.

1262. Если я забуду его теперь, моя подруга со сверкающими браслетами, то спадут с моих запястий браслеты и исчезнет красота похудевших рук.

1263. Я живу теперь ожиданием возвращения любимого, что ушел с твердой надеждой, охваченный желанием успехов.

1264. Мое сердце пытается вскарабкаться по веткам дерева, полное желанием встретить возвращение любимого, что лишил меня наслаждений наших тесных объятий.

1265. О как бы мне увидеть своими глазами моего любимого! Желтизна моих рук исчезнет, стоит лишь мне посмотреть на него.

1266. Пусть явится мой суженый однажды, и я прильну к нему, чтобы угасла моя нестерпимая боль.

1267. Если явится мой нареченный, дорогой мне, как

око, то броситься ли мне к нему, изобразить ли себя разгневанной, или насладиться объятием наших тел?

1268. Пусть властелин начнет сражение и одержит победу, и, вернувшись к жене, мы устроим вечером пир.

1269. День тянется как целых семь для томящейся в любви и жаждущей дня, когда вернется уехавший в далекие края любимый.

1270. В то время как сердце уже разбито, что пользы ждать его возвращения? Что пользы во встрече с ним? Что пользы в его объятиях?

***Глава 128. УМЕНИЕ ПОНИМАТЬ СОКРОВЕННЫЕ ЖЕЛАНИЯ**

1271. Хотя ты и хочешь скрыть, но это невозможно. Из твоих подведенных сурьюю глаз исходит невысказанное слово.

1272. Велики чары женственности у моей невинной супруги, руки которой прекрасны, словно бамбук, и чья красота затмевает мне глаза.

1273. Подобно тому как сверкает нить, продетая сквозь жемчужины, так в красоте моей любимой проступает желание любить.

1274. В сдержанной улыбке простодушной красавицы таится желание любить, как благоуханье — в готовой распуститься почке.

1275. Наигранное лукавство, разыгрываемое красавицей, чьи руки сжаты браслетами, содержит в себе лекарство, что разгоняет во мне нестерпимую боль страсти.

*1276. Своими объятиями, порождающими великое желание, он намерен скрыть, что не любит и покинет меня после этой едва перенесенной мною разлуки.

*1277. Мои браслеты, спав с запястий, узнали раньше меня самой о жестокости покидающего меня любимого, владыки дивного, дающего прохладу побережья.

*1278. Мой любимый покинул меня лишь вчера, а тело мое пожелтело, и я сама постарела на семь дней.

1279. Она поглядела на свои браслеты, посмотрела на свои нежные руки, поглядела на ножки, — в этом и был весь ее ответ.

1280. Говорят, что сильнейшие чары женственности — выражать глазами страдания любовной тоски и молить любимого не покидать ее.

***Глава 129. СТРАСТНОЕ ЖЕЛАНИЕ ЛЮБОВНЫХ ОБЪЯТИЙ**

1281. Опынение при одной мысли и буйная радость при созерцании не порождаются вином, но даются в любви.

1282. Если страсть, переливаясь от полноты, приходит громадной, как величая палыма, не пужно мне питать обиду даже величиною в крохотное семя прюса.

1283. Пусть даже он и делает, что хочет, не потворствуя моим желаниям, глаза мои чужды покоя, не видя любимого.

1284. Я было полетела к нему с обидой, милая подруга, но мое сердце, запамятавав о том, устремилось в объятия к нему.

1285. Подобно тому как глаз не видит кисточки, когда я ею навожу на ресницы сурьму, так, созерцая моего любимого, я вовсе не вижу в нем вины.

1286. Стоит мне посмотреть на него, и я не вижу ничего достойного укоризны. Но когда он не со мною, не вижу ничего другого, кроме его вины.

1287. Я погружаюсь в обиду, зная тщетность этого, точно так же как бросается в стремнину слящщийся переплыть ее, зная, что поток понесет его с собой.

1288. О соблазняющая меня возлюбленная! Твоя грудь для меня такая же отрада, как вино для пьяницы, которое причиняет ему страдания, достойные бесчестья.

1289. Любовные объятия нежнее аромата цветка, и лишь немногие в этом мире знают истинную их сладость.

1290. Она смотрела со злой обидой в глазах, но лишь я подошел, она вздрогнула и бросилась ко мне, желая моих объятий больше, чем я сам.

***Глава 130. НЕДОВОЛЬСТВО СЕРДЦЕМ**

1291. О мое сердце! Даже видя, что его сердце полно лишь им самим, почему же не принадлежишь мне одной?

1292. Даже видя, что я супругу совсем чужая, ты, мое сердце, стремишься к нему, уповая, что он полюбит меня.

1293. Не возглашая ли истину, что у погибших нет друзей, ты, мое сердце, уходишь вслед за ним, утоляя свое желание?

1294. Если ты, о сердце, затеяв ссору с любимым, не испытываешь в том наслаждения, кто же будет впредь обращаться за советом к тебе?

1295. Если нет его, ты полно страха, если он рядом, ты боишься разлуки. О мое сердце, ты обречено на бесконечные страдания!

1296. Когда я, оставшись одна-одинокая, думаю о жестокосердии любимого, сердце живет только тем, что терзает меня.

1297. Я забыла стыдливость, оттого что не забывает любимого мое глупое и чуждое величия сердце, которому я покорилась.

1298. Жизнелюбивое сердце только и думает о его добродетелях, уверовав, что оскорбление любимому будет позором нам самим.

1299. Кто станет поддержкой мне в горести, если мое же сердце не желает облегчить мне боли.

1300. Если мое собственное сердце совсем мне чужое, то диво ли, что чужому нет заботы обо мне?

***Глава 131. ПРИТВОРНАЯ ДОСАДА**

1301. При встрече с ним не обвиняй его, изобрази притворную досаду; посмотрим хоть немножко, какую болью терзается он.

1302. В любви притворная досада подобна соли в пище. Разыгрывать ее даже толику более нужного — все равно что положить в еду слишком много соли.

1303. Не обнимать любимую, притворно на тебя сер-

диту, — все равно что подвергать вновь терзаниям перенесшего страдания.

1304. Не утешать объяснениями любимую, что наигранно дует на тебя, — все равно что подрезать с корнем чуть тронутую увяданием повилику.

1305. Притворная досада любимой, глаза которой подобны нежному цветку, составляет очарование для обладающих незапятнанным достоинством.

1306. Если бы не было ни короткой наигранной досады, ни затянутой разлуки, страсть была б похожа на переспелый или недозревший плод.

1307. Наигранная досада рождает одну большую боль: я мучаю себя вопросом, неужели оттянется надолго минута долгожданного объятия?

1308. Какая, право, польза от страданий, если не знаешь, что и любимый страдает, если бы не было любимого, знающего мою боль?

1309. И вода наполняет отрадой лишь в тени, и притворная досада сладостна любящим.

1310. Лишь вождление заставляет мое сердце шептать: я солюсь в объятии с не ласкающей меня и обу реваемой притворной досадой.

Глава 132. ВЕРШИНА РЕВНОСТИ

1311. Всякая в образе женщины пожирает тебя своими глазами. Я не подойду близко к твоей груди, пленник блудниц.

1312. Сердитая на него, я сидела, как вдруг он нарочно чихнул, зная, что я пожелаю ему: «Живи долгие лета!»

1313. Даже если я воткну цветок в волосы, она загорается ревностью, упрекая меня, что я наряжаюсь для какой-нибудь красавицы.

1314. Стоило мне сказать: «Я люблю тебя больше, чем кого-либо», как она вспыхнула от гнева: «Чем кого же, кого же все-таки?»

1315. Я сказал, что не расстанусь с ней в этом рождении, а из глаз ее полился поток слез.

1316. Только я сказал, что вспомнил ее в разлуке, как она надулась и перестала обнимать меня, говоря: «Так ты забыл меня?»

1317. Я чихнул, и она пожелала мне долгие лета, как вдруг переменилась в лице и зарыдала, спрашивая: «Кто думает о тебе, почему ты чихаешь?»

1318. Когда я подавил в себе желание чихнуть, она заплакала: «Ты хотел скрыть от меня, что твои красавицы думают о тебе?»

1319. Даже когда я приласкал ее, пытаюсь утешить, она разгневалась: «С другими ты тоже такой?»

1320. Даже когда я задумчиво сижу и наслаждаюсь созерцанием ее красоты, она вспыхивает от ревности: «С кем ты сравнивал, о ком ты думал, поглядывая на меня?»

*Глава 133. НАСЛАЖДЕНИЕ, ПОРОЖДАЕМОЕ НАИГРАННОЙ ОБИДОЙ

1321. Пусть он и не виноват, но мне стоит разыгрывать притворную обиду, дабы он даровал мне благодать любви.

1322. Из-за моей притворной досады рождается недолгая боль, и если даже его благодетная любовь увяла на миг, то снова пышно зацветает.

1323. Дарует ли мир небожителей большую отраду, чем притворная обида возлюбленных, слившихся друг с другом, как земля и бегущая по ней вода.

1324. В непрестанной наигранной обиде после каждого объятия таится тот кинжал, что пронзает мое сердце.

1325. Пусть даже в ней и нет вины, но выпустить из объятий нежные плечи любимых нами — великая сладость.

1326. Усвоить съеденное приятнее самой еды, и ссоры влюбленных сладостней страстного любовного объятия.

1327. Признавший себя побежденным в любовной ссоре — поистине победитель, и это, наверное, будет видно в минуту сладкого соединенья.

1328. О, испытаю ли я после этой ссоры ту сладость, что дарует мне объятие с нею, когда лицо ее покрывается росинками испарины?

1329. Пусть сердится притворно моя любимая, укра-

шенная жемчугом, пусть тянется эта ночь, дабы я мог ее ласкать и утешать.

1330. Притворная обида приносит радость любовным объятьям. И притворной досаде даруют радость страстные объятья возлюбленных.

КОММЕНТАРИИ

(составлены Ю. Глазовым)

Глава 1

1. Все тамильские произведения начинаются со вступления, *paṭiṅgam*, которое здесь состоит из четырех первых глав. *Aṭiṛakavaṇ* выражает идею рода, тогда как *Kaṭaviṇ* — бог, божество — означает безличное существо.

3. «Пребывающий в лотосе сердца» — эпитет бога.

4. Страдания рождения могут быть трех видов: а) страдания от себя самого, б) страдания от других, в) страдания от кармы.

5. В индуизме имеется несколько концепций действия. Одна из них рассматривает любое действие как зло. Согласно другой концепции, любое действие приносит и добро, и зло.

6. Согласно индуистским учениям, идеальное существо достигает совершенства и спокойствия подавлением желаний всех пяти чувств: зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса.

8. Тируваллувар как всякий индуист считает душу бессмертной, а жизнь — пребывающей в бесконечной цепи перерождений и перевоплощений.

9. Согласно комментаторам, восемь совершенств—это: 1) самобытие, 2) врожденная чистота, 3) совершенная мудрость, 4) бесконечное знание, 5) совершенная свобода от всяких привязанностей, 6) бесконечное милосердие, 7) всемогущество и 8) бесконечное наслаждение.

Глава 2

17. Согласно индуистским представлениям, жемчуг и живые существа в море появляются благодаря дождю. С другой стороны, само же море насыщает облака своей влагой.

18—20. Комментаторы указывают, что дождь является необходимым условием существования добродетели (agam), богатства (ragi) и любви (ubam).

Глава 3

25. Предание рассказывает, что бог Индра воспылил страстью к жене риши Гаутама. Воспользовавшись тем, что Гаутама вышел из дому для омовения, Индра принял его облик, явился к его жене и овладел ею. Внезапно возвратившийся Гаутама проклял Индру, и тело могущественного бога покрылось множеством женских половых органов.

29. Возможен и другой перевод: «Гнев взошедших на вершину добродетели не может длиться и мгновения».

Глава 4

«Агам» является тамильским эквивалентом санскритского слова «дхарма». Дхарма означает добродетель. Дхарма может выражать также понятия индивидуального долга, справедливости, милосердия, а также означает и богиню дхармы.

31. Истинные мудрецы ищут богатства дхармы, материальное богатство — не есть предмет их желаний. Вместе с тем следование стезей дхармы дарует желающим и богатство в общепринятом смысле.

36. Согласно индуистским представлениям, следование дхарме порождает «благую карму», проявляющуюся в следующем перерождении души.

37. Это двуступище вызывало различные толкования. Например, К. Бесхм интерпретирует его следующим образом: «Не думайте, что путь дхармы подобен несущим паланкин до вашего смертного часа и оставляющим вас там». Он же считает, что можно дать следующее толкование: «Не сомневайтесь в пути дхармы: точно так же как несущие паланкин не оставляют сидящего в нем, так дхарма — незаменимый спутник добродетельного».

Наша интерпретация сводится к тому, что дурные поступки в прошлом превращаются в тяжкое бремя, которое приходится нести, тогда как добрые поступки сами поддерживают и несут совершившего их.

38. Цепь перерождений бесконечна, и истинный мудрец, согласно индуистским учениям, стремится, следуя дхарме, достичь освобождения души в этом рождении и этим закрыть путь к будущим перерождениям.

Глава 5

Этой главой открывается раздел, состоящий из 20 глав и посвященный семейной жизни.

41. Согласно «Дхармашастрам», помимо grhastha — «ведущий семейную жизнь», есть еще brahmachari — «давший обет целомудрия, учащийся», vanaprastha — «отшельник, живущий в лесу и предающийся религиозному покаянию» и sannyasi — «отшельник, полностью отрешившийся от всех привязанностей». Джайны признают лишь две группы: ведущих семейную жизнь и отшельников. Первые помогают святым едой, лекарствами и одеждой, оберегая от голода, болезней и холода.

42. Ведущий семейную жизнь (grhastha) служит поддержкой умершим, ибо совершает похоронные обряды, в частности «окропление водой».

Глава 6

55. Двуступище отвечает требованиям традиционной индийской морали, утверждающей, что для жены излишне верить в бога, а достаточно относиться к мужу как к богу. В этом случае даже боги повинуются ей.

58—59. Двуступища находятся в полном соответствии с духом легенд о Тируваллуваре, некоторые из которых мы привели в предисловии.

Глава 7

62. Семь рождений, в которых, согласно индуистской концепции кармы, может пребывать душа: боги, люди, звери, птицы, пресмыкающиеся, рыбы, неподвижные существа.

63. В двуступище содержится намек на то, что дети заботятся об умерших, совершая всевозможные обряды.

Глава 8

Здесь имеется в виду любовь к жене, детям, родным и близким.

76. Двуступище интерпретируется по-разному из-за многозначности tamam. Возможен перевод второй части: «она поднимает и на подвиг в сражении».

77. Мысль, заключенную в двустийши, можно расшифровать так: любовь для души человека, стремящегося к дхарме, — то же, что позвоночник для тела. Кроме благочестия, нужна и любовь. Благочестие без любви иссушает душу, делает ее черствой, жесточкой.

Глава 9

84. Лакшми — богиня счастья и красоты, жена Вишну.
90. Аниччам — цветок недотрога из семейства мимозовых.

Глава 17

167. Мудевн, богиня несчастья.

Глава 28

271. Пять элементов тела: земля, вода, огонь, воздух, эфир.
277. Кундри — крохотный орешек красного цвета с черным пятнышком.

Глава 29

Ka||amai — название главы — означает в равной мере запрет красть и обманывать.

Глава 33

326. Яма — бог смерти, там. Kiggu, Kigga

Глава 38

Последняя глава первой книги, согласно комментаторам, стоит особняком и составляет pūyal «природу кармы» (pū — тамильский эквивалент санскритского слова «карма»).

Глава 39

Этой главой открывается roṇṭṭṭā — «Книга о политике». Париелажагар делит roṇṭṭā на 3 части: aṅaṣiyal «достоинства повелителя» (гл. 39—63), aṅkaṇiyal «достоинства советников» (гл. 64—73), oṇṭiyal «прочие достоинства» (гл. 74—108).

389. Зонт от солнца — в южноиндийской литературе символ царского могущества.

Глава 40

Глава носит название Kalvi — «учение, изучение книг». Kalvi нельзя смешивать с aṇṭi — «знание, мудрость», ибо последнее есть результат kalvi и keṭvi — «умения внимать».

392. Буквы и цифры — олицетворение знания.

Глава 56

560. Коровы дают «пять священных продуктов»: молоко, сыротку, масло, навоз и мочу. Возможен и другой перевод последних слов двустийши: «люди шести ремесел (плотники, кузнецы, ювелиры, медники, строители и ваятели) забудут свое дело».

Глава 61

610. То есть получит всю землю. Тривикрама — мифический атар (воплощение) Вишну, одного из трех главных богов индуистского пантеона. Карлик Тривикрама попросил у правителя Бадать ему тот клочок земли, который он отмерит тремя шагами. Он дал согласие, но, к ужасу своему увидел, что Тривикрама прыл тремя шагами сразу три мира: землю, атмосферу и небо.

Глава 79

788. Дхоти, там. uṭṭakai — национальная одежда индусов.

Глава 81

808. Такой день дает возможность показать другу свою любовь вместе с забвением нанесенной обиды.

Глава 84

838. Г о д д и — опьяняющий напиток из пальмового сока.

Глава 95

941. Три стихии тела, согласно *аюрведе*, средневековой индустской медицинской системе — газы, слизи и желчь.

Глава 99

989. Ю г а — мировой период в индуистской мифической астрономии. Всего есть 4 юги, последняя из которых — Калиюга (которая продолжается до сих пор) началась около 5500 лет назад и закончится через 424 500 лет.

Глава 106

1058. Мир уподобился бы помосту с прыгающими куклами, ибо тогда не стало бы возможным проявление щедрости.

Глава 107

1062. Ulaku iyaṅṅiṅ — сотворивший мир, создатель. По-видимому, имеется в виду Брахма, один из трех главных богов индуистского пантеона.

Глава 109

Этой главой открывается часть, посвящаемая kaḷavu, или тайной любви.

1087. А м о к — состояние слона во время течки.

Глава 110

Все двустииши этой главы, по-видимому, идут из уст героя.

Глава 111

Все двустииши этой главы написаны от имени героя.

Глава 112

1115. Согласно бытовавшему в те времена образу, талия истинной красавицы столь тонка и хрупка, что может надломиться даже под тяжестью цветка со стеблем.

Глава 113

Первые пять двустииший произносит герой, последние — принадлежат героине. Возлюбленные разлучены.

1127. Красавица не будет подводить сурьюю глаз, так как ей придется закрыть их и образ ее любимого исчезнет.

Глава 114

Первые семь двустииший приписываются герою, последние три — героине.

1131. В древнем Тамилнаде существовал следующий обычай. Разлученный со своей любимой и отчаявшийся в согласии ее родителей на брак влюбленный возводит из веток пальмирового дерева особое сооружение, «пальмирового коня», и садится на него. Пальмировые ветви причиняют ему невыносимую боль, тело кро-воточит. Все селение является свидетелем его мук. Согласно одним комментаторам, друзья несут его на этом «пальмировом коне» к дому возлюбленной через все селение и поют трогательные песни о несчастной участи влюбленного. Влюбленный подвергается насмешкам жителей селения и испытывает, таким образом, как физические страдания, так и нравственные. Родители упрекают свою дочь за то, что та осмелилась без их ведома встречаться с восседающим на «пальмировом коне». Но делать нечего, и они дают свое согласие на их женитьбу.

Согласно другим комментаторам, влюбленный взбирается на «пальмирового коня», стоящего на виду у всего селения, держа в руке изображение своей «жесточкой» возлюбленной. Он дает понять, что не покинет терзающего его «коня», если родители возлюбленной не захотят выдать дочь замуж за него. Обычай этот не сохранился.

Глава 115

Первые пять двустииший принадлежат герою, последние — ис-ходят из уст героини.

1146. В Индии существовало поверье, что во время лунных затмений луну проглатывает демон Раху.

Глава 116

Этой главой начинается Кагри — «супружеская любовь», которой посвящены 17 заключительных глав.

Муж покидает свою молодую жену и уходит, по-видимому, в поход. Все двестишья этой главы принадлежат героине.

1155. Слова героини обращены к служанке.

Глава 117

Все слова принадлежат героине, терзающейся в разлуке с любимым. Иногда ей кажется, что его поездка не была вызвана необходимостью и что его можно вернуть, если послать вестника.

1163. Кавади — жердь носильщика в Индии, по концам которой навешивается груз равновеликой тяжести, чтобы было удобнее нести его на плече.

Глава 118

Все слова принадлежат героине, в отчаянии начинающей упрекать свои собственные глаза.

Глава 119

Все двестишья принадлежат героине. Расарри — трудное для перевода слово: «желтизна (бледность), возникающая вследствие страданий, изнуряющих тело и ум».

1184. Точно так же как молитвы отгоняют злых духов, так мысли и слова о любимом должны были бы прогнать желтизну. Но она не исчезает, и у героини возникают сомнения, не является ли эта желтизна обманом.

1189. Настроение меняется: героиня желает, чтобы любимому было радостно, даже если ей придется платить за это ценой безмерных страданий.

1190. Героине больно, если в селении скажут хотя бы одно плохое слово про ее любимого. Укорять любимого в жестокости дозволено лишь ей одной.

Глава 120

Все слова по-прежнему принадлежат героине.

1191. *tām viṅvāṭ tām viṅgarreṇṇavar* — сложный оборот: «Желаемые теми, кого они желают сами». Выражает обоюдность любви. Этот оборот встречается несколько раз (см. 1193, 1194).

1195. Героиня считает, что в их любви нет обоюдности, что любимый взамен полученной от нее любви подарил ей одни страдания.

Глава 121

1203. В Южной Индии до сих пор бытует поверье, что любимый или друг, находящийся далеко, думает о тебе в ту минуту, когда ты чихнул.

Глава 123

Вечером муки разлученных влюбленных усиливаются. Эта глава посвящена страданиям героини.

1225. Утро приносит облегчение страданиям.

Глава 124

Первые семь двестишья приписываются героине, последние три (1238—1240) — ее возлюбленному.

1231. В тамильской поэзии широко распространено сравнение красивых глаз с лотосом, который стыдится взглянуть в глаза красавицы от сознания своей убогости. Теперь прекрасная героиня жалуется, что ее глаза, поблекшие в разлуке, не могут взирать на цветы от сознания своей неспособности соперничать с их красотой.

Главы 125—126

Все слова принадлежат героине. Героиня неудержимо стремится к своему возлюбленному супругу, забывая о женской стыдливости.

Глава 127

Все двестишестидесяти, кроме 1268, приписываются героине. Время возвращения героя приближается.

Глава 128

Супруг возвращается. Первые пять двестишестидесяти приписываются герою (1271—1275), следующие три — героине (1276—1278) и заключительные два стиха — опять герою (1279—1280).

1276—1278. Имеется в виду новая кратковременная разлука.

Глава 129

1281—1287 — исходят из уст героини.

1288—1290 — исходят из уст героя.

Глава 130

Все двестишестидесяти принадлежат героине, недовольной собственным сердцем за его мягкость и собой за забвение стыдливости.

Глава 131

1301—1302, 1308 — приписываются героине.

1305—1307, 1309—1310 — приписываются герою.

Глава 132

1311—1312 — принадлежат героине, терзаемой ревностью.

1313—1320 — принадлежат ее супругу.

Глава 133

1321—1322 — приписываются героине.

1323—1330 — принадлежат, по-видимому, герою. Возможно, что 1323, 1330 — изречения, идущие от имени самого автора.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

BT — Bibliotheca Tamulica

IA — «Indian Antiquary», Bombay.

JA — «Journal Asiatique», Paris.

CB — «Советское востоковедение», М.

Мани. — Манимехалей

Шил. — Шихаппаликарам

E. Ariel, *Lettre*. — E. Ariel, *Lettre à M. Burnouf sur les Kural de Tiruvalluvar*, — JA, XII, 1848, pp. 20—21.

A. Chakravarti, — A. Chakravarti, *Tirukkural, with English translation and commentary and an introduction*, Madras, 1953.

Graul, *Kural*. — Charles Graul, *Kural of Tiruvalluvar. High-Tamil text with translation into common tamil and latin*, Leipzig, 1865.

Hooper. — J. S. M. Hooper, *Kural*, — «Christian College Magazine», Madras, 1918, april.

Krishnaswami Aiyangar, *Some contributions*. — Krishnaswami Aiyangar, *Some contributions of South India to Indian culture*, Calcutta, 1923.

Lazarus. — *The Kural of Tiruvalluvar with the commentary of Parimelazagar and a simple and clear padavuray to which is added an english translation of the text by J. Lazarus*, Madras, 1885.

Majumdar. — K. C. Majumdar, *An advanced history of India*, London, 1950.

Meyer. — J. J. Meyer, *Das altindische Buch vom Welt- und Staatsleben*, Leipzig, 1926.

Nilakanta Sastri, *The Cholas*. — K. A. Nilakanta Sastri, *The Cholas*, Madras, 1955.

Nilakanta Sastri, *A history*. — K. A. Nilakanta Sastri, *A history of South India*, Oxford, 1955.

Nilakanta Sastri, *Studies*. — K. A. Nilakanta Sastri, *Studies in Chola history and administration*, Madras, 1932.

- Pope, Notes. — G. U. Pope, *Notes on the Kurral of the Tamil poet Tiruvalluvar*, — IA, VII, 1878, pp. 220—224; VIII, 1879, pp. 305—309; IX, 1880, pp. 196—199; X, 1881, pp. 352—355.
- Pope, *Sacred Kurral*. — G. U. Pope, *The Sacred Kurral of Tiruvalluvar*. — Nāyanār, London, 1886.
- Popley. — H. A. Popley, *The Sacred Kural or the Tamil Veda of Tiruvalluvar*, Oxford, 1931.
- Powell-Price, *A history*. — J. C. Powell-Price, *A history of India*, London, 1955.
- M. S. Purnalingam Pillai, *The Kural*. — M. S. Purnalingam Pillai, *The Kural in English*, Tirunelveli, 1942.
- Ramachandra Dikshitar, *Studies*. — V. R. Ramachandra Dikshitar, *Studies in Tamil literature and history*, Madras, 1936.
- Srinivas Iyengar, *History*. — P. T. Srinivas Iyengar, *History of the Tamils*, Madras, 1929.
- V. V. Subrahmanya Aiyar. — V. V. Subrahmanya Aiyar, *The Kural or the maxims of Tiruvalluvar*, Tiruchirapalli, South India, 1952.
- Vaiyapuri Pillai, *A history*. — S. V. Vaiyapuri Pillai, *A history of Tamil language and literature*, Madras, 1956.
- Пятигорский. — А. М. Пятигорский, [рец. на:] «Tamil ilakkiya vara-lāgu» Садашива Пандараттара, — СВ. 1958, № 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Предисловие</i>	3
КНИГА ПЕРВАЯ. О ДОБРОДЕТЕЛИ	35
Глава 1. Хвала богу	35
Глава 2. Хвала дождю	36
Глава 3. О величии отрешившихся от мира	36
Глава 4. Следование дхарме	37
Глава 5. О семейной жизни	38
Глава 6. О спутнице жизни	38
Глава 7. О детях	39
Глава 8. О любви	40
Глава 9. О гостеприимстве	41
Глава 10. О ласковом слове	41
Глава 11. О благодарности	42
Глава 12. О беспристрастии	43
Глава 13. О самообладании	43
Глава 14. О добродетельном образе жизни	44
Глава 15. О необладании женой другого	45
Глава 16. О всепрощении	46
Глава 17. О зависти	46
Глава 18. Об отсутствии жадности	47
Глава 19. О незлословии за спиной другого	48
Глава 20. О воздержании от суесловия	49
Глава 21. О боязни греховных деяний	49
Глава 22. О щедрости сердца	50
Глава 23. О даянии	51
Глава 24. О славе	51
Глава 25. О милосердии	52
Глава 26. О невкушении мяса	53
Глава 27. О тапаса	54

	Стр.
Глава 28. О ханжестве	54
Глава 29. Об избежании обмана	55
Глава 30. О правдивости	56
Глава 31. О незлобivosti	57
Глава 32. О несовершении зла	57
Глава 33. О несовершении убийства	58
Глава 34. О суетности земного	59
Глава 35. Об отречении от земной жизни	60
Глава 36. О постижении истинного	60
Глава 37. Об искоренении желания	61
Глава 38. О карме	62
КНИГА ВТОРАЯ. О ПОЛИТИКЕ	
Глава 39. О величии властелина	63
Глава 40. Об учении	64
Глава 41. О неучености	65
Глава 42. Об умении внимать мудрости	65
Глава 43. О мудрости	66
Глава 44. О побуждении пороков	67
Глава 45. О снискании дружбы великих	68
Глава 46. О воздержании от дружбы с низкими	69
Глава 47. О продуманности деяний	69
Глава 48. О познании силы	70
Глава 49. Об умении выбрать время	71
Глава 50. Об умении выбрать место	72
Глава 51. О доверии к людям по испытании их	73
Глава 52. О привлечении к службе по испытании	73
Глава 53. О поддержании близких	74
Глава 54. О предусмотрительности	75
Глава 55. О справедливом правлении	76
Глава 56. О жестоком правлении	77
Глава 57. О несовершении деяний, наводящих страх	77
Глава 58. О благожелательности	78
Глава 59. Об использовании соглашения	79
Глава 60. О рвении	80
Глава 61. О незнании лени	80
Глава 62. О мужской решимости	81
Глава 63. О бесстрашии в беде	82
Глава 64. О советнике	83
Глава 65. О могуществе слова	83
Глава 66. О чистоте помыслов в действиях	84

	Стр.
Глава 67. О стойкости в деяниях	85
Глава 68. О путях свершения деяний	86
Глава 69. О посланнике	87
Глава 70. О близости к повелителю	88
Глава 71. О понимании с одного взгляда	88
Глава 72. Об умении держать себя в собрании	89
Глава 73. О бесстрашии перед слушающими тебя	90
Глава 74. О стране	91
Глава 75. О крепости	92
Глава 76. О приобретении богатства	93
Глава 77. О величии воинства	93
Глава 78. О гордости воина	94
Глава 79. О дружбе	95
Глава 80. О выборе друзей	96
Глава 81. О давней привязанности	97
Глава 82. О дружбе, приносящей зло	98
Глава 83. О лицемерной дружбе	98
Глава 84. О глупости	99
Глава 85. О дерзости невежества	100
Глава 86. О враждебности	101
Глава 87. О благе враждебности	102
Глава 88. О постижении природы ненависти	102
Глава 89. О враге внутри стана	103
Глава 90. О неоскорблении повелителя	104
Глава 91. О непотворстве прихотям жены	105
Глава 92. О блудницах	106
Глава 93. О непристрасти к вину	107
Глава 94. Об игре в кости	107
Глава 95. О врачевании	108
Глава 96. О достойном рождении	109
Глава 97. О собственном достоинстве	110
Глава 98. О величии	111
Глава 99. О мудрости	111
Глава 100. О великодушии	112
Глава 101. О богатстве, чуждом добра	113
Глава 102. О скромности	114
Глава 103. О деяниях на благо семьи	115
Глава 104. О земледелии	115
Глава 105. О нужде	116
Глава 106. О вымаливании подаяния	117
Глава 107. О страхе просить подаяние	118

Глава 108. О низости помыслов	119
---	-----

КНИГА ТРЕТЬЯ. О ЛЮБВИ

Глава 109. Терзания при виде ботиня красоты	120
Глава 110. Понимание сокровенного в сердце	121
Глава 111. Ликование в любовных объятиях	121
Глава 112. Упоение красотой	122
Глава 113. Восхваление чар любимой	123
Глава 114. Потеря стыдливости	124
Глава 115. Распространение молвы	125
Глава 116. Нестерпимые терзания разлуки	125
Глава 117. Надрывный плач в разлуке	126
Глава 118. Терзания глаз в томлении	127
Глава 119. Терзания при виде желтизны, порожденной раз- лукой	128
Глава 120. Нестерпимые страдания одиночества	129
Глава 121. Рыдания вспоминающей прошлое	129
Глава 122. Рассказ о виденном во сне	130
Глава 123. Слезы с приближением вечера	131
Глава 124. Утрата красоты тела	132
Глава 125. Беседа с сердцем	132
Глава 126. Потеря сдержанности	133
Глава 127. Нестерпимая тоска по любимому	134
Глава 128. Умение понимать сокровенные желания	135
Глава 129. Страстное желание любовных объятий	136
Глава 130. Недовольство сердцем	137
Глава 131. Притворная досада	137
Глава 132. Вершина ревности	138
Глава 133. Наслаждение, порождаемое наигранной обидой	139
Комментарии	141
Список сокращений	151